

ВЕСТНИК МГПУ.

СЕРИЯ «ИСТОРИЧЕСКИЕ НАУКИ».

**MCU JOURNAL
OF HISTORICAL STUDIES**

№ 4 (44)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ / SCIENTIFIC JOURNAL

**Издается с 2008 года
Выходит 4 раза в год**

**Published since 2008
Quarterly**

**Москва
2021**

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

- Реморенко И. М.** доктор педагогических наук, доцент, член-корреспондент РАО, почетный работник общего образования Российской Федерации, ректор МГПУ, Россия, Москва
председатель
- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
заместитель председателя
- Геворкян Е. Н.** доктор экономических наук, профессор, академик РАО, первый проректор МГПУ, Россия, Москва
заместитель председателя
- Агранат Д. Л.** доктор социологических наук, доцент, проректор по учебной работе МГПУ, Россия, Москва
заместитель председателя

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

- Рябов В. В.** доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО, президент МГПУ, Россия, Москва
главный редактор
- Омельяничук И. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
заместитель главного редактора
- Андреев И. Л.** кандидат исторических наук, доцент, заведующий кафедрой отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Банашкевич М. Я.** кандидат исторических наук (PhD), научный сотрудник Ягеллонского университета, Польша, Краков
- Брэдли Дж.** доктор философии по истории (PhD), заслуженный профессор Университета Талса, Вирджиния, Александрия
- Васильев Д. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Гагуев Р. Г.** доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института российской истории РАН, Россия, Москва
- Гайда Ф. А.** доктор исторических наук, доцент, Доцент кафедры истории России XIX – начала XX века МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Жангуттин Б. О.** доктор исторических наук, доцент, заведующий кафедрой истории Казахстана им. академика Т. С. Садыкова КазНПУ им. Абая, Казахстан, Алматы
- Кириллов В. В.** кандидат исторических наук, профессор, директор Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Козловская Г. Е.** доктор исторических наук, профессор, директор Самарского филиала МГПУ, Россия, Москва
- Мальшьева О. Г.** доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры отечественной истории МГПУ, Россия, Москва
- Матвеев Г. Ф.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории южных и западных славян МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Михайловский Ф. А.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой истории древнего мира и средних веков им. В. Ф. Семёнова МПГУ, Россия, Москва
- Николаев А. Б.** доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой русской истории (XIX–XXI вв.) РГПУ им. А. И. Герцена, Россия, Санкт-Петербург
- Орлов С. В.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель председателя Московской городской думы, заведующий кафедрой истории общественных движений и политических партий МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия, Москва
- Пазин Р. В.** кандидат исторических наук, главный редактор научно-методического журнала «Преподавание истории в школе», Россия, Москва
- Розут Д.** доктор гуманитарных наук (PhD), профессор, заведующий кафедрой военной истории и оборонных исследований Академии боевых искусств, Польша, Варшава
- Рокки Э. К.** магистр исторических наук (PhD). Канада, Торонто
- Ртищева Г. А.** кандидат исторических наук, доцент, доцент общеуниверситетской кафедры всеобщей и российской истории МГПУ, Россия, Москва
- Сорокин А. А.** кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой методики преподавания истории, обществознания и права МГПУ, Россия, Москва
- Токарева Е. А.** кандидат исторических наук, доцент, заместитель директора по учебно-методической работе и качеству образования Института гуманитарных наук МГПУ, Россия, Москва
- Черникова Т. В.** доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры всемирной и отечественной истории МГИМО, Россия, Москва

Журнал входит в Перечень рецензируемых научных изданий ВАК при Министерстве науки и высшего образования Российской Федерации, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук.

СОДЕРЖАНИЕ

История России: с древнейших времен до 1917 года

Соловьева А. С., Поникаровская М. В. Особенности презентации власти скифских царей: царская атрибутика в свидетельствах Геродота.....	5
Баринаева Е. П. Социальные практики дворянских организаций в 1897–1916 гг.....	18
Малышева О. Г., Жильцов Ю. В. Избирательная кампания во II Государственную думу Российской империи в Москве.....	32
Токарева Е. А., Челнокова А. Ю. Европейский контекст Серебряного века русской культуры.....	44
Гумеров М. М., Гусева Ю. Н. Среднее мусульманское образование в Самарской области (1991–2018 гг.).....	60

Новейшая история России

Красильников Т. С., Орчакова Л. Г. Пролетарский спорт советского государства как часть международного спортивного движения в период между мировыми войнами	78
Музафарова Н. И. Диалоги христианства и ислама в формировании духовно-нравственных ориентиров студенческой молодежи	90

Всеобщая история

Почекаев Р. Ю. Хивинский фактор российско-казахских отношений в XVIII–XIX вв.	103
Рабуш Т. В. К вопросу о роли Афганистана как фактора региональной системы международных отношений в XIX в.	121

Критика. Рецензии. Публицистика

Кабытов П. С., Баринаева Е. П. Рецензия на: Роднов М. И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север / Уфимский научный центр РАН; Институт истории языка и литературы. Уфа: Б. и., 2017. 204 с.	136
Требования к оформлению статей.....	144

C O N T E N T S

History of Russia: from Ancient Times to 1917

Soloveva A. S., Ponikarovskaya M. V. Features of the presentation of the power of the Scythian kings: royal attributes in the work of Herodotus.....	5
Barinova E. P. Social practices of noble organizations in 1897–1916.....	18
Malysheva O. G., Zhiltsov Yu. V. The election campaign for the second state дума of the Russian empire in Moscow	32
Tokareva E. A., Chelnokova A. Yu. European context of the Silver age Russian culture.....	44
Gumerov M. M., Guseva Yu. N. Secondary islamic education in the Samara region (1991–2018).....	60

Modern History of Russia

Krasilnikov T. S., Orchakova L. G. Proletarian sports of the Soviet state as the part of the international sports movement in the period between the world wars.....	78
Muzafarova N. I. Dialogues between Christianity and Islam in formation spiritual and moral guidelines.....	90

General History

Pochekaev Yu. The Khivan factor of Russian-Kazakh relations in XVIII–XIX centuries	121
Rabush T. V. On the question of Afghanistan’s role as an actor regional system of international relations in the XIX century	103

Criticism. Reviews. Publicism

Kabytov P. S., Barinova E. P. Review of: Rodnov M. I. Noble estate of the Ufa district of the second half of the 19th century. East. North / Ufa Scientific Center of the Russian Academy of Sciences; Institute of the History of Language and Literature. Ufa: N. p., 2017. 204 p.....	136
--	-----

Requirements for the Style of Articles.....	144
---	-----

УДК 94(3)

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.01

Соловьева Александра Сергеевна

магистрант

Санкт-Петербургский государственный университет

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: alek-soloviova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0086-0620

Поникаровская Марина Владимировна

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский филиал архива Российской академии наук

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: poni-marina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1322-077X

ОСОБЕННОСТИ ПРЕЗЕНТАЦИИ ВЛАСТИ СКИФСКИХ ЦАРЕЙ: ЦАРСКАЯ АТРИБУТИКА В СВИДЕТЕЛЬСТВАХ ГЕРОДОТА

Аннотация. Работа посвящена исследованию свидетельств о том, как визуализировалась власть скифских правителей, какие атрибуты использовались скифскими царями для презентации и укрепления своей власти. В работе анализируются свидетельства Геродота о скифах, а также археологические источники, которые соотносятся со сведениями античного историка. На основе изученного материала авторы работы выделяют военную атрибутику, которая ассоциировалась с мифами о происхождении скифов, а также религиозную символику, которая демонстрирует связь религиозной и политической сфер. В статье также рассматривается вопрос о взаимодействии греческой и скифской культур, которое нашло отражение в литературной традиции и археологических материалах, в том числе и в отношении такой консервативной области жизни древних обществ, как мифология и религия.

Ключевые слова: скифы, царская власть, Геродот, религия, визуализация власти.

Soloveva Aleksandra S.

undergraduate student

Saint Petersburg State University

email: alek-soloviova@mail.ru; ORCID: 0000-0002-0086-0620

Ponikarovskaya Marina V.

candidate of History

Saint-Petersburg Branch of the Archive of the Russian Academy of Sciences

Email: poni-marina@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-1322-077X

FEATURES OF THE PRESENTATION OF THE POWER OF THE SCYTHIAN KINGS: ROYAL ATTRIBUTES IN THE WORK OF HERODOTUS

Abstract. The work is devoted to the study of evidence of how the power of the Scythian rulers was visualized, what attributes were used by the Scythian kings to present and strengthen their power. The paper analyzes the evidence of Herodotus about the Scythians, as well as archaeological sources. On the basis of the ancient sources, the authors of the work single out military attributes that were associated with myths about the origin of the Scythians, religious objects in which a connection between the religious and political spheres is seen. The article also discusses the issue of the interaction of Greek and Scythian cultures, which is reflected in the literary tradition and archaeological materials, including in relation to such a conservative area of the life of ancient societies as mythology and religion.

Keywords: Scythians, royal power, Herodotus, religion, visualization of power.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-00455.

The reported study was funded by RFBR, project number 20-09-00455.

В «Истории» Геродота содержится большое количество свидетельств о политической структуре скифского общества и скифских царях. Античный историк стремился подробно и детально передать особенности жизни скифов, описывая их быт, уклад, культуру [11: с. 32]. В предлагаемой статье анализируются сведения античного историка о царской власти у скифов и ее атрибутике, обрядах и обычаях, связанных со скифскими правителями. Кроме того, рассматриваются археологические свидетельства, которые соотносятся с сообщениями Геродота о царях скифов и дают возможность ответить на вопрос о том, что представляли собой властные структуры скифского общества. Прежде всего, остановимся на том, как скифские правители могли подчеркивать и демонстрировать свое царское достоинство.

На основе свидетельств Геродота исследователи выделяют три династии скифских правителей [27, р. 406]. Первая происходит от царя Протофиия и его сына Мадиеса и связывается с военным походом скифов на территорию Мидии и Египта (Hdt., I, 103–104). Ко второй обычно относят Спаргапифа,

Лица, Гнура, Анахарсиса, его брата Савлия и сына Савлия Индафирса (Hdt., IV, 76), однако не все исследователи согласны с включением в нее Анахарсиса [13, с. 72]. При этом сам Геродот рассказывает об этих правителях, ссылаясь на сведения Тимна, опекуна, посредника [24, с. 176] или, как утверждает А. В. Подосинов, доверенное лицо Ариапифа [18, с. 792], и допускает, что Анахарсис принадлежал к данной династии, будучи дядей по отцу скифского царя Индафирса, поэтому нам кажется логичным добавить его в список представителей этого скифского рода. Третью династию представляли Ариапифа, Скила, Орика, Октамасада, причем трое последних, по-видимому, являлись сыновьями Ариапифа от разных жен. Геродот сообщает: «Многие годы спустя, Скил, сын Ариапифа, имел похожую судьбу. Ведь у Ариапифа, скифского царя, был рожден среди других сыновей Скил, от истриянки...» (πολλοῖσι δὲ κάρτα ἔτεσι ὕστερον Σκύλης ὁ Ἀριαλεῖθεος ἔπαθε παραπλήσια τούτω. Ἀριαλεῖθει γὰρ τῷ Σκυθέων βασιλείῃ γίνεται μετ' ἄλλων παίδων Σκύλης· ἐξ Ἰστριηνῆς δὲ γυναικὸς... — Hdt., IV, 78). Мать Орика Опия имела скифское происхождение: «...Скил же получил царство и жену отца, которую звали Опоя. Она же сама была местной, от нее у Ариапифа был сын Орик» (...Σκύλης δὲ τὴν τε βασιλῆην παρέλαβε καὶ τὴν γυναῖκα τοῦ πατρός, τῇ οὖνομα ἦν Ὀποίη. Ἦν δὲ αὕτη ἡ Ὀποίη ἀστή, ἐξ ἧς ἦν Ὀρικὸς Ἀριαλεῖθει παῖς. — Hdt., IV, 78). Что касается Октамасада, то мы встречаем лишь упоминание Геродота о том, что этот скифский царь являлся братом Скила. Историк сообщает, что фракийский правитель Ситалк предложил Октамасаду выдать его брата Скила в обмен на своего брата, который находился у Октамасада. «Октамасад соглашается, выдав своего дядю (брата Ситалка), и забрал брата Скила» (Ὁ δὲ Ὀκταμασάδης καταίνεει ταῦτα, ἐκδοὺς δὲ τὸν ἐωυτοῦ μήτρων Σιτάλκῃ ἔλαβε τὸν ἀδελφεὸν Σκύλην. — Hdt., IV, 80).

Данные сведения античного автора позволяют говорить о существовании довольно сложной системы власти в скифском обществе с сильными патриархальными структурами и наследованием по мужской линии, а также с периодическими междоусобными столкновениями, так как Геродот сообщает по крайней мере о трех правителях скифов, которые умерли не своей смертью [13, с. 72]. Устойчивость и консерватизм политической культуры скифов прослеживается в легендах об их происхождении, в которых мы встречаем упоминание традиционных атрибутов скифской власти.

Геродот передает несколько легенд о происхождении скифов и их царей. Античный историк замечает, что, по их рассказам, они ведут свой род от сына Зевса Таргитая, первого царя скифов, имевшего троих сыновей, от которых и произошли три разных скифских племена. При этом Геродот упоминает об атрибутах царской власти, которые были почитаемы скифами, — плуг, чаша, секира, ярмо (Hdt., IV, 6). Отметим, что эти предметы встречаются и в другой легенде, согласно которой скифы ведут свой род от сына Геракла Скифа и которую Геродот сообщает со слов понтийских эллинов (Hdt., IV, 10). Еще одна версия связана с рассказом историка о том, как скифы появились на территории Северного Причерноморья и как проходили свой путь из азиатских земель,

вытесняя киммерийцев (Hdt., IV, 11). По словам Геродота, эту третью легенду рассказывают как сами скифы, так и понтийские эллины. И хотя некоторые исследователи считают, что сам античный историк мог отдавать предпочтение именно третьему преданию о появлении скифов, так как оно кажется более объективным [28, р. 37], две первые версии, излагаемые Геродотом, представляются нам информативными и важными, поскольку именно в них говорится о возникновении царской власти у скифов. При анализе данных легенд складывается впечатление, что вторая из них, которая была распространена именно среди греческого населения, относится к более позднему времени [27, р. 103], что подтверждается и археологическими находками в скифских погребениях. Исследователи отмечают, что на скифских сосудах, чашах, изваяниях, датированных, как правило, VI–V вв. до н. э., можно встретить мифологические изображения, которые отсылают нас к исконно скифским мифам, и сходятся во мнении, что данные иллюстрации связаны с упоминаемым Геродотом мифом о Таргитае [6, с. 12]. В то время как легенда о Геракле засвидетельствована в более позднем историческом материале, который относится к IV в. до н. э. [2, с. 14]. По-видимому, греческая культура начала заметно влиять на скифскую именно к данному периоду времени [7, с. 19]

Сравнение археологического материала и свидетельств Геродота помогает расширить наши представления о том, как действительно использовались атрибуты власти у скифов, которые описывает Геродот. В настоящее время известно более 120 антропоморфных изваяний скифов [16, с. 15], обнаруженных в Северном Причерноморье и, возможно, содержащих информацию о том, какое визуальное выражение могли иметь символы власти у этого народа. В отечественной науке имеется множество мнений и гипотез о том, кто изображен в качестве изваяний. Так, ряд исследователей полагает, что данные скульптуры были возведены в честь скифских воинов и полубоггероических героев [5, с. 167]. Некоторые ученые интерпретируют данные изображения как изваяния скифских царей [9; 14]. Другие исследователи считают, что каменные изваяния являются посвящениями богам [15]. Отметим, что данные антропоморфные изображения и представленная на них атрибутика имеют важные соответствия с сообщениями Геродота о символах власти у скифов.

Среди предметов вооружения на скифских изваяниях встречаются секира, лук или меч, упоминаемые Геродотом. В легенде о происхождении скифов, которую античный историк передает со слов понтийских эллинов, говорится о Геракле, обучавшем своих сыновей натягиванию лука и опоясыванию. По словам Геродота, Скиф стал единственным сыном Геракла, который смог повторить данные обряды, именно поэтому к нему перешла власть и он стал первым скифским царем (Hdt., IV, 9–10). Справедливым суждением нам представляется идея Б. Н. Гракова о том, что лук являлся не просто неким воплощением модели мира, но, скорее, мифологическим символом скифского общества, который олицетворял собой патриархальную социальную структуру и переход

власти и имущества к наследнику по мужской линии [6, с. 12]. Детально данную идею развивает Д. С. Раевский, исследуя изображение мифа о Таргитае, выполненное на воронежском сосуде, на котором присутствует сцена передачи лука от одного скифа к другому, которая, по мнению исследователя, символизирует передачу власти по мужской линии [21]. Еще одним подтверждением данного мнения служит электровый сосуд из Куль-Обы, где изображен воин с двумя луками сразу, в котором раевский также видит легенду о Таргитае, а два лука интерпретирует как символы власти скифа [21].

Кроме того, Д. С. Раевский соотносит визуализацию мифа о Таргитае с усложнением политической обстановки для скифского государства в IV в. до н. э. и попытками скифского царя Атея укрепить царскую власть. По его мнению, фигура Таргитая оказывается тесно связанной с мифом о Геракле и его сыне Скифе и данный синтез скифского и греческого мифов помогал Атею выглядеть в глазах причерноморских греков легитимным правителем скифов. Подтверждением тому служит своего рода политический шаг Атея, который выразился в особенностях чеканки скифской монеты: на аверсе монет представлен конный скиф, стреляющий из лука, а на реверсе мы видим типичную для греческих монет голову Геракла в львиноголовом шлеме [2, с. 14]. Синтез греческой и скифской культуры помогал Атею укреплять свою легитимность [22, с. 550]. Таким образом, как более ранняя версия, рассказывающая нам о появлении скифов от Таргитая, так и более поздняя легенда, распространенная среди причерноморских эллинов, указывают на то, что военная атрибутика (и прежде всего лук) на протяжении долгого времени оставалась символом могущества скифских царей, а также свидетельством весьма консервативных социальных структур и патриархальности скифской власти.

Отметим в этой связи также попытки сравнения источников, повествующих о скифах, с парфянскими нумизматическими материалами. На парфянских монетах неоднократно засвидетельствовано изображение сидящего мужчины с луком в правой руке [10, с. 46]. Относительно трактовки данного изображения высказывались самые разные точки зрения. Господствующим являлось мнение о том, что на монетах изображен обожествленный основатель династии Аршак [29, р. 18; 30, р. 32; 12, с. 58]. Связать данное изображение с распространением легенды о Таргитае и особенностями передачи власти в скифо-сакском мире пытался Д. С. Раевский [20]. Однако изображения на более ранних парфянских монетах и на монетах ахеменидского сатрапа Датама схожи, что позволило исследователям по-новому взглянуть на происхождение нумизматической символики Парфии [10, с. 48]. Комплексный подход в изучении происхождения парфянских монет помогает увидеть на обширном материале ираноязычных народов распространенность изображения лука и лучника, которые символизируют царскую власть [10, с. 48].

Еще одним атрибутом скифской власти служила секира — боевой топор, который подвешивался к поясу под правой рукой, рукоятью вниз. Особенно часто

изображения секиры встречаются на скифских скульптурах VI–V вв. до н. э. [16, с. 18]. Можно вспомнить также ритуальную секиру, обнаруженную в царском погребении Келермесского кургана [16, с. 18]. Боевое оружие — лук и секира, отмеченные Геродотом и постоянно встречающиеся среди археологического материала, — должно было символизировать царскую власть, а также визуально подчеркивать принадлежность к царскому роду.

Помимо военной атрибутики как символ царской власти скифов Геродот выделяет чашу. При этом античный историк упоминает данный предмет в обеих легендах. В рассказе о сыне Геракла Скифе Геродот пишет, что тот сохранил память о золотой чаше отца, поэтому у скифов появилась традиция носить чашу на поясе (Hdt., IV, 10). Подобные атрибуты власти также встречаются на каменных скифских изваяниях. По-видимому, они предназначались для культовых возлияний и являлись сакральными предметами [16, с. 17].

Скифские золотые чаши (φιάλη)¹ упоминаются Геродотом в рассказе о похоронах скифских правителей: «В остальное пространство захоронения кладут одну из наложниц, задушив ее, а также виночерпия, повара, конюха, слугу, вестника, лошадей и других всяких первенцев, и золотые чаши...» (... ἐν δὲ τῇ λοιπῇ εὐρυχωρίῃ τῆς θήκης τῶν παλλακέων τε μίαν ἀποπνίζαντες θάπτουσι καὶ τὸν οἰνοχόον καὶ μάγειρον καὶ ἵπποκόμον καὶ διήκονον καὶ ἀγγελιφόρον καὶ ἵππους καὶ τῶν ἄλλων ἀπάντων ἀπαρχὰς καὶ φιάλας χρυσέας... — Hdt., IV, 71). Как видно из этого описания, золотая чаша была необходимым и значимым атрибутом погребения скифского царя. При этом Геродот добавляет, что серебряные и медные сосуды скифы для данного обряда не используют (Hdt., IV, 71).

Отметим в этой связи и другие важные особенности царского захоронения. Геродот сообщает о том, что после смерти правителя сооружалась погребальная камера, куда также помещались слуги, прижизненные атрибуты и царская символика. Смерть слуг воспринималась не как убийство, а как переход на службу к царю в загробном мире, поскольку этому предшествовал специальный обряд, а также за царем добровольно следовали только «природные скифы» [17, с. 74]. Повозка с телом царя совершала объезд различных скифских областей, при этом их жители выражали свое горе плачем, криками и другой жестикуляцией (Hdt., IV, 71). По мнению ряда исследователей, подобное аффективное поведение должно было символизировать некую глобальную утрату, нарушение мирового порядка для скифов, так как правитель ассоциировался для скифского общества со связующим началом, олицетворяющим единство скифов [7, с. 47].

¹ φιάλη — распространенный греческий сосуд, который представлял собой чашу без ручек с выпуклостью в центре. Данным словом для характеристики скифских чаш пользуется как Геродот, так и другие античные авторы, при этом они, по-видимому, могли обозначать этим словом различные сосуды. Подробнее об использовании слова φιάλη и о других наименованиях скифских сосудов см.: *Власова Е. В.* Античные источники о скифских сосудах // *Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры.* 2012. Т. 2. С. 49–65.

Описание похоронной процессии скифов также схоже с рассказом Геродота о погребении спартанских правителей. Сам античный историк замечает, что у большинства варварских племен обычаи при кончине царей очень схожи со спартанскими (Hdt., VI, 58). Возможно, Геродот имел в виду именно траурную процессию, которая сопровождалась аффективным поведением участвующих в ней людей и так же, как в случае со скифами, символизировала утрату.

В качестве археологических подтверждений исследователи ссылаются на курганные погребения могильника Пазарык на Алтае, Аржак-1, Иссыкский курган и т. д., усматривая в них некие мировоззренческие центры скифского мира, где совершались погребальные обряды скифских царей с сопутствующей атрибутикой власти [7, с. 47]. На наш взгляд, примечательным является еще одно свидетельство Геродота, в котором он рассказывает о скифе Иданфирсе и персидском царе Дарии. Обращаясь к Дарию, Иданфирс говорит, что если персы хотят сразиться со скифами, то сначала они должны найти и разграбить могилы их предков (Hdt., IV, 127). Данное свидетельство Геродота указывает на то значение, которое имело почитание скифами правителей и предков, и, пусть косвенно, на уже отмеченный нами символизм скифской власти.

Что касается других атрибутов скифской власти, то плуг и ярмо, очевидно, были почитаемы, так как связывались с религиозными представлениями и главными скифскими богами. Принадлежность данных инструментов к скифской власти обусловлена, по-видимому, связью царской власти и религии скифов. Геродот, рассказывая о главных скифских божествах, уподобляет их греческим: «Скифы почитают только следующих богов. Прежде всего — Гестию, затем Зевса и Гею; после них — Аполлона и Афродиту Небесную, Геракла и Ареса... На скифском языке Гестия называется Табити, Зевс — Папей, Гея — Апи, Аполлон — Гойтосир, Афродита Небесная — Аргимпаса, Посейдон — Фагимасад» (Hdt., IV, 59).

Вопрос о том, почему Геродот называет в качестве почитаемых скифами только семь богов, был рассмотрен исследователями-иранистами, объясняющими данный феномен тем, что «семибожный пантеон был древним общеперсидским трафаретом, который был унаследован и скифами, и зороастризмом независимо друг от друга» [31, р. 282]. Существует точка зрения о том, что число «семь» могло быть лишь интерпретацией самого Геродота для того, чтобы снова показать взаимосвязь скифских и греческих представлений [25, с. 120]. Так, число «семь» являлось священным числом Аполлона (Plutarch. Symp. IX, 3, 1). По замечанию М. В. Скржинской, числа Геродота несут весьма условную, скорее символическую информацию, которую необходимо принимать с осторожностью [23, с. 122]. Для нашего исследования не столь важен вопрос о семибожии скифского пантеона, однако необходимо обратить внимание на то, какую роль играла религия скифов в контексте царской власти. Как справедливо отмечает В. И. Абаев, женские божества, исходя из этимологического анализа, по-видимому, правильно были интерпретированы и сопоставлены Геродотом с греческими божествами [1]. Отождествление Геродотом Табити

с Гестией, по мнению М. И. Артамонова, говорит и о том, что в скифской среде Табиты была не просто покровительницей домашнего очага, она также являлась прародительницей и отвечала за кровные узы и родство, что воспринималось и как защита скифских царских родов [3, с. 57–60]. Табиты считалась также «царицей скифов»: «клятва царскими Гестиями», т. е. царским очагом, царскими предками была, по свидетельству Геродота, «величайшей клятвой (μέγιστος ὄρκος)» (Hdt., IV, 68).

Змееногая богиня Апи — еще одно женское божество скифов, которое Геродот уподобляет греческой Гее. Образ этой богини, олицетворявшей плодородие земли, со временем впитал в себя ряд восточных и греческих представлений. Примечательно найденное при раскопках Цымбаловой могилы изображение богини, у которой вместо ног — несколько пар змеиных отростков. С точки зрения М. И. Артамонова, данный образ связан непосредственно с Апатурской богиней, которая запечатлена в мифе о происхождении скифов от Геракла и Эхидны — полуженщины и полузмеи [3, с. 57–60]. Геродот описывает и изображает Апи похожей на Гею, наделяя божество скифов теми же функциями и связывая ее культ с плодородием, рождением и семейными узами [26, с. 424].

Существуют археологические свидетельства, которые указывают на то, что культ Апи переплетался с земельными греческими культами. В погребениях Большой Близницы на Таманском полуострове, по всей видимости, принадлежавших семье, игравшей большую роль в местном культе, наряду с изображениями греческих божеств плодоносящей силы земли — Деметры и Персефоны (Коры) — имеются бляшки с изображениями, сходными с образом змееногой богини на налобнике из Цымбалки. Подобные бляшки найдены и на противоположной стороне пролива — в кургане Куль-Оба. Последние, наиболее детализированные, воспроизводят фантастическое существо с головой и телом женщины, нижняя часть которого представляет собой две пары змеобразных ног, заканчивающихся головками львиных грифонов и змей, и колоса, заполняющего пространство между ними. В бляшках Большой Близницы образ богини был несколько модифицирован, змеобразные конечности изображаются как стилизованные завитки. По мнению исследователей, это говорит о слиянии культа Апи и культа элевсинских мистерий, который был распространен на Боспоре [3, с. 57–60]. Впоследствии изображения богинь были представлены на скифских монетах, продолжая ассоциироваться с царской властью скифов [14, с. 430]. Благодаря свидетельствам Геродота мы можем проследить связь женских скифских божеств с земельными культами, представлениями о плодородии, начале рода и царской власти. Плуг и ярмо, найденные археологами и упомянутые Геродотом, могли быть символическими атрибутами данных мировоззренческих установок, а также помогают их визуализировать.

Рассказ Геродота и археологические источники свидетельствуют о существовании весьма древних и устойчивых традиций в скифском обществе, которые

нашли отражение и в атрибутике царской власти, связанной, прежде всего, с военной и религиозной символикой, которая играла важнейшую роль в презентации власти и подчеркивании ее легитимности. Однако, несмотря на консервативность устоев, в свидетельствах Геродота заметна и другая важная тенденция — взаимодействие греческой и скифской культур, которое находит свое воплощение как в сохранившихся в литературной традиции мифологических сюжетах о происхождении скифов и их царей, так и в археологических данных. Логос Геродота наполнен свидетельствами о происхождении скифских династий, мифами о царской власти, а также описанием атрибутики скифских царей. Сопоставление сведений Геродота с археологическим материалом приводит к выводу о существовании довольно сложной и очень консервативной политической структуры скифов, наследования царской власти по мужской линии. Такие предметы, как лук, боевой топор, секира, с одной стороны, служили символами военной доблести скифов, с другой — символизировали мощь царской власти. Другие элементы скифской власти, к примеру чаши, были связаны с погребальными культами царей и являлись непременным атрибутом прижизненной царской власти, так как соотносились с мифологическими представлениями скифов о первых золотых чашах. Визуализация скифской власти также находила себя в существовании религиозных культов. Как было отмечено, женские божества скифов, интерпретированные Геродотом, символизировали собой культы плодородия, начала рода, происхождения и, как следствие, ассоциировались с царским домом. Изучение представлений скифов о царской власти и ее визуализации дает основание утверждать, что греческое влияние способствовало проникновению эллинских мотивов в скифскую культуру. Уже в V–IV вв. до н. э. мы можем встретить в мифологии скифов легенду о Геракле как родоначальнике скифской династии, а также связь женских скифских божеств с греческими. Кроме прочего, греческие мотивы уже встречаются на предметах быта, монетах, в скифских царских погребениях этого периода. Данные процессы указывают на постепенное изменение визуализации скифской царской власти под влиянием греческих культурных представлений.

Список источников

1. Абаев В. И. Культ «семи богов» у скифов // Древний мир: сб. статей академику В. В. Струве. М.: Восточная литература, 1962. С. 445–450.
2. Анохин В. А. Монеты скифского царя Атея // Нумизматика и сфрагистика. 1965. № 2. С. 3–15.
3. Артамонов М. И. Антропоморфные божества в религии скифов // АСГЭ. 1961. Вып. 2. С. 57–87.
4. Власова Е. В. Античные источники о скифских сосудах // Scripta antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2012. Т. 2. С. 49–65.
5. Граков Б. Н. Скифы: научно-популярный очерк. М.: Изд-во Московского университета, 1971. 202 с.

6. Граков Б. Н., Мелюкова А. И. Об этнических и культурных различиях в степных и лесостепных областях Европейской части СССР в скифское время // Вопросы скифо-сарматской археологии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954. С. 39–93.
7. Гуляев В. И. Скифы Северного Причерноморья в VII–IV вв. до н. э. (старые проблемы – новые решения). М.: ИА РАН, 2019. 656 с.
8. Дашковский П. К. Сакрализация правителей кочевых обществ Южной Сибири и Центральной Азии в древности и средневековье // Известия Алтайского государственного университета. 2002. № 4 (56). С. 46–52.
9. Елагина Н. Г. Скифские антропоморфные стелы Николаевского музея // Советская археология. 1959. № 2. С. 190–198.
10. Зеймаль Е. В. Парфянский лучник и его происхождение // Сообщения Государственного Эрмитажа. 1982. Вып. XLVII. С. 46–49.
11. Иванчик А. И. Накануне колонизации. Северное Причерноморье и степные кочевники VIII–VII вв. до н. э. в античной литературной традиции: фольклор, литература и история. Берлин; М.: Палеограф, 2005. 311 с.
12. Кошеленко Г. А. Некоторые вопросы истории ранней Парфии // Вестник древней истории. 1968. № 1. С. 53–71.
13. Кузнецова Т. М. Скифские курганы и исторические персонажи V–VI вв. до н. э. // Российская археология. 2015. № 2. С. 72–85.
14. Манов М. Скифские цари в Добрудже // Scripta Antiqua. Вопросы древней истории, филологии, искусства и материальной культуры. 2015. Т. 4. С. 424–436.
15. Мелюкова А. И. Каменная фигура скифа-воина // Краткие сообщения Института истории материальной культуры. Вып. XLVIII. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1952. С. 125–129.
16. Молев Е. А., Молева Н. В. Скифские антропоморфные изваяния Северного Причерноморья: эмблемы власти и войны // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2013. № 4 (3). С. 15–21.
17. Очир-Горяева М. А. Два способа умерщвления людей и животных у скифов по Геродоту // Древности Сибири и Центральной Азии. Горно-Алтайск: Изд-во ГАГУ, 2017. С. 68–77.
18. Подосинов А. В. Мог ли Геродот встретиться в Ольвии с Тимном, наместником скифского царя Ариапифа // Индоевропейское языкознание и классическая филология. 2014. № 18. С. 789–793.
19. Попова Е. А. Об истоках традиций и эволюции форм скифской скульптуры // Советская археология. 1976. № 1. С. 115–121.
20. Раевский Д. С. К вопросу об обосновании царской власти в Парфии («Парфянский лучник» и его семантика) // Средняя Азия в древности и средневековье (история и культура). М.: Наука, 1977. С. 81–86.
21. Раевский Д. С. Скифский мифологический сюжет в искусстве и идеологии царства Атея // Советская археология. 1970. № 3. С. 90–101.
22. Савостина Е. А. Скифы, греки и языки их искусства. Об изобразительных системах культур, встретившихся в Северном Причерноморье // Боспорский феномен: Население, языки, контакты: материалы международной научной конференции. (Санкт-Петербург, 22–25 ноября 2011 г.). СПб.: Нестор-История, 2011. С. 547–552.
23. Скржинская М. В. Скифия глазами эллинов. СПб.: Алетейя, 2001. 304 с.

24. Скржинская М. В. Взаимоотношения скифов царского рода с греками в Элладе и в Северном Причерноморье // Мнемон. 2017. № 17 (1). С. 163–186.
25. Шайб И. Ю. Из истории исследования скифской религии // Вестник Санкт-Петербургского университета. 2008. Вып. 4. № 1. С. 118–123.
26. Тайлор Э. Б. Миф и обряд в первобытной культуре. Смоленск: Русич, 2000. 624 с.
27. Bichler R. Herodots Welt. Berlin: De Gruyter, 2000. 425 p.
28. Fehling D. Die Quellenangaben bei Herodot. Berlin; New York: De Gruyter, 1971. 198 p.
29. Gardner P. The Parthian coinage. London: Trübner & co, 1877. 76 p.
30. Gutschmid A. Von. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen: Tübingen, H. Laupp, 1888. 189 p.
31. Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran. Leipzig: J. C. Hinrich, 1938. 506 p.

References

1. Abaev V. I. Kul't «semi bogov» u skifov [The cult of the “seven gods” among the Scythians] // Drevnii mir: sb. statei akademiku V. V. Struve. M.: Vostochnaia literatura, 1962. S. 445–450. (In Russ.).
2. Anokhin V. A. Monety skifskogo tsaria Ateia [Coins of the Scythian king Atey] // Numizmatika i sfragistika. 1965. № 2. S. 3–15. (In Russ.).
3. Artamonov M. I. Antropomorfnye bozhestva v religii skifov [Anthropomorphic deities in the religion of the Scythians] // ASGE. 1961. Vyp. 2. S. 57–87. (In Russ.).
4. Vlasova E. V. Antichnye istochniki o skifskikh sosudakh [Ancient sources about Scythian vessels] // Scripta antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury. 2012. T. 2. S. 49–65. (In Russ.).
5. Grakov B. N. Skify: nauchno-populiarnyi ocherk. [Scythians: Popular Science Essay]. Moscow: Izd-vo Moskovskogo universiteta, 1971. 202 s. (In Russ.).
6. Grakov B. N., Meliukova A. I. Ob etnicheskikh i kul'turnykh razlichiiakh v stepnykh i lesostepnykh oblastiakh Evropeiskoi chasti SSSR v skifskoe vremia [Ethnic and cultural differences in the steppe and forest-steppe regions of the European part of the USSR in the Scythian time] // Voprosy skifo-sarmatskoi arkheologii. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1954. S. 39–93. (In Russ.).
7. Guliaev V. I. Skify Severnogo Prichernomor'ia v VII–IV vv. do n. e. (starye problemy – novye resheniia) [Scythians of the Northern Black Sea region in the 7th–4th centuries BC (old problems – new solutions)]. Moscow: IA RAN, 2019. 656 s. (In Russ.).
8. Dashkovskii P. K. Sakralizatsiia pravitelei kochevykh obshchestv Iuzhnoi Sibiri i Tsentral'noi Azii v drevnosti i srednevekov'e [Sacralization of the rulers of the nomadic societies of Southern Siberia and Central Asia in antiquity and the Middle Ages] // Izvestiia Altaiskogo gosudarstvennogo universiteta. 2002. № 4 (56). S. 46–52. (In Russ.).
9. Elagina N. G. Skifskie antropomorfnye stely Nikolaevskogo muzeia [Scythian anthropomorphic steles of the Nikolaev Museum] // Sovetskaia arkheologiia. 1959. № 2. S. 190–198. (In Russ.).
10. Zeimal' E. V. Parfianskii luchnik i ego proiskhozhdenie [Parthian archer and his origins] // Soobshcheniia Gosudarstvennogo Ermitazha. 1982. Vyp. XLVII. С. 46–49. (In Russ.).

11. Ivanchik A. I. Nakanune kolonizatsii. Severnoe Prichernomor'e i stepnye kochevniki VIII–VII vv. do n. e. v antichnoi literaturnoi traditsii: fol'klor, literatura i istoriia [On the eve of colonization. Northern Black Sea region and steppe nomads of the 8th–7th centuries BC. in the ancient literary tradition: folklore, literature and history]. Berlin, Moscow: Paleograf, 2005. 311 s. (In Russ.).
12. Koshelenko G. A. Nekotorye voprosy istorii rannei Parfii [Some questions of the history of early Parthia] // Vestnik drevnei istorii. 1968. № 1. S. 53–71. (In Russ.).
13. Kuznetsova T. M. Skifskie kurgany i istoricheskie personazhi V–VI vv. do n. e. [Scythian burial mounds and historical characters of the 5th–6th centuries BC NS] // Rossiiskaia arkhologiiia. 2015. № 2. S. 72–85. (In Russ.).
14. Manov M. Skifskie tsari v Dobrudzhe [Scythian kings in Dobrudja] // Scripta Antiqua. Voprosy drevnei istorii, filologii, iskusstva i material'noi kul'tury. 2015. T. 4. S. 424–436. (In Russ.).
15. Meliukova A. I. Kamennaia figura skifa-voina [Stone figure of a Scythian warrior] // Kratkie soobshcheniia Instituta istorii material'noi kul'tury. Vyp. XLVIII. Moscow: Izd-vo Akademii nauk SSSR, 1952. S. 125–129. (In Russ.).
16. Molev E. A., Moleva N. V. Skifskie antropomorfnye izvaianiia Severnogo Prichernomor'ia: emblemy vlasti i voiny [Scythian anthropomorphic sculptures of the Northern Black Sea region: emblems of power and war] // Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N. I. Lobachevskogo. 2013. № 4 (3). S. 15–21. (In Russ.).
17. Ochir-Goriaeva M. A. Dva sposoba umershchvleniia liudei i zivotnykh u skifov po Gerodotu [Two ways of killing people and animals among the Scythians according to Herodotus] // Drevnosti Sibiri i Tsentral'noi Azii. Gorno-Altaysk: Izd-vo GAGU, 2017. S. 68–77. (In Russ.).
18. Podosinov A. V. Mog li Gerodot vstretit'sia v Ol'vii s Timnom, namestnikom skifskogo tsaria Ariapifa [Could Herodotus meet in Olbia with Timnos, the governor of the Scythian king Ariapith] // Indoevropeskoe iazykoznanie i klassicheskaia filologiiia. 2014. № 18. S. 789–793. (In Russ.).
19. Popova E. A. Ob istokakh traditsii i evoliutsii form skifskoi skul'ptury [About the origins of traditions and the evolution of the forms of Scythian sculpture] // Sovetskaia arkhologiiia. 1976. № 1. S. 115–121. (In Russ.).
20. Raevskii D. S. K voprosu ob obosnovanii tsarskoi vlasti v Parfii («Parfianskii luchnik» i ego semantika) [To the question of substantiating royal power in Parthia („Parthian archer“ and its semantics)] // Sredniaia Aziia v drevnosti i srednevekov'e (istoriia i kul'tura). M.: Nauka, 1977. C. 81–86. (In Russ.).
21. Raevskii D. S. Skifskii mifologicheskii siuzhet v iskusstve i ideologii tsarstva Atea [Scythian mythological plot in the art and ideology of the kingdom of Atea] // Sovetskaia arkhologiiia. 1970. № 3. S. 90–101. (In Russ.).
22. Savostina E. A. Skify, greki i iazyki ikh iskusstva. Ob izobrazitel'nykh sistemakh kul'tur, vstretivshikhsia v Severnom Prichernomor'e [Scythians, Greeks and languages of their art. On the visual systems of cultures that met in the Northern Black Sea region] // Bosporskii fenomen: Naselenie, iazyki, kontakty: materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii. (Sankt-Peterburg, 22–25 noiabria 2011 g.). SPb.: Nestor-Istoriia, 2011. S. 547–552. (In Russ.).
23. Skrzzhinskaia M. V. Skifiia glazami ellinov [Scythia through the eyes of the Hellenes]. St. Petersburg: Aleteiia, 2001. 304 s. (In Russ.).

24. Skrzhinskaia M. V. Vzaimootnosheniia skifov tsarskogo roda s grekami v Ellade i v Severnom Prichernomor'e [The relationship of the Scythians of the royal family with the Greeks in Hellas and in the Northern Black Sea region] // *Mnemon*. 2017. № 17 (1). S. 163–186. (In Russ.).
25. Shaub I. Iu. Iz istorii issledovaniia skifskoi religii [From the history of the study of the Scythian religion] // *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta*. 2008. Vyp. 4. № 1. S. 118–123. (In Russ.).
26. Tailor E. B. Mif i obriad v pervobytnoi kul'ture [Myth and Rite in Primitive Culture.]. Smolensk: Rusich, 2000. 624 s. (In Russ.).
27. Bichler R. Herodots Welt. Berlin: De Gruyter, 2000. 425 p.
28. Fehling D. Die Quellenangaben bei Herodot. Berlin; New York: De Gruyter, 1971. 198 p.
29. Gardner P. The Parthian coinage. London: Trübner & co, 1877. 76 p.
30. Gutschmid A. Von. Geschichte Irans und seiner Nachbarländer von Alexander dem Grossen bis zum Untergang der Arsaciden. Tübingen: Tübingen, H. Laupp, 1888. 189 p.
31. Nyberg H. S. Die Religionen des alten Iran. Leipzig: J. C. Hinrich, 1938. 506 p.

УДК 947.083

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.02

Баринава Екатерина Петровна

доктор исторических наук, профессор

Самарский национальный исследовательский университет

Самара, Россия

e-mail: rfnz25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2514-9421

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ ДВОРЯНСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ В 1897–1916 гг.

Аннотация. В статье рассмотрена специфика и основные направления оказания социальной помощи внутри дворянских корпораций в губерниях Европейской России в конце XIX – начале XX в. Анализ сложившейся к настоящему времени историографии российского дворянства позволил выявить достижения и пробелы в изучении вопроса организации опеки и оказания материальной поддержки малоимущим дворянам, учреждениям пансионов и школ для их детей и сирот. Статья написана на основе комплекса опубликованных документов, делопроизводственной документации, хранящейся в центральных и региональных архивохранилищах, а также материалов съездов объединенного дворянства.

Применение традиционных исторических методов исследования и историко-антропологического подхода позволило охарактеризовать деятельность корпоративной организации в рамках оказания социальной и экономической помощи членам корпорации. Сравнительный анализ решений корпоративных организаций Центрально-Черноземных и Поволжских губерний дает возможность выявить общие черты и различные подходы к социальным практикам дворянских объединений.

Охарактеризованы формы оказания материальной поддержки членам корпораций и содействия дворянским семьям в воспитании и образовании детей и сирот. Дана оценка дворянским кассам взаимопомощи, сословным пансионатам-приютам, деятельности дворянской опеки.

На основе концепции повседневности показано отношение регионального дворянства к системе организации социальной помощи. Отмечается, что поместное дворянство неоднозначно оценивало традиционные формы внутрисословной благотворительности. Доказано, что корпоративные организации рассчитывали на государственную помощь в реализации социальной политики. Отсутствие единства во взглядах представителей сословия и коронной администрации на комплекс мер, необходимых для сохранения дворянской корпорации и воспроизводства сословной идентичности, затрудняло трансформацию системы социального призрения.

Ключевые слова: дворянство, сословные капиталы, дворянская опека, кассы взаимопомощи, пансионы-приюты, образование, воспитание, социальная помощь, благотворительность.

Barinova Ekaterina P.

Doctor of Historical Sciences, Professor

Samara National Research University

Samara, Russia

e-mail: rfz25@yandex.ru; ORCID: 0000-0002-2514-9421

**SOCIAL PRACTICES OF NOBLE ORGANIZATIONS
IN 1897–1916**

Abstract. The article considers the specifics and main directions of providing social assistance within noble corporations in the provinces of European Russia at the end of the XIX – beginning of the XX centuries. An analysis of the historiography of the Russian nobility that has developed to date has revealed achievements and gaps in the study of the organization of guardianship and material support for poor nobles, the organization of boarding houses and schools for their children and orphans. The article is written on the basis of a set of published documents, office documentation stored in central and regional archives, as well as materials from congresses of the united nobility.

The application of traditional historical research methods and a historical and anthropological approach made it possible to describe the activities of a corporate organization in the framework of providing social and economic assistance to members of the corporation. A comparative analysis of the decisions of corporate organizations of the Central Chernozem and Volga provinces makes it possible to identify common features and different approaches in the organization of social practices of noble organizations.

The forms of providing material support to members of corporations and assisting noble families in raising and educating children and orphans are described. An assessment was given of the organization of noble mutual assistance funds, estate boarding houses, and the activities of noble guardians.

On the basis of the concept of everyday life, the attitude of the regional nobility to the system of organizing social assistance is shown. It is noted that the local nobility ambiguously appreciated traditional forms of intra-class charity. It is proved that corporate organizations counted on state assistance in the implementation of social policy. The lack of unity in the views of representatives of the estate and the crown administration on the set of measures necessary to preserve the noble corporation and reproduce the estate identity made it difficult to transform the system of social charity.

Keywords: nobility, estate capital, noble custody, mutual assistance cash desks, boarding houses, education, upbringing, social assistance, charity.

Введение. Анализ деятельности благотворительных организаций и системы социального призрения показывает, что чаще всего они носят монословный характер. В статьях, посвященных особенностям организации дворянской опеки в различных губерниях Европейской России, акцентируется внимание на описании проблем, с которыми сталкивался данный социальный институт на протяжении всего времени своего существования. В работах Е. С. Корчминой [14], Т. Н. Литвиновой [16] и С. В. Першина [21; 22] анализируется трансформация института дворянской

опеки в конце XVIII – первой половине XIX в., отмечаются злоупотребления и незаинтересованность опекунов в их деятельности, акцентируется внимание на несоответствии реальной практики законодательным нормам. Правовые основы функционирования данного института, процедура установления и снятия опеки над несовершеннолетними дворянскими детьми рассмотрены Е. П. Вьюнник [2].

Особенности функционирования дворянской опеки как системы организации социальной помощи во второй половине XIX – начале XX в. в различных губерниях Европейской России прослежены в статьях Н. К. Ледневой, Е. А. Соловьевой, В. С. Цветкова и ряда других исследователей. В них приводится общая характеристика деятельности губернской опеки, выявлены основные проблемы, с которыми сталкивался в процессе своей деятельности этот корпоративный институт [15; 17; 27; 29]. В ряде статей дана оценка эффективности деятельности опеки, поставлен вопрос о характере взаимоотношений уездного предводителя дворянства и заседателей опеки с опекунами и дворянами, находящимися под призреванием [25; 27]. Оценка деятельности дворянской уездной опеки в масштабах Среднего Поволжья, количественные данные о видах устанавливаемого опекунства представлены Р. В. Федосеевым. Он отмечает, что в большинстве случаев (60–80 %) опека в 1860–1880 гг. устанавливалась над дворянскими детьми («по малолетству наследников»), по остальным же основаниям установление опеки было крайне редким явлением [28, с. 123]. Подчеркнем, что исследователи единодушны в оценке характера деятельности данного социального института. Однако он нуждается в дальнейшем изучении как в плане сопоставления общего и особенного в деятельности учреждений дворянской опеки в различных регионах, так и в контексте эволюции системы социального призрения, соотношения практической работы опекунских учреждений и принципов социальной политики, проводимой государственными структурами.

Гораздо меньше внимания уделено в исторических исследованиях роли дворянских обществ в развитии такого направления внутрисословной благотворительности, как помощь в получении образования и воспитания дворянской молодежи. Между тем мировоззрение и образ идеального будущего России, а также роли дворянства в социально-политической структуре общества, несомненно, «определялось семейными традициями, бытом и укладом семейной жизни, существовавшим окружением, в которых проходили детство и юность» [23, с. 321].

Недостаточно исследована и такая организация, как кассы дворянской взаимопомощи [18], деятельность которых была направлена на оказание помощи обедневшим дворянам. Вопросы, связанные с предоставлением корпоративной и благотворительной помощи, неоднократно дебатировались на уездных и губернских дворянских собраниях, а впоследствии на заседаниях съездов уполномоченных губернских дворянских организаций.

Делопроизводственная документация, прошения, письма дворян, отчеты опекунов, переписка уездных и губернских предводителей дворянства позволяют охарактеризовать деятельность корпоративных организаций в рамках оказания социальной помощи и социального призрения членам корпорации. Они отложились в региональных архивах, в фондах губернских и уездных дворянских опек, а также в фондах губернских и уездных предводителей дворянства. В статье использованы материалы из фондов государственных архивов Воронежской, Курской, Тамбовской, Самарской и Саратовской губерний, а также документы Особого совещания для всестороннего выяснения современных нужд дворянского сословия и соображения мер, которые могли бы обеспечить поместному дворянству способы нести и впредь его исконно-верную службу Престолу и Отечеству (РГИА) [24], документы и материалы съездов уполномоченных губернских дворянских обществ (объединенного дворянства) [19; 20]. Хронологические рамки статьи охватывают период 1897–1916 гг. Нижняя граница обусловлена началом деятельности Особого совещания о нуждах дворянского сословия, верхняя — работой XII съезда объединенного дворянства. Этот период характеризуется наибольшей социальной активностью сословия, обсуждением на корпоративных собраниях и съездах острейших проблем политической и экономической жизни.

Основная часть. Верхние страты дворянства были заинтересованы в количественном показателе общего числа дворянского сословия, поэтому их действия были направлены на то, чтобы не допустить полную деградацию мелкопоместного дворянства. В этой связи особое внимание уделялось вопросу доступности образования для детей мелкопоместных и среднепоместных дворян, так как воспитание детей в сословном духе способствовало воспроизводству корпоративных связей и сохранению дворянской идентичности.

Вопрос о воспитании дворянской молодежи был признан участниками Особого совещания о делах дворянского сословия «самым первым вопросом по своей важности», имеющим «решающее значение в судьбах дворянства» [24, л. 12, 113]. В практическом плане обсуждалась необходимость увеличения на местах числа мужских и женских учебных заведений и облегчения доступа в них детям дворян. Предлагалось приступить к организации любых учебно-воспитательных общих и специальных учреждений, пансионатов и интернатов при существующих учебных заведениях, в которых образование и воспитание дворянских детей должно было осуществляться в сословном духе. Эти же мотивы звучали в отзывах корпоративных собраний, которые в большинстве своем выступали за сословный характер пансионатов-приютов. Мотивация таких предложений членов дворянских корпораций носила явно охранительный характер, так как они были обеспокоены ростом либеральных и демократических настроений в обществе, особенно среди молодежи. Для изоляции дворянской молодежи от пагубного влияния крамольных идей предлагалось в качестве

необходимой меры увеличить количество средних сословных учебных заведений. Высказывались и достаточно здравые экономические и социокультурные предложения, обусловленные необходимостью экономической модернизации имений. В частности, были предложения об увеличении числа сельскохозяйственных учебных заведений (открытие их в каждой сельскохозяйственной губернии), введении учебного курса сельскохозяйственных знаний в средних школах, открытии специальных учебных заведений «с законченным курсом, откуда был бы доступ в высшие учебные заведения» [24, л. 252].

Большинство дворянских собраний единодушно требовали государственного финансирования пансионатов-приютов и удешевления образования, подчеркивая, что его получение сопряжено с большими трудностями главным образом для детей мелкопоместного дворянства и дворянских детей, находящихся под опекой.

По итогам работы Особого совещания и мнения Государственного Совета по этому вопросу был принят Закон 25 мая 1899 г. о предоставлении права дворянским обществам учреждать пансионаты-приюты на новых условиях. Однако полностью этот правовой акт ожиданий дворян не оправдал. Корпоративные организации могли рассчитывать не на полное государственное финансирование пансионатов-приютов, а лишь паритетное. В 1900–1904 гг. были открыты пансионаты-приюты для детей-сирот и детей бедных дворян практически в каждой губернии Европейской России либо начато строительство для них зданий. Сложнее обстояла ситуация с женским образованием. Например, орловское и курское дворянство принимали участие в финансировании института благородных девиц. В Воронежской губернии, несмотря на принятое решение об открытии Ольгинского пансионата-приюта для дворянских дочерей, бесконечная волокита и недостаток корпоративных средств препятствовали его открытию [4, л. 42–43].

Регулярно на дворянских собраниях обсуждались вопросы о предоставлении льгот пансионатам-приютам и бесплатных вакансий в кадетские корпуса, а также назначении дворянских стипендий. Отметим участие в благотворительности состоятельных людей из дворянского сословия: Э. Д. Нарышкин (Тамбов), Н. В. Левашов (Орел), Н. Д. Чертков (Воронеж) и многие другие жертвовали значительные денежные суммы на строительство учебных заведений [1, с. 70–71]. Часто в завещаниях оговаривались конкретные суммы в пользу дворянской организации и условия их использования на стипендии детям обедневших дворян. Саратовское дворянское депутатское собрание ежегодно рассматривало прошения дворян о зачислении их детей в колычевские воспитанники. Капитал, завещанный С. В. Колычевым корпорации, позволил получить образование очень многим дворянам в высших и средних учебных заведениях страны [7, л. 1–12; 8]. На VII и VIII съездах объединенного дворянства обсуждался вопрос о принятии от дворянки Е. Н. Карауловой пожертвования в виде дачи для устройства сиротского приюта в Петергофе [20, с. 211, 213–217, 220, 221]. В этой связи возникла дискуссия о возможности

принятия объединенной дворянской организацией частных пожертвований. В результате участники VII съезда приняли решение: «выразить Е. Н. Карауловой глубокую признательность Съезда как за добрый почин в общедворянском деле, так и за щедрый дар» и внести изменения в Устав организации, дополнив его статьями, позволяющими принимать пожертвования [20, с. 224–229, 332].

В рамках обсуждения реформы образования практически на всех дворянских съездах (III–IX) обсуждались проблемы развития начальной школы, средних учебных заведений и высшей школы. В 1910 г. Министерство народного просвещения внесло в Государственную думу законопроект о всеобщем обучении, в соответствии с которым председателем училищных советов должно было назначаться лицо, избранное земским собранием, а не уездный предводитель дворянства. Постоянный Совет объединенного дворянства выступил решительно против этого предложения. На VI (14–20 марта 1910 г.) и VII (9–15 февраля 1911 г.) съездах объединенного дворянства подробно обсуждались вопросы, связанные с законопроектами в области образования. Большинство ораторов говорили о важном значении «государственного национально-патриотического образования» и «сохранении роли предводителя дворянства в училищных советах» [19, с. 576–583, 631–635]. Предлагались конкретные меры для улучшения ситуации в образовании, такие как введение в средней школе военной гимнастики, военных упражнений, увеличении количества кадетских корпусов. Отмечалась необходимость введения в программу средних учебных заведений курсов прикладных знаний, прежде всего сельскохозяйственных, и специальных технических предметов. Планировалось развитие самодеятельности и самостоятельности учеников, привитие эстетического чувства [20, с. 14–79]. Дворянство выражало уверенность в том, что подобные меры будут не только способствовать воспроизводству корпоративных связей и сохранению значения сословия как опоры престола, но и позволят представителям корпорации, прежде всего обедневшим, получить качественное образование, освоить новые социальные практики.

Оказание социальной помощи и призрения осуществлялось важнейшим институтом корпоративной организации — дворянской опекой, основным назначением которой было попечительство «о материальных сиротах и вдовах дворянского состояния, об имении их и делах...» [26, с. 142]. В ее функции входило назначение опекунов и контроль за их действиями по ведению усадебных хозяйств. Под опеку дворянские имения попадали по разным причинам: малолетству владельцев, неуплате штрафов и гербовых сборов; в связи с душевными болезнями, расточительством и злоупотреблениями по отношению к крестьянам и родственникам.

До 1864 г. учреждения опеки существовали в каждом уезде губернии, но после судебной реформы Министерство юстиции получило право объединять и закрывать их. Примером тому служит отказ дворянству Самарской губернии открыть опеку в Новоузенском уезде в конце 1870-х гг.

О повседневной практике исполнения опекунской деятельности дают представление журналы заседаний дворянской опеки, переписка по назначению и снятию опеки с имущества, отчетность по управлению опекаемыми именьями. Дела опеки содержат ценную историческую информацию: описи имущества, сведения о затратах на содержание опекаемого (гувернер, поездки, покупки), прошения о смене попечителя, споры и претензии. Опись имущества включала в себя описание дома, комплекса построек, земельных владений; обязательно указывалась оценка доходности имения [12; 13].

Кредиторам взятого под опеку имущества дворянина никаких гарантий не давалось. Так, не состоялась сделка суджанского дворянина Н. А. Бетхера, который выдал мещанину С. А. Власову свидетельство на право продажи своего имения с переводом долга на покупателя. Эта сделка была опротестована опекой, так как Бетхер был признан психически больным [5, л. 1].

Как правило, разногласия между опекаемыми и опекуном были достаточно частым явлением, особенно в случаях наложения опеки за расточительность и по спорам наследников. Родственники жаловались на действия опекуна или опекунских органов, незаконное учреждение опеки. Дворянин А. Н. Пушкарев, считавший неправильными и бесконтрольными действия Карачевской дворянской опеки, подал в 1910 г. жалобу курскому губернатору. Он полагал, что сумм, получаемых опекунами, недостаточно для содержания семьи. Отвечая на эту жалобу, губернатор отмечал, что дворянская опека делает все возможное для сохранения имения и поддержания жизни семьи [6, л. 1–4].

Возникающие в семейной жизни разногласия родственники пытались решить путем назначения опеки над расточительным хозяином. Так, жена тамбовского дворянина П. Д. Мажарова просила учредить опекунское управление над именем своего мужа, объясняя свои действия тем, что муж не содержит ее и детей. Шацкий уездный предводитель дворянства, находившийся в дружеских отношениях с П. Д. Мажаровым, написал ему конфиденциальное письмо, в котором посоветовал «миролюбиво и по возможности дружелюбно» решить семейные проблемы, «не вынося сора из избы и не доводя дело до официального разбирательства» [10, л. 8–8 об.]. Возмущенный поведением супруги, в ответе предводителю дворянства П. Д. Мажаров с горечью констатировал: «жена моя, поселившись в столице с детьми, торпедировала все, что могло принести добрые плоды... обвинения, предъявляемые мне нравственно тяжелы... заявляю, что каждое ее слово есть безумная клевета». Тем не менее ссора между супругами возникла в связи с «нежными» отношениями П. Д. Мажарова с горничной. После шестилетнего разбирательства опека над ним все-таки была установлена. Но он успел до этого момента продать все свои земельные владения и скрыться в неизвестном направлении [10, л. 10–11 об., 34 об. – 52].

В другом случае различие жизненных ориентиров князя Ю. Н. Голицына и его супруги, неприятие ею его увлечений привело к взаимным претензиям и назначении опекунства над именем и детьми. Князь Голицын заслужил

в дворянском обществе репутацию сумасброда и повесы, который азартно играл в карты, залезал в долги и не имел привычки заниматься хозяйством, а его жена Екатерина Николаевна — беззащитной, несчастной женщины [11, л. 1–3]. Чтобы сдержать бездумные траты мужа, Екатерина Николаевна подала жалобу императору и над ним учредили опеку, определив на личные расходы очень ограниченную сумму. Однако это не помогло, в 1854 г. имение, где семья проживала с пятью детьми, было выставлено на продажу, и только вмешательство родственников позволило его сохранить. Сумасбродная жизнь, любовные интриги князя, а впоследствии его страстное увлечение музыкой и создание им хоровой капеллы окончательно рассорило супругов [3]. Кроме того, Е. Н. Голицына была назначена опекуном над имением, что не могло не возмущать князя Ю. Н. Голицына, вследствие чего он неоднократно жаловался губернскому предводителю дворянства и уездным властям на свою супругу, обвиняя ее в том, что «она неизвестно куда деньги деваает». В результате личного вмешательства губернского предводителя над имением был назначен еще один опекун [11, л. 39–54].

Обедневшие дворяне часто доводили свою семью фактически до разорения. Они не занимались хозяйством, не заботились о домочадцах и детях. Вели расточительный и «неприличный» образ жизни, пили, играли в карты, закладывали либо распродавали имение по частям. Дворянин Исаков своим безнравственным поведением довел жену до того, что «она, бросивши его и детей, скитается где-то в качестве нищей», отмечал предводитель дворянства. Однако, чтобы уйти от ответственности, он обратился в Елатомскую опеку с просьбой об установлении опеки над имением, свалив свои прегрешения на нее. Проведенное органами опеки дознание показало, что от 70 000 состояния осталось небольшое имение с годовым доходом до 1100 рублей, обремененное долгами частным лицам. В связи с тем что имение было выставлено на продажу, спасти его не удалось. Дворянское собрание, порицая поступок Исакова, «взвалившего все свои дурные качества на жену», отмечало, что его поведение неприлично и не соответствует высокому званию дворянина [9, л. 1–10].

Финансовые средства, доставшиеся опекаемым, учитывались дворянской опекой, ею же принимались решения о распоряжении этими средствами, например вложении их в ценные бумаги под проценты. При этом опекун был в основном исполнителем и должен был регулярно отправлять отчет в опеку о доходах и расходах. Надзор за деятельностью опекунов осуществляли не только представители корпорации, для которых это было важной задачей, но и имперская администрация и окружной суд. Спорные дела по опекунству над имением были под особым контролем губернского предводителя дворянства.

В конце XIX – начале XX вв. правительство неоднократно рассматривало проекты реорганизации опекунских учреждений на сословных началах. Однако ни один из них на практике не был реализован. Большую роль в этом сыграли многочисленные протесты корпоративных организаций. В качестве

доводов они указывали на то обстоятельство, что опеки потеряют «характер семейственных и попечительных учреждений и приобретут административно-распорядительный характер», а авторитет уездного предводителя дворянства, который превратится в простого члена коллегии, будет подорван [1, с. 62–63].

Необходимость адаптации помещичьего хозяйства к рыночным условиям, интенсификация сельскохозяйственного производства требовали больших капиталовложений, которыми дворянство в подавляющей своей массе не располагало. Начиная с 1870-х гг. помещики ходатайствовали об открытии краткосрочного кредита в Государственном банке на особых условиях. В 1884 г. Министерство финансов ввело для них особые правила соло-вексельного кредита под залог имений. Тем не менее дворянские собрания неоднократно ходатайствовали о пересмотре правил кредита и его удешевлении, что шло вразрез с экономической политикой правительства.

Практика оказания помощи дворянам-землевладельцам, попавшим в затруднительное положение, чаще всего в связи с невозможностью расплатиться с банковским кредитом, варьировалась в разных губерниях. На дворянских собраниях обсуждались проекты создания специальных фондов, вспомогательных касс и других подобных мероприятий. По мнению помещиков, они должны были не только выдавать пособия нуждающимся, но и вносить в Дворянский земельный банк проценты неисправных плательщиков. В Курской губернии еще в 1892 г. дворянское собрание обсуждало вопрос об организации вспомогательной дворянской кассы для спасения имений от продажи с торгов. Для этого предполагалось создать фонд (до 30 000 руб.) из капитала выморочного имущества и отчислять из него до 25 % поступающих недоимок. Деятельность кассы должен был контролировать совет, состоящий из губернского предводителя дворянства и двух гласных от дворянского собрания. Ссуды планировалось выдавать в двух случаях: если дворянин находился в затруднительном положении вследствие случайных обстоятельств и для спасения имения для детей владельца после его смерти [1, с. 107]. Касса взаимопомощи была открыта в губернии в 1898 г. В 1899 г. была учреждена касса взаимопомощи в Московской губернии. Государственный совет 3 июня 1902 г. узаконил положение о губернских дворянских кассах и их устав. Для имперской власти кассы взаимопомощи были еще одним способом оказания помощи дворянству: более половины их капитала составляли казенные ассигнования.

Отметим, что отношение самого дворянства к учреждению касс взаимопомощи было неоднозначным. Часть дворянских собраний высказывалась за создание кассы. Другие, сетуя на сложность и дороговизну, признавали нежелательным ее учреждение, высказывали мнение о бесполезности сохранения экономически слабого дворянства. Дворяне, исповедующие либеральные взгляды, полагали, что подобные меры неэтичны и беспринципны. Они считали, что поддерживать отдельных бедствующих дворян следует лишь на средства дворянской корпорации.

В 1899–1905 гг. дворянские кассы взаимопомощи были учреждены в большинстве губерний, где были выборные дворянские органы. Однако в ряде губерний они были открыты лишь в 1913–1914 гг. Основным их назначением стало оказание помощи в платежах по долгам, обеспеченным залогом имений. Это предупреждало продажу дворянских имений с публичных торгов. По ходатайству местной дворянской губернской кассы взаимопомощи Совет Дворянского банка мог передать ей имение неисправного плательщика на срок до шести лет. Процесс учреждения касс шел крайне медленно. Дворянские собрания, имеющие опыт деятельности сословных касс, как, например, Курское, так отзывались на проект Министерства финансов: «...все подобные установления бессильны в борьбе с губительными последствиями чрезмерной задолженности дворянских имений из-за недостаточности средств и невозможности сделать имения доходными» [1, с. 109]. Выдача сумм помощи строго контролировалась дворянскими собраниями. Но выплата заемщиками долгов и процентов часто откладывалась на неопределенный срок из-за несостоятельности должников.

Массовая распродажа дворянских имений в годы первой российской революции, ухудшение экономического положения заемщиков Дворянского банка вновь поставили на повестку дня вопрос об эффективности деятельности дворянских касс взаимопомощи. На дворянских собраниях регулярно рассматривалось состояние долгов заемщиков дворянской вспомогательной кассы и возможность сложения их со счетов. В частности, дебатировался вопрос о том, предъявлять ли судебные иски к должникам-заемщикам или отложить взыскание долгов на неопределенное время [1, с. 139–141].

В годы Первой мировой войны при поддержке дворянских касс взаимопомощи помещное дворянство стремилось предотвратить рост ипотечных долгов. Однако ни помощь правительства, ни меры, предпринимаемые помещиками по сословной взаимопомощи, не могли замедлить убыль помещичьего землевладения.

Заключение. Социальные практики дворянских корпоративных организаций, несмотря на их региональное разнообразие, сводились к оказанию экономической помощи обедневшим представителям сословия. В расходах дворянской корпорации она становилась наиболее крупной статьёй. В этой связи корпоративные организации все чаще обращались за правительственной помощью, предлагая конкретные меры для упрочения экономического положения дворянства. Они полагали, что социальная политика, проводимая государственными структурами, должна иметь сословную направленность, приводя в качестве доводов рассуждения об особом значении «первенствующего сословия» как опоры власти.

Однако властные структуры не могли полностью удовлетворить чаяния дворянства, а лишь предлагали паллиативные меры, ярким примером которых

является деятельность Особого совещания о нуждах дворянского сословия. У самих же корпоративных организаций средств для оказания полноценной социальной помощи было недостаточно. В этой связи приоритетным направлением расходов корпорации было оказание помощи в воспитании и образовании детям обедневшего дворянства. Идея развития военного и сельскохозяйственного образования неоднократно лоббировалась на заседаниях съездов объединенного дворянства как первоочередная задача реформирования образования.

Внутрисословная деятельность дворянских обществ было подчинена генеральной задаче — любой ценой удержать экономические позиции поместного дворянства. С этой целью дворянские капиталы расходовались на материальную поддержку заемщиков Дворянского и частных банков, оказание социальной помощи несовершеннолетним детям, находившимся под опекой, учреждение и содержание приютов, богаделен, различного рода пенсии и пособия. Дворянские собрания неоднократно дебатировали вопросы реформирования сословных опекунских учреждений, их централизации, однако правительственные проекты реорганизации опеки на сословных началах были подвергнуты резкой критике. Попытка формирования экономической и социальной программы, предпринятая на съездах уполномоченных губернских дворянских обществ, не увенчалась успехом. Постепенное ухудшение экономического положения дворянства способствовало снижению потока благотворительных средств со стороны этого сословия. Помощь продолжала оставаться разноплановой, но приобретала преимущественно адресный характер. В годы неурожаев, военных кампаний или эпидемий, активную роль в помощи пострадавшим играли общественные организации и частные лица, хотя координировало благотворительную деятельность государство.

Список источников

1. Барина Е. П. Российское дворянство в начале XX века: экономический статус и социокультурный облик. М.: РОССПЭН, 2008. 351 с.
2. Вьюнник Е. П. Процедура и практика установления и снятия опеки в пореформенный период для несовершеннолетних дворян, оставшихся без попечения родителей (на материалах Курской губернии) // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология. Экономика. Информатика. 2011. № 13 (108). С. 119–125.
3. Городнова Л. Е. Яркая страница музыкальной истории России // Московский журнал. История государства Российского. 2018. № 8 (332). С. 84–99.
4. Государственный архив Воронежской области (ГАВО). Ф. 29. Оп. 1. Д. 1595.
5. Государственный архив Курской области (ГАКО). Ф. 33. Оп. 2. Д. 1425.
6. ГАКО. Ф. 33. Оп. 2. Д. 14367.
7. Государственный архив Саратовской области (ГАСО). Ф. 19. Оп. 3. Д. 23.
8. ГАСО. Ф. 19. Оп. 1. Д. 2253.
9. Государственный архив Тамбовской области (ГАТО). Ф. 161. Оп. 1. Д. 7911.
10. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 7993.

11. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 7290.
12. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 7291.
13. ГАТО. Ф. 161. Оп. 1. Д. 8412.
14. Корчмина Е. С. Институт дворянской опеки в Рязанской губернии в конце XVIII – первой половине XIX в. // Труды Исторического факультета Санкт-Петербургского государственного университета Т. 9: Социально-культурные аспекты истории экономики России XIX–XX веков: материалы I Всероссийской научной конференции (Санкт-Петербург, 25–26 мая 2011 г.). СПб.: Изд-во СПбГУ, 2012. С. 7–13.
15. Леднева Н. К. Дворянская опека в России во второй половине XIX – начала XX в. // Путь в науку / под ред. В. М. Марасановой. Вып. 13. Ярославль: ЯрГУ, 2009. С. 43–45.
16. Литвинова Т. Н. Дворянская опека Воронежской губернии в первой половине XIX в. // Из истории Воронежского края: сб. статей. Вып. 13. Воронеж: Центр.-Чернозем. книж. изд-во, 2005. С. 69–81.
17. Лобач-Граубергер В. А. Дворянская опека: история возникновения и практика существования во второй половине XIX в. // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций: сб. научных статей. Брянск: Курсив, 2016. С. 56–62.
18. Маркова М. Т. Дворянские кассы взаимопомощи // Псков. 2011. № 35. С. 117–122.
19. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. Т. 2: 1909–1912 гг. Кн. 1. М.: РОССПЭН, 2001. 677 с.
20. Объединенное дворянство. Съезды уполномоченных губернских дворянских обществ. 1906–1916 гг.: в 3 т. Т. 2. Кн. 2. М.: РОССПЭН, 2002. 606 с.
21. Першин С. В. Сословные учреждения в России в первой половине XIX века (по материалам дворянских и городских обществ средневожских губерний). Саранск: ИЦ ИСИ МГУ им. Н. П. Огарева, 2010. 306 с.
22. Першин С. В., Першина Т. А., Мкоян С. А. Опека над дворянскими поместьями в Пензенской губернии в первой половине XIX века // Экономическая история. 2016. № 3 (34). С. 53–62.
23. Пономарева М. А. Семейный уклад и его роль в становлении мировоззрения российского поместного дворянства в конце XIX – начале XX веков (на примере воспоминаний С. Е. Трубецкого, А. А. Корнилова, В. В. Розанова) // Былые годы. 2021. № 16 (1). С. 316–323. DOI: 10/13187/bq.2021.1.316/
24. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1283. Оп. 1. Д. 233.
25. Румянцева Н. М., Трубицын И. О. Социально-экономический портрет депутата Дворянского собрания во второй половине XIX – начале XX века // Вестник архивиста. 2021. № 2. С. 367–377. DOI 10.28995/2073-0101-2021-2-367-377
26. Свод законов Российской империи: в 5 кн. Кн. 1. Т. I–III. СПб.: Деятель, 1912. 440 с.
27. Соловьева Е. А. Система призрения дворянских детей-сирот во второй половине XIX в. (на материалах Симбирской губернии) // Международный научно-исследовательский журнал. 2016. Вып. 8 (50). С. 158–160. DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.222
28. Федосеев Р. В. Деятельность дворянских опеков в губерниях Среднего Поволжья во второй половине XIX в. // Теория и практика общественного развития. 2014. № 1. С. 122–125.
29. Цветков В. С. Организация деятельности дворянской опеки во второй половине XIX – начале XX вв. (на примере Московской губернии) // Вестник МГОУ. Серия: История и политические науки. 2012. № 2. С. 91–96.

References

1. Barinova E. P. Rossiiskoe dvorianstvo v nachale XX veka: ekonomicheskii status i sotsiokul'turnyi oblik. [Russian nobility at the beginning of the 20th century: economic status and sociocultural appearance]. Moscow.: ROSSPEN, 2008. 351 s. (In Russ.).
2. V'iunnik E. P. Protsedura i praktika ustanovleniia i sniatiiia opeki v poreformennyi period dlia nesovershennoletnikh dvorian, ostavshikhhsia bez popecheniia roditelei (na materialakh Kurskoi gubernii) [Procedure and practice of establishing and removing guardianship during the reform period for minor nobles left without parental care (on the materials of the Kursk province)] // Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serii: Istorii. Politologii. Ekonomika. Informatika. 2011. № 13 (108). S. 119–125. (In Russ.).
3. Gorodnova L. E. Iarkaia stranitsa muzykal'noi istorii Rossii [Bright page of the musical history of Russia] // Moskovskii zhurnal. Istorii gosudarstva Rossiiskogo. 2018. № 8 (332). S. 84–99. (In Russ.).
4. Gosudarstvennyi arkhiv Voronezhskoi oblasti (GAVO). F. 29. Op. 1. D. 1595. (In Russ.).
5. Gosudarstvennyi arkhiv Kurskoi oblasti (GAKO). F. 33. Op. 2. D. 1425. (In Russ.).
6. GAKO. F. 33. Op. 2. D. 14367. (In Russ.).
7. Gosudarstvennyi arkhiv Saratovskoi oblasti (GASO). F. 19. Op. 3. D. 23. (In Russ.).
8. GASO. F. 19. Op. 1. D. 2253. (In Russ.).
9. Gosudarstvennyi arkhiv Tambovskoi oblasti (GATO). F. 161. Op. 1. D. 7911. (In Russ.).
10. GATO. F. 161. Op. 1. D. 7993. (In Russ.).
11. GATO. F. 161. Op. 1. D. 7290. (In Russ.).
12. GATO. F. 161. Op. 1. D. 7291. (In Russ.).
13. GATO. F. 161. Op. 1. D. 8412. (In Russ.).
14. Korchmina E. S. Institut dvorianskoi opeki v Riazanskoi gubernii v kontse XVIII – pervoi polovine XIX v. [Institute of Noble Guardianship in the Ryazan Province at the end of the 18th – first half of the 19th century] // Trudy Istoricheskogo fakul'teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo universiteta T. 9: Sotsial'no-kul'turnye aspekty istorii ekonomiki Rossii XIX–XX vekov: materialy I Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii (Sankt-Peterburg, 25–26 maia 2011 g.). St. Petersburg: Izd-vo SPbGU, 2012. S. 7–13. (In Russ.).
15. Ledneva N. K. Dvoriaskaia opeka v Rossii vo vtoroi polovine XIX – nachala XX v. [Noble guardianship in Russia in the second half of the XIX – early XX centuries.] // Put' v nauku / pod red. V. M. Marasanovoi. Vyp. 13. Iaroslavl': IarGU, 2009. S. 43–45. (In Russ.).
16. Litvinova T. N. Dvoriaskaia opeka Voronezhskoi gubernii v pervoi polovine XIX v. [Noble guardianship of the Voronezh province in the first half of the XIX century] // Iz istorii Voronezhskogo kraia: sb. statei. Vyp. 13. Voronezh: Tsentr.-Chernozem. knizh. izd-vo, 2005. S. 69–81. (In Russ.).
17. Lobach-Grauberger V. A. Dvoriaskaia opeka: istoriia vozniknoveniia i praktika sushchestvovaniia vo vtoroi polovine XIX v. [Noble guardianship: the history of emergence and the practice of existence in the second half of the XIX century]. // Rossiia v epokhu politicheskikh i kul'turnykh transformatsii: sb. nauchnykh statei. Briansk: Kursiv, 2016. S. 56–62. (In Russ.).

18. Markova M. T. Dvorianskie kassy vzaimopomoshchi [Noble mutual assistance cash desks] // Pskov. 2011. № 35. S. 117–122. (In Russ.).
19. Ob"edinennoe dvorianstvo. S"ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvorianskikh obshchestv. 1906–1916 gg.: v 3 t. T. 2: 1909–1912 gg. Kn. 1. Moscow: ROSSPEN, 2001. 677 s. (In Russ.).
20. Ob"edinennoe dvorianstvo. S"ezdy upolnomochennykh gubernskikh dvorianskikh obshchestv. 1906–1916 gg.: v 3 t. T. 2. Kn. 2. Moscow: ROSSPEN, 2002. 606 s. (In Russ.).
21. Pershin S. V. Soslovnye uchrezhdeniia v Rossii v pervoi polovine XIX veka (po materialam dvorianskikh i gorodskikh obshchestv srednevolzhskikh gubernii) [Class institutions in Russia in the first half of the XIX century (based on materials from noble and urban societies of Middle Volga provinces)]. Saransk: ITs ISI MGU im. N. P. Ogareva, 2010. 306 s.
22. Pershin S. V., Pershina T. A., Mkoian S. A. Opeka nad dvorianskimi pomest'iami v Penzenskoi gubernii v pervoi polovine XIX veka [Opeka over noble estates in the Penza province in the first half of the 19th century] // Ekonomicheskaiia istoriia. 2016. № 3 (34). S. 53–62. (In Russ.).
23. Ponomareva M. A. Semeinyi ukhad i ego rol' v stanovlenii mirovozzreniia rossiiskogo pomestnogo dvorianstva v kontse XIX – nachale XX vekov (na primere vospominanii S. E. Trubetskogo, A. A. Kornilova, V. V. Rozanova) [Family way and his role in the formation of the worldview of the Russian local nobility in the late XIX – early XX centuries (on the example of the memoirs of S. E. Trubetsky, A. A. Kornilov, V. V. Rozanova)] // Bylye gody. 2021. № 16 (1). S. 316–323. DOI: 10/13187/bq.2021.1.316/ (In Russ.).
24. Rossiiskii gosudarstvennyi istoricheskii arkhiv (RGIA). F. 1283. Op. 1. D. 233. (In Russ.).
25. Rumiantseva N. M., Trubitsyn I. O. Sotsial'no-ekonomicheskii portret deputata Dvorianskogo sobraniia vo vtoroi polovine XIX – nachale XX veka [Socio-economic portrait of a deputy of the Noble Assembly in the second half of the XIX – early XX centuries.] // Vestnik arkhivista. 2021. № 2. S. 367–377. DOI 10.28995/2073-0101-2021-2-367-377. (In Russ.).
26. Svod zakonov Rossiiskoi imperii: v 5 kn. Kn.1. T. I–III. St. Petersburg: Deiatel', 1912. 440 s. (In Russ.).
27. Solov'eva E. A. Sistema prizreniia dvorianskikh detei-sirot vo vtoroi polovine XIX v. (na materialakh Simbirskoi gubernii) [Charity system for noble orphans in the second half of the XIX century. (Based on materials from the Simbirsk province)] // Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal. 2016. Vyp. 8 (50). S. 158–160. DOI: 10.18454/IRJ.2016.50.222. (In Russ.).
28. Fedoseev R. V. Deiatel'nost' dvorianskikh opek v guberniiakh Srednego Povolzh'ia vo vtoroi polovine XIX v. [The activities of noble guardians in the provinces of the Middle Volga region in the second half of the XIX century] // Teoriia i praktika obshchestvennogo razvitiia. 2014. № 1. S. 122–125. (In Russ.).
29. Tsvetkov V. S. Organizatsiia deiatel'nosti dvorianskoi opeki vo vtoroi polovine XIX – nachale XX vv. (na primere Moskovskoi gubernii) [Organization of the activities of noble guardianship in the second half of the XIX – early XX centuries (using the example of the Moscow province)] // Vestnik MGOU. Serii: Istoriiia i politicheskie nauki. 2012. № 2. S. 91–96. (In Russ.).

УДК 9(93)

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.03

Малышева Ольга Геральдовна

доктор исторических наук, профессор

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

e-mail: MalyshevaOG@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-6321-9048

Жильцов Юрий Валерьевич

аспирант

Московский городской педагогический университет

Москва, Россия

e-mail: y@zhiltsov.pw; ORCID: 0000-0003-1540-9944

ИЗБИРАТЕЛЬНАЯ КАМПАНИЯ ВО II ГОСУДАРСТВЕННУЮ ДУМУ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В МОСКВЕ

Аннотация. В статье рассматриваются особенности избирательной кампании по выборам в Государственную думу Российской империи второго созыва в Москве. Выборы в Москве ввиду ее особого политического и экономического значения имели особую специфику, что нашло отражение в избирательном законодательстве и ходе избирательной кампании.

Ключевые слова: выборы, Государственная дума, избирательное законодательство, политические партии.

Malysheva Olga G.

Doctor of Sciences in History, Professor

Moscow City University

email: MalyshevaOG@mgpu.ru; ORCID: 0000-0002-6321-9048

Zhiltsov Yuri V.

Graduate student

Moscow City University

email: y@zhiltsov.pw; ORCID: 0000-0003-1540-9944

THE ELECTION CAMPAIGN FOR THE SECOND STATE DUMA OF THE RUSSIAN EMPIRE IN MOSCOW

Abstract. The research has demonstrated that the elections to the Second State Duma in Moscow were organized significantly better than in the other regions of the country. This was the result of the efforts of the Moscow city authorities in general, and of the gorodskoy

golova (City's head) N. I. Guchkov in particular. The representatives of the opposition, among which the authorities counted the party of Constitutional Democrats, experienced significant administrative pressure, but in spite of this, all of the Duma deputies elected in Moscow were Kadets.

Keywords: elections, State Duma, electoral legislation, political parties.

Введение. Государственная дума первого созыва, избрание которой стало одним из итогов Первой русской революции, проработала всего три месяца — с мая по июль 1906 г. — и, вступив в противоречие с исполнительной и верховной властью, была распущена Николаем II 8 июля 1906 г. На следующий день был обнародован Манифест о проведении выборов в Государственную думу Российской империи второго созыва по тем же законодательным нормам.

Напомним, что выборы в первые две Государственные думы проходили в крайне неблагоприятных условиях: шла Первая русская революция. К тому же нельзя забывать, что проводились они в стране, где отсутствовали какие-либо демократические традиции, формирование политических партий только начиналось, большинство потенциальных избирателей были попросту неграмотны и не готовы к погружению в политическую жизнь, что неизменно предполагало участие в избирательных кампаниях [2, с. 143].

Ход и результаты исследования. Выборы во Вторую Государственную думу осуществлялись по избирательному закону от 11 декабря 1905 г. При этом правительство, которое возглавил П. А. Столыпин, осуществляло более основательную подготовку к голосованию, чем это было в первой избирательной кампании. Надо сказать, что Столыпин в полном объеме задействовал возможности так называемого административного ресурса. Главной целью было исключить из избирательных списков потенциально неблагонадежных граждан. Для этого в избирательное законодательство были внесены уточнения и разъяснения. К их числу, в частности, относились дополнения в пункт 1 избирательного закона от 11 декабря 1905 г., который гласил, что для получения статуса избирателя необходимо не менее года занимать оформленную на свое имя отдельную квартиру в городе. Накануне вторых выборов Сенат сделал разъяснение, что именно следует понимать под квартирой, выдвинув в качестве обязательного условия наличие в ней отдельного хода и особой кухни или специального очага для приготовления пищи. В соответствии в том числе с этими «разъяснениями» тысячи московских избирателей, в первую очередь рабочие и мелкие служащие, лишались избирательных прав [2, с. 22]

Кроме того, с учетом неудачного опыта работы Первой Думы, правительство предприняло попытку сформировать думское большинство еще на этапе выборов. Для этого было принято решение легализовать проправительственные партии. В результате легализованными оказались партии, занимавшие позиции

правее кадетов («Союз 17 октября», Союз русского народа и др.). При этом специальная инструкция Министерства внутренних дел о выборах, принятая перед второй избирательной кампанией, легализованные партии ставила в исключительное положение: им и только им разрешалось в ходе предвыборной агитации использовать печатные материалы, свободно вести агитацию, применяя самые разнообразные способы, и т. д.

Сегодня трудно представить избирательную кампанию без публичных дебатов, кандидатов от различных политических партий. Причем с каждым выбором процедура эта совершенствуется, максимальное внимание уделяется обеспечению равных условий для агитационной деятельности. Иначе обстояло дело на выборах во Вторую Государственную думу. Помимо того что нелегализованные партии были ущемлены в правах, агитационная деятельность их не просто искусственно затруднялась властью, но зачастую была практически невозможной и самым недвусмысленным образом пресекалась участвовавшими в предвыборных собраниях представителями полиции.

Кроме создания исключительного положения для легализованных партий в ходе предвыборных кампаний самым жестким образом преследовалась оппозиционная пресса. Достаточно было опубликовать в газете список выборщиков от нелегализованных партий или задать избирателям вопрос: за кого они собираются голосовать, издание немедленно подлежало закрытию. Современник и непосредственный очевидец тех событий кадет А. Смирнов привел весьма любопытные факты. Так, по его подсчетам, за вторую половину 1906 г., непосредственно после роспуска Первой Думы, по стране было остановлено и закрыто 216 периодических изданий, к суду привлечено 207 редакторов. В январе 1907 г., в разгар выборов во II Государственную думу, было приостановлено еще 77 периодических изданий, причем по решению суда только 10, остальные — решением администрации; к суду привлечено было 60 редакторов [7, с. 31]. Наиболее болезненным удар оказался для лидера парламентской оппозиции — партии кадетов: закрылись ведущие кадетские печатные издания в Петербурге — «Свободный народ» и «Народная свобода» — и в Москве — «Жизнь и свобода» [2, с. 171–172].

Однако репрессии только придали дополнительный импульс действиям кадетов. Результат оказался ошеломляющим: и в Петербурге, и в Москве в Государственную думу второго созыва абсолютную победу одержали представители кадетской партии. В Петербурге они получили шесть депутатских мандатов из семи, в Москве все четыре депутата были кадетами. Честную победу кадетов на выборах признало даже официальное издание «Русское государство». Оно, в частности, отмечало, что кадетская партия вела «выборную игру с большой точностью и расчетом», а «такой дисциплины, такой сплоченности, а главное, энергии и своего рода талантливости нет у ее соперников, что, конечно, в значительной доле должно быть отнесено насчет явной несостоятельности отстаиваемого ими дела» [4, с. 18].

На выборах во Вторую Государственную думу за голоса московских избирателей боролись четыре крупные политические силы. Помимо двух крупнейших либеральных партий (Партии народной свободы и «Союза 17 октября») в выборах участвовали два блока из представителей различных партий. Надо сказать, что на этом этапе политические партии объединялись весьма неохотно. Можно предположить, что причин было несколько: не было опыта объединяться и договариваться для достижения общей цели, мешали политические амбиции партийных лидеров и т. д. Однако московские выборы в начале 1907 г. продемонстрировали исключение из этого правила. Отдельный список кандидатов в выборщики сформировал блок монархических организаций от имени Московской областной управы объединенного русского народа.

Левый блок объединил сторонников Российской социал-демократической рабочей партии, Партии социалистов-революционеров, московской группы Народно-социалистической партии, Всероссийского избирательного трудового союза (в состав его вошли Трудовая парламентская группа, Всероссийский железнодорожный союз, Всероссийский почтово-телеграфный союз, Всероссийский учительский союз, Всероссийский союз медицинского персонала). И даже несмотря на внушительное представительство кандидатов обоих блоков, доверия у московских избирателей они не получили (к слову, монархисты получили поддержку всего около 5 % москвичей).

Еще одной несомненной трудностью, с которой предстояло столкнуться в ходе выборов, были не до конца разработанные избирательные процедуры. В этой ситуации власти, в том числе городские, вынуждены были действовать на свое усмотрение. И если на первых порах все взоры обратились к городским властям Северной столицы в надежде получить необходимый пример, то со временем стало ясно, что они вряд ли смогут стать образцом для остальной России в этом сложном и малопонятном деле. Петербуржцы в своем стремлении удешевить и упростить процедуру составления списка избирателей наняли так называемые артели для этой рутинной работы. Работники этих артелей относились к своим обязанностям более чем халатно, что повлекло многочисленные неточности и жалобы. Достаточно сказать, что в избиратели не попали городской голова Н. А. Резцов и товарищ (заместитель) городского головы Д. И. Демкин [6, с. 12].

Справедливости ради признаем, что запустить избирательный процесс в условиях, о которых шла речь выше, — дело крайне непростое, а в городе, где проживало свыше миллиона жителей, сложно вдвойне. При этом, как покажет дальнейшее развитие событий, очень многое зависело от позиции и усилий городских властей и лиц, стоявших во главе города. Высокая организованность и четкость проведения выборов в древней столице в значительной степени была обусловлена личным вкладом московского городского головы Н. И. Гучкова (старшего брата А. И. Гучкова, одного из основателей партии октябристов и председателя III Государственной думы).

Николай Иванович Гучков на посту городского головы оказался как нельзя более кстати. Он был выпускником юридического факультета Московского университета, кандидатом права и неплохо разбирался в юридических особенностях избирательного процесса. Кроме того, у него за плечами был внушительный опыт общественной деятельности: с 1893 г. он был гласным Московской городской думы и хорошо знал особенности древней столицы. Наконец, следует отметить его исключительные личные качества: так, после избрания его городским головой в ноябре 1905 г. он считал невозможным оставаться членом ЦК партии октябристов и провозгласил курс на беспартийное руководство Москвой. Вспомним, что это совпало с резким обострением политического противостояния, предшествовавшего декабрьскому вооруженному восстанию 1905 г. В итоге, когда потребовалось найти наиболее оптимальный вариант подготовки и проведения выборов во втором по численности городе империи, он оказался на высоте. Именно Н. И. Гучков как городской голова занимался организацией московских выборов в российский парламент всех четырех созывов. О том, какая это была трудоемкая и кропотливая работа, остались документальные свидетельства. По результатам выборов в первые три Государственные думы были изданы отчеты Московской городской управы «Выборы по г. Москве в Государственную думу». Отчет по выборам в Четвертую Думу был подготовлен, но опубликован не был по причине начавшейся Первой мировой войны. По сегодняшний день эти издания представляют уникальный источник, содержащий массу весьма достоверных сведений, важных для понимания особенностей организации и проведения выборов в Москве.

Прежде всего Н. И. Гучков задействовал все ресурсы. В частности, трудоемкая подготовительная работа была возложена на статистический отдел городской управы. Работа по составлению списков потенциальных избирателей, проверка их статуса, информирование их о времени и месте предстоящих выборов были проведены на высоком уровне. Основная нагрузка по составлению и уточнению списков избирателей в Москве легла на плечи штатных и привлеченных сотрудников статистического отдела. На выборах в первые две Думы они работали буквально не покладая рук: в две смены днем, вечером, а также в праздничные дни. Все это обеспечило высокую явку избирателей в день выборов: она оказалась существенно выше, чем в северной столице и стране в целом [3, с. 41].

В Москве, по данным переписи населения 1902 г., проживало 1 061 079 человек [8, л. 116]. Заметим, что по существующему законодательству далеко не все жители могли получить статус избирателя: избирательных прав были лишены женщины; военнослужащие; лица, доходы которых не соответствовали имущественному цензу. Система выборов одного уполномоченного от 50 до 1000 человек на промышленных предприятиях влияла на сокращение избирателей из рабочего класса. Общее число выборщиков на момент избрания Государственной думы второго созыва в 1907 г. составило 54 908 человек

[8, л. 290]. Лишь пять процентов жителей Москвы имели право голоса. Таковы были особенности несовершеннового избирательного законодательства в целом. Кроме того, в Москве не применялся куриальный порядок проведения выборов, а наделение избирательными правами осуществлялось по факту преодоления имущественного ценза [1, с. 645]: обладание недвижимой собственностью, доходом, владение торгово-промышленным предприятием. Такой подход в корне отличается от куриальной многоуровневой системы, применяющейся в губерниях, по общему правилу. Данный порядок лишал избирательных прав значительные группы населения в Москве и крупных городах, приводил к невозможности представительства всех имеющихся групп избирателей.

Основным нормативно-правовым актом, регулировавшим порядок проведения выборов в городах, стало приложение к ст. 38 Положения о выборах в Государственную думу Российской империи от 6 августа 1905 г. Подготовительные процедуры, предшествующие голосованию, в первую очередь были связаны с определением лиц, обладающих в Москве избирательными правами. Так, согласно выписке из приказа московского градоначальника от 21 октября 1906 г. за № 294, «лица, желающие принять участие в выборах по занимаемым ими на свое имя не менее года отдельной квартиры, могут представлять выдаваемые местной полицией удостоверения о том, что они действительно занимают такие квартиры» [8, л. 59]. Таким образом, наделение избирательными правами на выборах в Государственную думу проходило в заявительном порядке и не предполагало активных действий со стороны избирателей.

Избиратели могли в течение месяца до дня голосования проводить совещания о лицах, достойных быть избранными. О проведении подобных собраний необходимо было уведомлять начальника местной полиции, который мог направить подведомственного ему сотрудника для обеспечения правопорядка [5, с. 406].

На предвыборном собрании предполагалось присутствие сотрудника полиции, который имел полномочия закрыть собрание в случае, если будут нарушены условия его проведения. Важнейшим условием являлось требование присутствия на собрании лишь лиц, обладающих избирательным правом, закрепленное в п. 1) «О производстве выборов в Избирательные Собрания» Положения о выборах в Государственную думу [1, с. 649]. Таким образом, закрепление данной нормы в правилах свидетельствует о контроле власти за порядком участия в предвыборных баталиях и последующем голосовании с целью недопущения к этому лиц, не имеющих избирательных прав.

Вместе с тем органы городской власти стремились создать москвичам все условия для осуществления избирательных прав. С целью подтверждения избирательного статуса по имущественному цензу было необходимо предоставить соответствующие удостоверения о владении квартирой и об уплате имущественного налога. Лица, обращавшиеся за удостоверениями, немедленно и беспрепятственно получали их в участковых управлениях приставов.

Данный документ не облагался гербовым сбором, а также городскими налогами и сборами [8, л. 59].

На заседании Московской городской думы от 7 декабря 1906 г. городской голова Н. И. Гучков заявил, что «списки лиц, имеющих право участия в выборах в Государственную думу по Городу Москва, составлены в окончательной редакции 28 ноября 1906 года и опубликованы 6 декабря 1906 года, срок на подачу жалоб и заявлений о неправильности и неполноте списков истекает 20 декабря 1906 года» [8, л. 115]. Таким образом, первый этап подготовки к голосованию, состоявший во многом в работе по определению лиц, имевших право голоса на выборах во II Государственную думу по городу Москве, длился с октября по декабрь 1906 г.

Сроки проведения выборов во Вторую Думу по Москве определились следующим образом: в воскресенье, 7 января 1907 г., — Съезд уполномоченных от рабочих фабрик, заводов и железнодорожных мастерских, расположенных в пределах города для избрания выборщиков; в воскресенье, 28 января 1907 г., — избрание выборщиков в участковых избирательных комиссиях; 4 февраля 1907 г., — выборы членов Государственной думы в Городском избирательном собрании [8, л. 115].

Согласно отчету Московской городской управы, на основании ст. 5 и 39 Положения о выборах в Государственную думу для производства выборов по городу Москве было сформировано семнадцать избирательных участков, соответствовавших полицейским частям города. Число выборщиков, подлежащих избранию по каждому участку, было пропорционально числу жителей каждой полицейской части, по данным городской переписи 1902 г.

В результате порядок расчета квоты выборщиков по каждому избирательному участку был пропорционален не числу жителей, обладавших избирательными правами, а общему числу проживавших на территории участка. Такой формат определения выборщиков приводил к неравномерному представительству, так как в условиях цензовых ограничений избирательными правами обладали не все жители участка. Полагаем, что расчет квоты выборщиков от общего количества населения избирательного участка смог бы обеспечить наиболее корректное представительство.

На основании ст. 40, 51 Положения о выборах в Государственную думу Российской империи выборы производились посредством тайного голосования с помощью подачи записок [1, с. 649, 650]. Избрание происходило путем суммирования поданных голосов и наделения полномочиями кандидата, набравшего наибольшее количество голосов избирателей. Избирательная записка вручалась лично председателю избирательной комиссии, в документе указывали фамилию, имя, отчество, за которых избиратель подает голос. Процесс голосования начинался в день выборов, в девять часов утра, а прекращался в девять часов вечера. На избирательных участках допускалось лишь нахождение членов избирательной комиссии и избирателей. Проголосовать можно

было за любое число кандидатов, не превышающее количество выборщиков, подлежащих избранию на конкретном избирательном участке [8, л. 142]. Например, избиратель Тверского участка имел возможность проголосовать не более чем за десять кандидатов, а избиратели городского участка, наименьшего по численности населения и выборщиков, могли проголосовать не более чем за трех кандидатов. Голоса, поданные сверх квоты, отсеивались и не учитывались при подсчете. Таким образом, несмотря на формальное равенство голосов избирателей по принципу «один избиратель — один голос», ввиду неравномерного распределения избирательных участков по численности населения и выборщиков, возникала ситуация неравенства голосов среди жителей, имевших избирательные права.

Законодательство устанавливало жесткие требования к форме записок, они не должны были содержать отметок, исправлений, подчисток. Согласно инструкции, составленной делопроизводителями Особого по городским делам присутствия, требование ст. 25 Инструкции Министерства внутренних дел о наложении печати Управы на избирательные записки нарушает закон и не должно применяться [8, л. 141].

В Москве действовал иной формат избирательных записок, что подтверждается ходатайством московского городского головы Н. И. Гучкова на имя министра внутренних дел и председателя Совета министров Российской империи П. А. Столыпина от 18 декабря 1906 г. Согласно документу, при первых выборах в Государственную думу подсчет голосов производился счетными картами, в этой связи избирательные записки были упрощенными, без разделения на отрывные талоны. Такой формат записок не противоречил инструкции Министерства внутренних дел [8, л. 125]. В результате можно сделать вывод о том, что порядок оформления документов при подготовке и проведении голосования допускал региональную специфику, что свидетельствовало об отсутствии общегосударственного формата документа. На наш взгляд, такая ситуация могла быть вызвана становлением избирательной системы Российской империи и отсутствием единого порядка и установленного образца избирательного делопроизводства.

Избрание выборщиков в Московское городское избирательное собрание происходило с 9:00 до 21:00 часа 28 января 1907 г. Избирательные участки представляли собой разветвленную сеть по всему городу, это позволяло обеспечить комфортное голосование в Москве. Возглавили избирательные участки авторитетные жители города, например во главе Арбатского избирательного участка был заслуженный врач М. С. Зернов, Хамовнического — известный педагог А. Д. Алферов, Лефортовского — лидер «Союза 17 октября» А. И. Гучков.

Избирателям, своевременно не получившим именных объявлений и бланков избирательных записок или же утратившим их, документы вручались при входе на участок по представлении одного из удостоверений личности [1, с. 658]. В ходе проведения кампании по избранию Городского собрания

семнадцать избирателей не получили именные объявления и избирательные бланки для голосования [8, л. 241]. Среди наиболее распространенных причин подобных ситуаций следующие объяснения: «Расписку в получении пакета документов делало третье лицо», «Документы не вручались». Несмотря на наличие таких свидетельств, можно предположить, что эта погрешность в целом была незначительной. Позиция властей по вопросу избирательных записок свидетельствует о высокой степени возможности реализации избирательных прав гражданами.

Подсчет голосов происходил на следующий день после голосования, с девяти утра до девяти вечера. Наблюдать за этой процедурой на участке могли избиратели, обладающие активным избирательным правом. При открытии участка происходила сверка целостности наложенных печатей на ящик для голосования. Выемку избирательных записок осуществлял председатель комиссии, затем ее нумеровали. Все записки, поданные за кандидатов, сверялись со списком избирателей, голоса же учитывались на карточке каждого кандидата. Предложение кандидата не из списка избирателей было невозможно, кандидатура не рассматривалась [8, л. 170 об.]. Законодательство Российской империи гарантировало защиту тайны голосования и прозрачности подсчета голосов на всей территории страны.

В 1907 г. по сравнению с выборами 1906 г. число избирателей снизилось. Количество поданных записок существенно сократилось на большинстве участков, соответственно вырос процент уклонившихся от участия в голосовании. Полагаем, это связано со спадом общественно-политического интереса к выборам в Государственную думу Российской империи по причине досрочного роспуска Первой Государственной думы (из пятилетнего срока она проработала всего 72 дня). Влияние на снижение интереса избирателей могла оказать и некоторая стабилизация обстановки в стране, хотя Первая русская революция еще продолжалась, приобретая все более локальный характер.

В 1907 г. по всем избирательным участкам наблюдалось снижение количества голосов, поданных за Партию народной свободы и «Союз 17 октября». Так, например, в 1906 г. за партию кадетов голосовало 25 925 выборщиков Москвы, в то время как в 1907 г. партия получила 21 366 голосов [8, л. 290]. На наш взгляд, такой результат связан с политическими репрессиями [2, с. 67], административным давлением на партию кадетов, а также с более умеренными лозунгами в ходе вторых выборов, где им пришлось конкурировать с левыми объединениями.

Монархические партии получили 3164 голоса выборщиков, тогда как в 1906 г. в Москве у них было 2140 голосов [8, л. 290]. Полагаем, что такое увеличение связано с институциональным оформлением монархических сил и стабилизацией общественно-политической обстановки в стране.

Завершающим этапом многоступенчатого процесса отбора кандидатов в Думу второго созыва стало избрание депутатов из состава выборщиков

Городского избирательного собрания. В соответствии с действующим законодательством от Москвы было необходимо избрать четырех депутатов Государственной думы. Ими стали: П. Д. Долгоруков, А. А. Кизеветтер, В. А. Маклаков, Н. В. Тесленко. Все они — представители Партии народной свободы.

Как видим, второй раз партия кадетов оказалась бесспорным лидером на московских выборах. Напомним, что в Первой Государственной думе Москву представляли три кадет, преподаватели Московского университета: бывший профессор С. А. Муромцев (первый председатель Думы) и приват-доценты Ф. Ф. Кокоскин и М. Я. Герценштейн, причем двое из них — Муромцев и Герценштейн — были также гласными Московской городской думы. Еще один депутатский мандат достался беспартийному типографскому рабочему И. Ф. Савельеву. И на сей раз представители иных политических партий, в том числе партии октябристов, оказались аутсайдерами. Октябристы во главе с А. И. Гучковым (будущим председателем Государственной думы) шли с весьма скромными лозунгами, которые не соответствовали ожиданиям избирателей-москвичей. Более чем сдержанные программные положения октябристов, которые, по замечанию одного из современников, было «порой трудно отличить от смиренного прошения», отразились на таком исходе.

Заключение. В начале XX в. российская избирательная система делала первые шаги по тернистому пути представительной демократии. Государственная дума находилась в стадии зарождения; избирательное законодательство, как и избирательные процедуры, было далеко от совершенства: действовала куриальная система выборов, избирательными правами была наделена незначительная часть населения, выборы в регионах страны проводились в разное время, не было единых правил организации и проведения выборов.

При этом нельзя не отметить, что избирательные кампании как в начале XX столетия, так и сегодня неизменно способствуют оживлению борьбы между различными политическими силами, появлению многочисленных предвыборных обещаний, призванных привлечь электорат на свою сторону, внедрению новых предвыборных технологий. С этой точки зрения особенности и опыт выборов в Государственную думу Российской империи не утратил своей актуальности.

Внимательное изучение опыта организации и проведения выборов во II Государственную думу в Москве позволяет обозначить некоторые особенности, в значительной степени присущие древней столице. Следует сказать, что Москва была вторым по численности городом после Петербурга, городом-миллионником, что существенно усложняло составление списков избирателей и саму процедуру организации голосования в мегаполисе.

Тем важнее отметить, что организационная сторона вопроса оказалась на неизмеримо более высоком уровне, чем в любом другом городе и регионе, включая Санкт-Петербург. Это, несомненно, стало заслугой московских

городских властей, прежде всего городского головы Н. И. Гучкова, поставившего организационные и процедурные вопросы под личный контроль.

Кроме того, московские избиратели отличались достаточно высоким уровнем оппозиционности. Так, на выборах в две первые Думы их симпатии неизменно оказывались на стороне кадетской партии. Можно предположить, что ее программные установки были им наиболее близки. К слову, весьма известный и уважаемый человек, «излюбленный москвич» (как писали о нем газеты) — А. И. Гучков, лидер октябристов, родной брат городского головы — предпринял четыре попытки стать депутатом Государственной думы от родного города, однако его земляки только на выборах в III Думу оказали ему поддержку. Может быть, для лучшего понимания выбора современных москвичей надо пристальнее вглядываться в историческую практику и традиции прошлого?

Список источников

1. Высочайше утвержденное Положение о выборах в Государственную Думу. 6 августа 1905 г. // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. Т. 25: 1905. Отд-ние 1: от № 25605–27172 и дополнения. СПб.: Гос. тип., 1908. С. 645–651. № 26662.
2. Малышева О. Г. Избирательная система и практика России в период думской монархии 1905–1917. М.: Квадрига, 2018. 240 с.
3. Малышева О. Г. Первые выборы в парламент Российской империи в Москве и Санкт-Петербурге // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2016. № 3 (33). С. 37–44.
4. Мускатблит Ф. Первый русский парламент (Избирательная кампания и ее итоги). Одесса: Буревестник, 1906. 88 с.
5. Правила о порядке производства выборов в Городские Избирательные Собрания: приложение к ст. 58 [Высочайше утвержденного Положения о выборах в Государственную Думу. 6 августа 1905 г.] // Россия. Законы и постановления. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание 3-е: в 33 т. Т. 25: 1905. Отд-ние 2: Приложения. СПб.: Гос. тип., 1908. С. 406–407.
6. Смирнов А. Как прошли выборы во 2-ю Государственную думу. СПб., Тип. т-ва «Общественная польза», 1907. 294 с.
7. Хряпин К. Что необходимо знать избирателям в Государственную думу. Освещение различных фазисов избирательной кампании 1906–1907 гг. СПб.: СПб. гор. тип., 1907. 57 с.
8. Центральный государственный архив города Москвы (ЦГА Москвы). Ф. 179. Оп. 21. Д. 2396.

References

1. Vysochaishe utverzhdennoe Polozhenie o vyborakh v Gosudarstvennuiu Dumu. 6 avgusta 1905 g. // Rossiia. Zakony i postanovleniia. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e: v 33 t. T. 25: 1905. Otd-nie 1: ot № 25605–27172 i dopolneniia. SPb.: Gos. tip., 1908. S. 645–651. № 26662.

2. Malysheva O. G. Izbiratel'naia sistema i praktika Rossii v period dumskoi monarkhii 1905–1917 [The electoral system and practice of Russia during the Duma monarchy 1905–1917]. M.: Kvadriga, 2018. 240 s.
3. Malysheva O. G. Pervye vybory v parlament Rossiiskoi imperii v Moskve i Sankt-Peterburge [The first elections to the Parliament of the Russian Empire in Moscow and St. Petersburg] // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2016. № 3 (33). S. 37–44.
4. Muskatblit F. Pervyi russkii parlament (Izbiratel'naia kampaniia i ee itogi). Odessa: Burevestnik, 1906. 88 s.
5. Pravila o poriadke proizvodstva vyborov v Gorodskie Izbiratel'nye Sobraniia: prilozhenie k st. 58 [Vysochaishe utverzhdennogo Polozheniia o vyborakh v Gosudarstvennuiu Dumu. 6 avgusta 1905 g.] // Rossiia. Zakony i postanovleniia. Polnoe sobranie zakonov Rossiiskoi Imperii. Sobranie 3-e: v 33 t. T. 25: 1905. Otd-nie 2: Prilozheniia. SPb.: Gos. tip., 1908. S. 406–407.
6. Smirnov A. Kak proshli vybory vo 2-iu Gosudarstvennuiu dumu. SPb., Tip. t-va «Obshchestvennaia pol'za», 1907. 294 s.
7. Khriapin K. Chto neobkhodimo znat' izbirateliyam v Gosudarstvennuiu dumu. Osveshchenie razlichnykh fazisov izbiratel'noi kampanii 1906–1907 gg. SPb.: SPb. gor. tip., 1907. 57 s.
8. Tsentral'nyi gosudarstvennyi arkhiv goroda Moskvy (TsGA Moskvy). F. 179. Op. 21. D. 2396.

УДК 94(470)«19»

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.04

Токарева Елена Анатольевна

кандидат исторических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
e-mail: tokarevae@mgpu.ru

Челнокова Алла Юрьевна

кандидат исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
e-mail: allajurevna@yandex.ru

ЕВРОПЕЙСКИЙ КОНТЕКСТ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ

Аннотация. В статье рассматривается период непродолжительного подъема духовной жизни и культуры России начала XX в. — Серебряный век — с точки зрения анализа социокультурного и политико-экономического влияния на него событий, которые происходили на всем Европейском континенте. В это время, насыщенное революциями, войнами, развалами империй, развитие России происходило синхронно с проникновением современных идей европейской культуры, политической мысли и экономических воззрений, которые нашли здесь благодатную почву. Они стали мощным фактором изменения культурного ландшафта страны, поэтому удивительная эпоха, именуемая Серебряным веком, занимает важное место в изучении истории сложных процессов межкультурной коммуникации в условиях переходных периодов мирового развития, когда происходит глубинная трансформация социально-экономических и иных основ жизнеустройства.

Ключевые слова: европейская и российская цивилизации, Серебряный век русской культуры, национальное самосознание, символизм, модерн, авангард, русская религиозная философия.

Tokareva Elena A.

candidate of historical sciences, professor
Moscow City University
Moscow, Russia
tokarevae@mgpu.ru

Chelnokova Alla Yu.

candidate of Historical Sciences, Associate Professor
Moscow City University
Moscow, Russia
allajurevna@yandex.ru

EUROPEAN CONTEXT OF THE SILVER AGE RUSSIAN CULTURE

Annotation. The article examines the period of a short rise in the spiritual life and culture of Russia at the beginning of the twentieth century — the Silver Age — from the point of view of analyzing the socio-cultural and political-economic impact on it of events that took place throughout the European continent. At this time, saturated with revolutions, wars, the collapse of empires, the development of Russia took place synchronously with the penetration of modern ideas of European culture, political thought and economic views, which found fertile ground here. They have become a powerful factor in changing the cultural landscape of the country. Therefore, the amazing era, called the Silver Age, occupies an important place in the study of the history of complex processes of intercultural communication in the conditions of transitional periods of world development, when a profound transformation of socio-economic and other foundations of life is taking place.

Keywords: European and Russian civilizations, the Silver Age of Russian culture, national identity, symbolism, modernity, avant-garde, Russian religious philosophy.

Целью исследования является оценка влияния европейских событий социокультурного и политико-экономического характера на формирование российского Серебряного века.

Серебряный век является одним из самых загадочных и необычных явлений в русской культуре. Его историко-культурные границы размыты, происхождение термина является дискуссионным. Само сосуществование такого количества ярких и запоминающихся литературных и поэтических течений, взлетов философской мысли, блестящих театральных и художественных школ, всплесков музыкального, танцевального, декоративно-прикладного искусств и многие иные проявления очевидного культурного подъема непостижимо. И все это вобрал в себя Серебряный век. Представляется, что культурный ренессанс рубежа XIX–XX столетий стал возможен в том числе благодаря высокой степени взаимопроникновения культур России и Европы.

Введение. Даже произнося словосочетание «Серебряный век», далеко не все наши современники понимают глубину и историко-культурный смысл этого явления в отечественной и мировой истории. Обычно такие эпитеты, как «серебряный» или «золотой», связаны с событиями, которые внесли весомый вклад в развитие не только национальной, но и мировой культуры.

Вопрос анализа степени социокультурного и экономического влияния на Серебряный век событий, которые происходили на всем Европейском континенте, требует пристального изучения. Только проанализировав этот аспект, можно в какой-то мере определить европейский контекст Серебряного века русской культуры. Сам по себе этот процесс не смог бы зародиться в стране без влияния извне.

В научный оборот термин «Серебряный век» ввели европейские литературоведы — исследователи русского символизма. Можно отметить классические труды французского искусствоведа Жана Кассу [25] и британской ученой Аврил Пайман [27], которые в конце 1990-х гг. были переведены на русский язык [8; 13]. Феномен Серебряного века рассматривался в фундаментальных работах американских ученых Карла Проффера [26] и Джона Боулта [24].

В постсоветской отечественной историографии интерес к Серебряному веку возрос многократно и, по мнению ряда авторов, «значительно “перекрыл” внимание к интеллектуальным и художественным достижениям двух предшествующих столетий. Ни XVIII век формирования в России светской культуры, столь любимый Мариной Цветаевой, ни XIX-й, сохраняющий традиционный статус “золотого века”, не являются в такой мере предметом исследовательской “страсти”, как конец XIX – первая четверть XX столетия» [22, с. 20]. Отметим также большой исследовательский интерес к проблематике феномена российской интеллигенции в рассматриваемый период [14; 18] и религиозно-философским поискам эпохи [12; 21].

Постановка проблемы. Начало XX в. ознаменовалось чередой конфликтов между странами Европы, в которые оказалась втянута и Российская империя. В течение этого времени российская культура трансформировалась под воздействием идей модернизма, возникших в Европе. И здесь важно понять, какова роль и степень влияния европейских процессов того времени на формирование культурной среды Серебряного века, его практик и образов, идей и направлений.

Кроме того, многообразие художественных стилей и направлений, многие из которых пришли из Европы на рубеже XIX–XX вв., характеризует и современную российскую культуру, поэтому обращение к истории России начала XX в. позволяет отчасти лучше понять современную культуру [5, с. 128].

Методология. «Исследование мировоззренческого комплекса российской культурной элиты предреволюционного периода предполагает в качестве существенного аспекта изучение вопросов, связанных с социокультурным обликом Серебряного века, — таких как пространственно-временные ракурсы

и смыслообразующие основания этой культуры, формы социальной коммуникации и специфика мировидения ее творцов» [6, с. 20].

Основным *методом* проведения исследования стал социокультурный исторический анализ цивилизационных процессов, которые происходили в русской и европейской культурах на рубеже XIX и XX вв.

Ход и результаты исследования. Широкое понятие Серебряного века включает в себя русский символизм и модерн 1890–1900-х гг., религиозную философию, искусство авангарда 1910-х и в какой-то мере 1920-х годов. Эти историко-культурные явления обозначили новое состояние национального духа и стали своеобразным мировоззренческим измерением культурной эпохи рубежа веков.

В истории Российской империи конец XIX в. ознаменовался противоречивыми событиями. С одной стороны, страна переходила к капитализму, менялся уклад жителей города и деревни, а с другой — сословное российское общество, которое явно не успевало за этими изменениями. В самой атмосфере эпохи было ощущение неизбежности перемен, которые обязательно и скоро затронут многие устоявшиеся стороны жизни.

«В изломах и муках затянувшихся преобразований Россия завершала XIX столетие. Ни в одном классе, ни в одном сословии не было примиряющего начала: вражда сжигала сердца и озлобляла умы. Интеллигенция раскололась “на две расы” (Н. А. Бердяев): на одном полюсе сконцентрировалась «культурная элита», жаждавшая мистических тайн и религиозных откровений, на другом — “силы революции”, вдохновлявшиеся идеями русского радикализма и марксизма. Это были будущие богоискатели и большевики. Им предстояло выбирать “между целостностью теории и целостностью отечества”. Россию ждали великие потрясения. Культура рубежа веков впитала в себя лучшие традиции предшествующего периода. Вместе с тем в духовной жизни России появились новые тенденции, требовавшие осмысления социальных и нравственных проблем: личность и общество, социальные утопии и практика жизни, место художника в обществе. Все это привело в итоге к поиску нового концепта, новых изобразительных методов и средств. В России складывается историко-художественный период, названный современниками “серебряным веком” русской культуры» [10].

Исследователи дают специфические оценки предпосылкам культурного взлета в начале XX в. Так, М. А. Воскресенская пишет: «Серебряный век как социокультурный феномен воплощался в совокупности процессов и явлений неоромантического характера, протекавших в русской культуре рубежа XIX–XX столетий и выражавших мировидение интеллектуально-творческих слоев интеллигенции, объединенных разрывом с позитивистско-народнической культурной традицией в поисках средств духовно-нравственного совершенствования мира» [6, с. 26].

Однако большинство исследователей отдают предпочтение той точке зрения, что европейское влияние как предпосылка возникновения культурного феномена Серебряного века было более значимым, чем внутренние ожидания художественной элиты. Изучая социально-политическое развитие и международные отношения этой эпохи, В. М. Сергеев делает вывод, что «XIX век начинается с наполеоновских войн и после краткого периода доминирования Франции приводит... к гегемонии пяти держав Европы: Англии, Франции, Пруссии, Австро-Венгрии и России, образовавших “европейский концерт”. В связи с распространением идей демократии и свободной торговли начинает изменяться и характер “естественного государства”. Но “концерт” оказался недолговечным — война 1870 года между Пруссией и Францией, закончившаяся поражением Франции, объединением Германии и провозглашением Германской империи, полностью перекраивает европейскую политику. Возникает два блока — “тройственный союз” в составе Германской империи, Австро-Венгрии и Италии, и противостоящий ему франко-русский союз, который впоследствии расширяется за счет Великобритании, а из “тройственного союза” выходит Италия, но зато добавляется Османская империя. Блоковая политика в Европе приводит к Первой мировой войне, результатом которой является гибель четырех империй в Европе: Российской, Германской, Австро-Венгерской и Османской. Эта война была концом мирового доминирования европейских держав» [16, с. 9].

Импульсом ко всем этим метаморфозам стало крушение наполеоновской империи. Наступившую постнаполеоновскую эпоху можно охарактеризовать очень быстрыми темпами перехода из одного времени в другое. Человек не успевал приспособиться к постоянным изменениям, и это сильно усложняло его жизнь, влияло на его сознание и поведение. Постнаполеоновское время создало не только единое европейское историческое, но и мировое пространство.

Индустриальная революция в Европе к концу XIX столетия существенно преобразила общество и социально-политическое устройство многих стран. Миграция сельского населения в города значительным образом изменила облик и культуру многих стран, создав предпосылки к появлению различных модернистских течений в искусстве, литературе, музыке. При том «эпоха индустриализации диктовала свои условия и нормы жизни, разрушающие традиционные ценности и представления людей. Агрессивный натиск материального производства приводил к нарушению гармонии между природой и человеком, к нивелировке человеческой индивидуальности, к торжеству стандартизации и унификации всех сторон человеческого бытия, что порождало растерянность, тревожное чувство. Все выстраданные предшествующими поколениями представления о добре и зле, истине и лжи, прекрасном и безобразном казались теперь несостоятельными и требовали срочного и кардинального пересмотра» [10].

В пореформенной России, ближе к концу XIX в., начался бурный процесс интенсивного становления капиталистических основ в экономике и общественном устройстве, которые оказали существенное влияние на социальные процессы и культурную жизнь. В то же время идеи европейского модернизма имели значительное влияние на умы и мысли отечественной интеллигенции.

На начало XX в. пришелся период переоценки ценностной матрицы российского общества, его коллективных и индивидуальных начал. Как обозначил в одной из своих публикаций В. Л. Семигин, «начало Серебряному веку было положено символистами, небольшой группой литераторов, осуществивших в конце XIX – начале XX века “эстетический переворот”». Символисты в 90-х годах XIX в. выступили с идеей произвести переоценку всех ценностей. В основу ее была положена проблема соотношения индивидуального и коллективного начал в общественной жизни и в искусстве. Проблема эта не была новой. Она возникла сразу после отмены крепостного права и проведения Великих реформ, когда активно стало формироваться гражданское общество. Одними из первых решить ее попытались народники. Рассматривая коллективное начало в качестве определяющего, они подчинили ему индивидуальное начало, личность — обществу. Человек имел ценность только в случае, если он приносил пользу коллективу. Наиболее эффективной народники считали общественно-политическую деятельность. В ней человек должен был раскрыть себя. Укрепление в обществе народнического подхода к человеку и его деятельности, произошедшее в 60-х – 80-х годах XIX в., привело к тому, что на литературу, философию и искусство стали смотреть как на явление второго плана, менее необходимое по сравнению с политической деятельностью. Свой “эстетический переворот” символисты направили против народников и их идеологии» [15].

Все, что представители русской демократической культуры осуждали: политическую безыдейность, эстетизм, этическую неопределенность, творческий индивидуализм, духовное избранничество, — культура Серебряного века реабилитировала. Бердяев писал: «тогда было опьянение творческим подъемом, новизна, напряженность, борьба, вызов», это была эпоха «пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интерес к мистике и оккультизму» [1]. Определяя начало XX в. в России как русский культурный ренессанс, Бердяев обращал внимание на общее содержание культуры ренессансного типа, ее антропоцентризм и гуманизм, целостность нового стиля культуры (несмотря на ее многоплановость), ренессансную полноту, универсализм, культурную многомерность, энциклопедизм.

Как отмечает в своей работе Н. К. Бонецкая, «эпоха Серебряного века в русской культуре так же самобытна и исторически обособлена, как эпоха Возрождения или Реформации в культуре европейской. И уж если говорить о гуманизме современном или гуманизме советских десятилетий... то они-то как раз пронизаны насквозь токами века Серебряного...» [4, с. 5].

Вместе с тем за пестрой и многоликой картиной стилевых направлений, творческих групп, ярких индивидуальностей великих поэтов, музыкантов, художников, режиссеров, актеров, важных событий художественной жизни весьма сложно обнаружить целостность культурного феномена Серебряного века и закономерность художественного развития русской культуры. Трудно представить, что Василий Суриков и Василий Верещагин были старшими современниками Василия Кандинского и Казимира Малевича, что Илья Репин в 1901–1903 гг. пишет картину «Заседание Государственного совета», что картины Константина Коровина, Михаила Нестерова, Марка Шагала — из одной эпохи. Тем не менее носители этой культуры, принадлежавшие самым разным направлениям и объединениям, остро ощущали эту целостность и дух эпохи, что выражалось в многосторонних и насыщенных связях между ними, в постоянных поисках нового, в спорах, в общении, в многообразии идей, в стремлении сблизить все сферы творчества. Культура Серебряного века действительно тяготела к энциклопедизму и формировалась как эпоха синтетического и универсального искусства.

Александр Блок, размышляя о русской культуре, уточнял: «Россия — молодая страна, и культура ее — синтетическая культура. Русскому художнику нельзя и не надо быть “специалистом”. Писатель должен помнить о живописце, архитекторе, музыканте, тем более — прозаик о поэте и поэт о прозаике... Так же, как неразлучимы в России живопись, музыка, проза, поэзия, неотлучимы от них и друг от друга — философия, религия, даже — политика. Вместе они образуют единый мощный поток, который несет на себе драгоценную ношу национальной культуры» [3, с. 5].

Принцип синтеза и взаимодействия всех искусств — характерная черта этого периода. С точки зрения В. В. Линьковой, «эпоха Серебряного века — неудержимый жизненный прорыв к идее Синтеза, время творческого слияния философии, науки, религии и искусства. Мировоззренческим центром складывающегося компендиума являлись идеи всеединства, Любви как основы бытия (столь близкие платонизму, неоплатонизму), теургии, жизнесозидательного назначения искусства» [11, с. 120].

«Рубеж XIX–XX веков со всей определенностью ставил проблему расширения гуманитарной сферы и преодоления того узкого понимания науки, которое в эпоху Просвещения возникло. Поэтому на рубеже XIX–XX веков возникает идея взаимопроникновения науки, философии, искусства и религии. Не случайно в эту эпоху концепт разума сменяется концептом жизни. Однако синтез в понимании людей этой эпохи мог быть возможным лишь на религиозной основе. Вот почему характерный для этой эпохи культурный ренессанс мог происходить лишь на религиозной основе как, собственно, и случилось» [20, с. 785].

«Предпосылки возникновения феномена Серебряного века можно разделить на внутрироссийские и общеевропейские. В культуре Европы во второй половине девятнадцатого века возникает явление аналогичное русскому Серебряному

веку. Это — *fin de siècle* (“конец века”) или “конец прекрасной эпохи”. Таким образом, в России его возможно рассмотреть и как специфическую реализацию данного общеевропейского феномена, но в более поздний хронологический период» [17, с. 159].

«Особенность пути российской культуры по отношению к европейской состоит в “перепутанности” вех. Ценности Просвещения были усвоены в XVIII в. силой петровских преобразований, через процессы ученичества и адаптации, без обновления православия, без опыта Возрождения... Несмотря на заимствованный характер просветительства XVIII в., оно имело блистательный, но мимолетный финал в явлении А. С. Пушкина и эпохи Александра I. Серебряный век, по сути, являл собой новую попытку ренессансного взлета. Но разве существовали в России конца XIX века те факторы, что дали старт европейскому Возрождению? Или хотя бы имелись основания для порыва национальной гордости? Нет, империя Александра III и культурный опыт XIX в. не давали такой возможности» [2].

На этом обстоятельстве стоит остановиться более детально. Конец XIX в. в России наряду с многочисленными реформами ознаменовался усилением реакционных действий властей по отношению к свободомыслию, а также появлением других запретов, которые, по идее, никак не могли способствовать появлению такого феномена, как Серебряный век. Кроме того, невысокий уровень развития провинциальных городов, их общая архаичность по сравнению с городами Европы ограничивали культурное и ценностно-смысловое пространство для распространения новых идей и течений в искусстве. И все же переход «из Золотого века в Серебряный, с отвращением минуя Железный» [23, с. 140] состоялся. Почему?

Развитие культуры — закономерный, социально детерминированный процесс. В то же время культура обладает собственными, имманентно присущими ей особенностями и динамикой. В русской культуре отсутствуют четкие, от-рефлектированные культурные эпохи, которые обозначены в Европе. В силу этого русское искусство очень часто вынуждено было решать сразу несколько задач, которые в других национальных школах реализовывались на разных этапах. Только на рубеже XVII–XVIII вв. русская культура «вышла» из Средневековья и начала движение в Новое время, и через освоение идей Просвещения стала «приобщаться» к европейской цивилизации. Русской культуре нужно было «наверстывать упущенное». И русское искусство «спешило»: периоды напряжения сменялись периодами рассредоточения сил, «за спиной» иногда оставались нерешенные вопросы и серьезные препятствия, но в итоге «был набран» удивительный темп, позволивший «совершить стремительные рейды в будущее». Динамизм русской культуры рубежа веков и масштабы сделанного ей скачка поражают.

Художественные поиски рубежа XIX–XX вв., движение к новому языку культуры были характерны для всего европейского искусства. И символизм,

и стиль модерн, и авангард были общими для всей европейской культуры. Русская культура с молниеносной быстротой совершала переход к новейшим системам художественного мышления, не только догоняя, но и во многом опережая основные европейские художественные школы. И «ученичества» уже не было. Наоборот, Россия оказалась одним из лидеров этого движения.

Можно говорить о диалоге единомышленников во взаимоотношениях русских и европейских поэтов-символистов, о космополитизме русского символизма и обретении им собственных истоков; о самобытном прочтении общеевропейского стиля модерн, который в России органично соединился с литературным символизмом и новой религиозной философией, объединив в себе традицию и новаторство, вдохновение и прагматизм. Французский импрессионизм (выставка в Санкт-Петербурге в 1880 г.) «разрушил» стену между русской и европейской живописью и стал художественной идеей, которая помогла русскому искусству преодолеть «провинциализм» передвижничества.

Мифологизация исторических образов, присущая модерну, обновила русскую культуру, освободив ее от социальности и политической ангажированности. На картинах Виктора Васнецова и Михаила Врубеля, представителей модернистского направления, появились сказочные богатыри. В их творчестве возникла замечательная «богатырская тема», не документальная, как у Николая Ге или Василия Сурикова, а романтически-мифологизированная. В России, так же как в Англии и во Франции, началось возрождение сказки. Русское искусство обратилось к своим традициям и истокам: народному искусству, миру иконы, лубка, древнерусской сказочности.

Это было выражением национальной идеи времени: через актуализацию легендарного прошлого, полусказочной, полузабытой культуры обществу предъявлялись фактически утраченные, но очень важные и необходимые в сложную, переломную эпоху ценности. Это соответствовало стремлению самопознающей русской культуры дать ответы на фундаментальные вопросы своей истории. И «Демон» Врубеля, и «Богатыри» Васнецова, и музыкальная поэма «Прометей» Скрябина, и сборник «Вехи» философов-идеалистов связаны между собой этими неустанными поисками новой русской идеи.

Многие исследователи определяют в качестве важнейших характеристик новой русской культуры ее открытость для мировой и европейской культуры. При этом, важно отметить, что процесс культурного диффузионизма, о котором очень часто говорят отечественные исследователи, до периода рубежа XIX–XX вв. был односторонним и выражался в европейских заимствованиях и обучении русских художников, архитекторов, скульпторов за границей. В Западной Европе, как и в мире, ничего не знали о русской культуре и искусстве. «Прорыв» совершил Сергей Дягилев, усилиями которого сначала в Европе, а потом по всему миру, были организованы выставки русского искусства и показаны «Русские сезоны». Эти культурные события и можно считать началом интеграции русской культуры в европейское и мировое пространства.

Культурным шоком для европейцев стало открытие русской иконы, которую они впервые увидели в 1906 г., на Осеннем салоне в Париже, на выставке «Два века русской живописи и скульптуры». Выставка, имевшая грандиозный успех, была показана также в Берлине и Венеции.

На выставке демонстрировались и работы современных русских художников, среди которых были мастера «большой тройки» — Врубель, Серов, Коровин. Художник Сергей Судейкин, будущий участник объединения «Голубая роза», оставил интересные воспоминания: «В зале Врубеля, где никого не было, я и Ларионов неизменно встречали коренастого человечка, похожего на молодого Серова, который часами простаивал над вещами Врубеля. Это был Пикассо. Ларионов и я, мы оба можем констатировать, что все основы кубизма, конструктивизма и сюрреализма были начаты и обоснованы Врубелем. И несмотря на наше уважение к Пикассо, началом начал современной живописи был Врубель» [7].

«Русские сезоны», организованные Сергеем Дягилевым, открыли Европе и Америке удивительный мир высокого искусства национальной культуры: русскую музыку, живопись, оперу, балет, новую хореографию — и создали образ нового искусства, определив вектор его развития на столетие вперед. Все это свидетельствовало о начавшемся на рубеже веков процессе формирования механизмов культурного взаимодействия, культурной диффузии: русская культура, обогащенная европейской традицией, сама становилась неотъемлемой частью мировой культуры.

Важную роль в разрывании этих культурных процессов сыграли русские меценаты. Трудно не согласиться с мнением В. С. Толстикова, что «культурный “ренессанс” рубежного времени стал возможен благодаря активному заинтересованному участию русской буржуазии и купечества в развитии отечественной культуры. Есть все основания называть этот период времени расцветом русского меценатства, причём меценатства созидательного, когда развивались становящиеся приоритетными отрасли отечественной науки, формировались художественно-эстетические центры, открывались уникальные галереи и музеи, получали заслуженное признание у отечественной интеллигенции театры, которым было суждено осуществить глобальную реформу всего театрального искусства» [19, с. 65]. Два знаменитых художественных центра — Абрамцево под Москвой и Талашкино под Смоленском — были настоящими лабораториями новаторских экспериментов, известными во всем мире. Деятельность многих русских меценатов вышла за рамки благотворительности и стала частью культурного творчества.

Вместе с тем необходимо заметить, что выработка модернистского подхода к культуре вызвала немало противоречий, создававших внутреннее напряжение эпохи рубежа веков. В предреволюционное десятилетие возвышенный символизм и утонченный модерн начала Серебряного века были ниспровергнуты новаторской экспансией многочисленных направлений авангарда —

кубизма, футуризма, примитивизма, абстракционизма и др. Авангардное искусство, заявляя о необходимости тотального обновления, акцентировало эстетику и ценность художественных экспериментов, прагматику цветовых решений, ясность конструктивных линий и объемов. И все это происходило практически параллельно — в едином пространственном поле культуры Серебряного века.

И в России, и в Европе левые течения в искусстве возникали на волне активных поисков новых структур и новой лексики, которые должны были бы соответствовать новой научной картине мира, новым технологиям коммуникации, отражать свершившийся факт демократизации культуры и вовлечения в городскую культуру массы людей. Вместе с тем русский авангард, испытывая желание занять особое место в культурных процессах страны и мира, мыслил себя очень широко, поверх сферы художественной культуры, и являл собой универсальную «замену» всех материальных и духовных практик. Это было его отличительной чертой.

Искусство авангарда — общеевропейское культурное явление, которое формировалось под влиянием общественно-политических событий как в Европе, так и в России. Однако атмосфера тревожного ожидания катастрофы в России, ужасы войны и романтика революции предопределили очень важную черту всего русского авангарда — его футуристичность, его безоглядную устремленность в будущее.

В отечественном информационном пространстве сложилось довольно идеалистическое представление о Серебряном веке как о прерванном трагической цепью событий периоде культурного возрождения страны. Несомненно, доля истины в этом есть. Тем не менее следует понимать, что в российской истории этот культурный ренессанс совпал с глубинными тектоническими сдвигами в обществе, обусловленными столкновением идей традиционного пути развития и разных модернистских проектов, среди которых в конечном итоге победил большевистский марксистский проект.

В такие переломные периоды истории, как правило, происходит глобальная переоценка ценностей и культурных традиций, рождаются новые направления в развитии культуры и общества. Эти явления были характерны для многих стран мира, но наиболее ярко они воплотились в России.

Первая мировая война стала точкой невозврата к привычному миру. Война оказала разрушительное воздействие не только на весь последующий ход отечественной истории, но и нанесла огромный урон культуре Серебряного века. Поэзия, искусство, культура — все это отошло на второй план, уступив место разрушительной силе войны, которой суждено было стать прологом будущей катастрофы Российского государства.

Первая мировая война лишь ускорила те глобальные, как сегодня мы бы сказали, процессы изменений, которые происходили не только в Европе, но и в других частях мира. Эмансипация, борьба за социальные права и свободы

шла бок о бок с формированием новой культурной парадигмы XX в., которая к его окончанию оформилась в современное гедонистическое общество потребления. Культуре Серебряного века объективно не нашлось бы места в XX в. — и западное общество потребления, и советское общество светлого будущего не были готовы ее понимать и воспринимать, что и подтвердилось последующими событиями.

Заключение. Серебряный век как культурный феномен развития России на границе XIX–XX вв. и вплоть до середины 20-х гг. XX в. обозначил новые явления в культуре и искусстве, изменил мировоззренческие ценности и стиль жизни. Символизм, модерн и авангард, придавшие ускорение духовному развитию нации, фактически «вдвинули» ее в новый век.

Несмотря на очевидное европейское влияние и определенную общность с процессами, происходившими в культурной жизни Европы, культура Серебряного века не только самобытна и самоценна, но и чрезвычайно насыщена антиномиями и творческими исканиями, которые дали миру замечательных поэтов и писателей, художников и скульпторов, архитекторов, музыкантов, режиссеров.

Преодолев национальные рамки, русская художественная культура рубежа веков вошла в европейскую культуру на равных, со своим собственным лицом, и стала одной из важнейших национальных культур, которые определили развитие мирового искусства в XX веке.

Вместе с тем носители творческих и новаторских идей модернизма составляли очень узкий круг, культурное меньшинство просвещенной элиты российского общества, что, по существу, и предопределило трагический финал культурного феномена Серебряного века.

Сравнительно недавнее открытие и осознание наследия этого периода во всем его объеме, масштаб фигур, обладавших мощной энергетикой воздействия, обуславливают особое, острое внимание (овеянное ностальгическим чувством) современного российского общества к удивительному миру культуры Серебряного века. Наиболее значимые события последних лет, связанные с информационным освещением в мировом пространстве эпохи Серебряного века, свидетельствуют о том, что она по праву заняла свое место в истории мировой культуры. Более того, считаясь в начале XX в. сугубо элитарной культурой, она стала частью современной массовой культуры. Обогащенная европейскими идеями, предопределенная отечественной судьбой, культура Серебряного века помогает разрешать современные проблемы цивилизационного сосуществования Запада и России. В этом ее притягательность и магия для новых поколений.

Список источников

1. Бердяев Н. Самопознание. Глава 6. Русский культурный ренессанс начала XX века. Встречи с людьми. [Электронный ресурс]. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1949_samoroznanie.shtml (дата обращения: 3.08.2021).
2. Березовая Л. Г. Серебряный век в России: от мифологии к научности (к вопросу о содержании понятия). [Электронный ресурс]. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_3/1.shtml (дата обращения: 20.07.2021).
3. Блок А. А. Собрание сочинений: в 8 т. / под общ. ред. В. Н. Орлова, А. А. Суркова, К. И. Чуковского. Т. 6: Проза. 1918–1921. М.; Л.: Гослитиздат, 1962. 556 с.
4. Бонецкая Н. К. Дух Серебряного века (феноменология эпохи). М.; СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016. 720 с.
5. Валеева Г. В., Слобожанин А. В. Влияние европейской культуры на формирование эстетических представлений серебряного века // Гуманитарные ведомости ТГПУ им. Л. Н. Толстого. 2020. № 1 (33). С. 128–133.
6. Воскресенская М. А. Феномен Серебряного века: проблемное поле культурно-исторического осмысления // Вестник Томского государственного университета. История. 2017. № 48. С. 20–28. DOI: 10.17223/19988613/48/4
7. Врубель. Переписка. Воспоминания о художнике. 2-е изд. Л.: Искусство. Ленинградское отделение, 1976. 384 с.
8. Кассу Ж. Энциклопедия символизма. Живопись, графика и скульптура. Литература. Музыка / при участии Пьера Брюнеля и др.; [пер. с фр. Н. В. Кисловой, Н. Т. Пахсарьян]. М.: Республика, 1998. 428 с.
9. Кондаков И. В. «Страшный праздник» русской культуры: памяти Серебряного века // Общественные науки и современность. 2014. № 4. С. 142–166.
10. Котенева Н. В. Характеристика «Серебряного века» как социокультурной эпохи // Аналитика культурологии. 2014. № 3 (30). С. 40–45. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22747449_53002908.pdf (дата обращения: 12.12.2021).
11. Линькова В. В. Образ «вечной женственности» в творчестве художников серебряного века // Человек. 2017. № 2. С. 120–128.
12. Набокина М. Е., Смирнова Ю. В. Эволюция взглядов московской и петербургской религиозно-философской интеллигенции на революционный процесс в России начала XX века // Столетие революции 1917 года в России: научный сборник. Ч. 1 / отв. ред И. И. Тучков. М.: РДП, 2018. С. 662–667. (Труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60).
13. Пайман А. История русского символизма / [авториз. пер. с англ. В. В. Исакович]. М.: Республика, 1998. 413 с.
14. Рябов В. В. Феномен российской интеллигенции конца XIX – начала XX века: монография / В. В. Рябов и др.; науч. ред. В. В. Кириллов. М.: ОнтоПринт. 2020. 204 с.
15. Семигин В. Л. Серебряный век русской культуры. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/Lomonos98/semigin.htm> (дата обращения: 20.11.2020).
16. Сергеев В. М. Социально-политическое развитие и международные отношения: история и современность // Ежегодник ИМИ. 2015. Вып. 3 (13). С. 7–13.
17. Слобожанин А. В., Богомазова Н. Л., Валеева Г. В. Предпосылки возникновения культуры серебряного века // Проблемы и перспективы реализации

междисциплинарных исследований: сб. статей Международной научно-практической конференции (5 марта 2020 г., Магнитогорск). Уфа: Аэтерна, 2020. С. 158–162.

18. Токарева Е. А. Творческая интеллигенция России начала XX века: монография / Е. А. Токарева и др.; науч. ред. В. В. Кириллов. М.: ОнтоПринт, 2020. 244 с.

19. Толстиков В. С. К вопросу о русской культуре Серебряного века // Вестник Челябинского государственного университета. Тема выпуска: Философия. Социология. Культурология (Вып. 25). 2012. № 18 (272). С. 62–68.

20. Хренов Н. А. История искусства как история культуры: русское искусство рубежа XIX–XX веков в контексте больших длительностей исторического времени (ч. 2) // Россия: тенденции и перспективы развития: ежегодник. 2020. № 15-2. С. 773–795.

21. Челнокова А. Ю. Война и революция в религиозно-философской публицистике С. Л. Франка // Столетие революции 1917 года в России: научный сборник. Ч. 1 / отв. ред И. И. Тучков. М.: РДП, 2018. С. 801–806. (Труды исторического факультета МГУ, вып. 108. Сер. II. Исторические исследования, 60).

22. Шибаева М. М. Серебряный век как специфический хронотоп культуры // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. 2014. № 6 (62). С. 19–23.

23. Эткинд А. Содом и Психея: Очерки интеллектуальной истории Серебряного века. М.: ИЦ-Гарант, 1996. 413 с.

24. Bowl J. The Silver Age: Russian Art of the Early Twentieth Century and the “World of Art” Group. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1979. 355 p.

25. Cassou J. Encyclopédie du symbolisme Peinture, gravure et sculpture Littérature Musique. Paris: Somogy, 1979. 292 p.

26. Proffer C. R., Proffer E. The Silver age of Russian Culture: An Anthology / ed. C. R. Proffer, E. Proffer; preface by ed. Ann Arbor: Ardis, 1975. 454 p.

27. Pyman A. A History of Russian Symbolism. Cambridge University Press, 1994. 481 p.

References

1. Berdiaev N. Samopoznanie. Glava 6. Russkii kul'turnyi renessans nachala XX veka. Vstrechi s ljud'mi. [Elektronnyi resurs]. URL: http://az.lib.ru/b/berdjaew_n_a/text_1949_samopoznanie.shtml (data obrashcheniia: 3.08.2021). (In Russ.).

2. Berezovaia L. G. Serebrianyi vek v Rossii: ot mifologii k nauchnosti (k voprosu o sodержanii poniatii). [Elektronnyi resurs]. URL: http://www.nivestnik.ru/2001_3/1.shtml (data obrashcheniia: 20.07.2021). (In Russ.).

3. Blok A. A. Sbranie sochinenii: v 8 t. / pod obshch. red. V. N. Orlova, A. A. Surkova, K. I. Chukovskogo. T. 6: Proza. 1918–1921. M.; L.: Goslitizdat, 1962. 556 s. (In Russ.).

4. Bonetskaia N. K. Dukh Serebrianoogo veka (fenomenologiiia epokhi) [Spirit of the Silver Age (phenomenology of the era)]. Moscow; St. Petersburg: Tsentr gumanitarnykh initsiativ, 2016. 720 s. (In Russ.).

5. Valeeva G. V., Slobozhanin A. V. Vliianie evropeiskoi kul'tury na formirovanie esteticheskikh predstavlenii serebrianoogo veka [The influence of European culture on the formation of aesthetic ideas of the Silver Age] // Gumanitarnye vedomosti TGPU im. L. N. Tolstogo. 2020. № 1 (33). S. 128–133. (In Russ.).

6. Voskresenskaia M. A. Fenomen Serebrianoogo veka: problemnoe pole kul'turno-istoricheskogo osmysleniia [The phenomenon of the Silver Age: the problem field of cultural

and historical comprehension] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Istoriiia. 2017. № 48. S. 20–28. DOI: 10.17223/19988613/48/4 (In Russ.).

7. Vrubel'. Perepiska. Vospominaniia o khudozhnike. 2-e izd. L.: Iskusstvo. Leningradskoe otdelenie, 1976. 384 s. (In Russ.).

8. Kassu Zh. Entsiklopediia simvolizma. Zhivopis', grafika i skul'ptura. Literatura. Muzyka / pri uchastii P'era Briunelia i dr.; [per. s fr. N. V. Kislovoi, N. T. Pakhsar'ian]. M.: Respublika, 1998. 428 s. (In Russ.).

9. Kondakov I. V. «Strashnyi prazdnik» russkoi kul'tury: pamiati Serebriianogo veka [“Terrible holiday” of Russian culture: the memory of the Silver Age] // Obshchestvennye nauki i sovremennost'. 2014. № 4. S. 142–166. (In Russ.).

10. Koteneva N. V. Kharakteristika «Serebriianogo veka» kak sotsiokul'turnoi epokhi [Characteristics of the “Silver Age” as a socio-cultural era] // Analitika kul'turologii. 2014. № 3 (30). S. 40–45. URL: https://elibrary.ru/download/elibrary_22747449_53002908.pdf (data obrashcheniia: 12.12.2021). (In Russ.).

11. Lin'kova V. V. Obraz «vechnoi zhenstvennosti» v tvorchestve khudozhnikov serebriianogo veka [The image of “eternal femininity” in the works of artists of the Silver Age] // Chelovek. 2017. № 2. S. 120–128. (In Russ.).

12. Nabokina M. E., Smirnova Iu. V. Evoliutsiia vzgliadov moskovskoi i peterburgskoi religiozno-filosofskoi intelligentsii na revoliutsionnyi protsess v Rossii nachala XX veka [Evolution of the views of the Moscow and St. Petersburg religious and philosophical intelligentsia on the revolutionary process in Russia at the beginning of the 20th century] // Stoletie revoliutsii 1917 goda v Rossii: nauchnyi sbornik. Ch. 1 / otv. red I. I. Tuchkov. M.: RDP, 2018. S. 662–667. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU, vyp. 108. Ser. II. Istoricheskie issledovaniia, 60). (In Russ.).

13. Paiman A. Istoriiia russkogo simvolizma / [avtoriz. per. s angl. V. V. Isakovich]. M.: Respublika, 1998. 413 s. (In Russ.).

14. Riabov V. V. Fenomen rossiiskoi intelligentsii kontsa XIX – nachala XX veka: monografiia [The phenomenon of the Russian intelligentsia in the late 19th and early 20th centuries] / V. V. Riabov i dr.; nauch. red. V. V. Kirillov. M.: OntoPrint. 2020. 204 s. (In Russ.).

15. Semigin V. L. Serebriianyi vek russkoi kul'tury. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.hist.msu.ru/Science/Conf/Lomonos98/semigin.htm> (data obrashcheniia: 20.11.2020). (In Russ.).

16. Sergeev V. M. Sotsial'no-politicheskoe razvitie i mezhdunarodnye otnosheniia: istoriiia i sovremennost' [Socio-political development and international relations: history and modernity] // Ezhegodnik IMI. 2015. Vyp. 3 (13). S. 7–13. (In Russ.).

17. Slobozhanin A. V., Bogomazova N. L., Valeeva G. V. Predposylki vozniknoveniia kul'tury serebrenogo veka [Preconditions for the emergence of the culture of the Silver Age] // Problemy i perspektivy realizatsii mezhdistitsiplinarnykh issledovani: sb. statei Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (5 marta 2020 g., Magnitogorsk). Ufa: Aeterna, 2020. S. 158–162. (In Russ.).

18. Tokareva E. A. Tvorcheskaiia intelligentsiia Rossii nachala XX veka: monografiia [The creative intelligentsia of Russia at the beginning of the XX century] / E. A. Tokareva i dr.; nauch. red. V. V. Kirillov. M.: OntoPrint, 2020. 244 s. (In Russ.).

19. Tolstikov V. S. K voprosu o russkoi kul'ture Serebriianogo veka [On the question of Russian culture of the Silver Age] // Vestnik Cheliabinskogo gosudarstvennogo

universiteta. Tema vypuska: Filosofii. Sotsiologiya. Kul'turologiya (Vyp. 25). 2012. № 18 (272). S. 62–68. (In Russ.).

20. Khrenov N. A. Istoriia iskusstva kak istoriia kul'tury: russkoe iskusstvo rubezha XIX–XX vekov v kontekste bol'shikh dlitel'nostei istoricheskogo vremeni (ch. 2) [History of art as a history of culture: Russian art at the turn of the 19th–20th centuries in the context of long historical periods] // Rossiia: tendentsii i perspektivy razvitiia: ezhegodnik. 2020. № 15-2. S. 773–795. (In Russ.).

21. Chelnokova A. Iu. Voina i revoliutsiia v religiozno-filosofskoi publitsistike S. L. Francka [War and revolution in the religious and philosophical journalism of S. L. Franck] // Stoletie revoliutsii 1917 goda v Rossii: nauchnyi sbornik. Ch. 1 / otv. red I. I. Tuchkov. M.: RDP, 2018. S. 801–806. (Trudy istoricheskogo fakul'teta MGU, vyp. 108. Ser. II. Istoricheskie issledovaniia, 60). (In Russ.).

22. Shibaeva M. M. Serebrianyi vek kak spetsificheskii khronotop kul'tury [The Silver Age as a Specific Chronotope of Culture] // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo universiteta kul'tury i iskusstv. 2014. № 6 (62). S. 19–23. (In Russ.).

23. Etkind A. Sodom i Psikhia: Ocherki intellektual'noi istorii Serebriianogo veka [Sodom and Psyche: Essays on the Intellectual History of the Silver Age]. M.: ITs-Garant, 1996. 413 s. (In Russ.).

24. Bowlt J. The Silver Age: Russian Art of the Early Twentieth Century and the “World of Art” Group. Newtonville, Mass.: Oriental Research Partners, 1979. 355 p.

25. Cassou J. Encyclopédie du symbolisme Peinture, gravure et sculpture Littérature Musique. Paris: Somogy, 1979. 292 p.

26. Proffer C. R., Proffer E. The Silver age of Russian Culture: An Anthology / ed. C. R. Proffer, E. Proffer; preface by ed. Ann Arbor: Ardis, 1975. 454 p.

27. Pyman A. A History of Russian Symbolism. Cambridge University Press, 1994. 481 p.

УДК 297.17

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.05

Гумеров Марсель Марсович

Международная образовательная корпорация EDUANT

Анталия, Турция

e-mail: marsello1812@gmail.com

Гусева Юлия Николаевна

доктор исторических наук, доцент

независимый исследователь

Самара, Россия

e-mail: j.guseva@mail.ru

СРЕДНЕЕ МУСУЛЬМАНСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В САМАРСКОЙ ОБЛАСТИ (1991–2018)

Аннотация. В статье рассматривается история и современное состояние среднего исламского образования в Самарской области. Дается сравнительная характеристика медресе, анализируются причины снижения качества религиозного образования в регионе.

Ключевые слова: ислам, медресе, мектебе, религиозное образование, медресе «Гали», медресе «Нур».

Gumerov Marsel M.

EDUANT International Educational Corporation

Antalya, Turkey

e-mail: marsello1812@gmail.com

Guseva Yulia N.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor

Independent researcher

Samara, Russia

e-mail: j.guseva@mail.ru

SECONDARY ISLAMIC EDUCATION IN THE SAMARA REGION (1991–2018)

Abstract. The article examines the history and current state of secondary Islamic education in the Samara region. A comparative characteristic of madrassas is given, the reasons for the decline in the quality of religious education in the region are analyzed.

Keywords: Islam, madrasah, mektebe, religious education, madrasah «Gali», madrasah «Nur».

Введение. Исламское образование в Самарском регионе претерпело ряд существенных изменений. Разветвленная система мусульманского просвещения в Самарской губернии сложилась еще в дореволюционный период, который в результате деятельности советской власти сменился регрессом. Постсоветский период оценивается историками как неоднозначный. С одной стороны, в эпоху перестройки возникли необходимые предпосылки для развития мусульманского образования, а с другой — мы не можем утверждать, что в настоящий момент исламское конфессиональное просвещение в полной мере решает поставленные перед ним государством задачи. Об этих задачах глава государства В. В. Путин говорил неоднократно. Так, в январе 2018 г. президент Российской Федерации в очередной раз обозначил важность развития отечественной исламской богословской школы для подготовки новых кадров, которые сменят сегодняшних муфтиев, для противодействия деструктивным идеям, которым часто подвержена молодежь [25].

На сегодняшний день в Самарской области не сложилась система исламского образования, которая бы предусматривала наличие нескольких уровней подготовки, наблюдается сокращение числа абитуриентов в медресе области, в заинтересованной среде обсуждаются вопросы о реформировании мусульманского обучения [29]. Эти и многие другие проблемы в сфере исламского образования делают данную работу актуальной, полезной при анализе задач, связанных с перспективами развития мусульманского образования не только на региональном, но и на общероссийском уровне.

Безусловно, в рамках статьи невозможно будет описать всю специфику современного исламского образования в Самарской области. Так, в некоторых субъектах РФ исламское образование представлено несколькими уровнями, а в Самарской области имеется только один уровень. Все учебные заведения в регионе находятся в ведении Регионального духовного управления мусульман Самарской области в составе Уфимского ЦДУМ (далее — РДУМ СО). Мы попытаемся показать предысторию и привести краткое описание мусульманских образовательных организаций региона, рассмотреть их общие и особенные черты, а также сравнить исламские учебные заведения области с подобными учреждениями других субъектов РФ.

Историографической основой данной статьи являются, прежде всего, исследования Ю. Н. Гусевой [9–11]. В указанных работах автор затрагивает проблемы жизнедеятельности мусульманских общин Поволжья дореволюционного, советского и современного периодов, а также некоторые аспекты современного исламского образования в регионе. О последнем, в частности, можно узнать в работе «Ислам в Самарской области», где есть упоминание об изучаемых дисциплинах, которые были включены в программу действующих сегодня медресе Самарской области, сведения о руководителях организаций, количестве выпускников 1994 г. [9, с. 83–84] и т. д.

Краевед Ш. Х. Галимов, будучи редактором местной мусульманской газеты «Азан», в 2014 г. выпустил книгу, в которую вошли материалы из указанной

газеты, характеризующие общественную жизнь мусульманского населения Самарской области, в том числе работу местных медресе [2, с. 207, 233, 247, 271]. Схожие по содержанию данные приводятся в книге «Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки», написанной коллективом самарских краеведов: Ш. Х. Галимовым, Д. А. Сташенковым, А. Ф. Кочкиным и др. [31].

Большой вклад в изучение дореволюционного периода мусульманских приходов Самарской губернии внесла Э. М. Гибадуллина, которая затронула проблему противоборства между представителями кадимизма¹ и джадидизма², а также некоторых отличий между этими системами в части преподавания [8].

Заслуга в изучении различных аспектов современного российского исламского образования принадлежит известным казанским исследователям Л. С. Алмазовой, Р. Р. Шангараеву, Р. Сафиуллиной, которые рассматривают различные проблемы, связанные со средним профессиональным мусульманским образованием в Республике Татарстан, что важно для сравнительного анализа [4]. В одной из последних работ Л. С. Алмазовой имеются данные, содержащие актуальную информацию об эволюции среднего исламского образования [3].

Нельзя не отметить вклад иностранных специалистов в изучение вопросов религиозного образования в имперской России, которые помогают при анализе дореволюционной системы исламского обучения. В особенности можно отметить работы Агнес Кефели (A. Kefeli) [41], Хамида Алгара (H. Algar) [39], Эдварда Лаззерини (Ed. J. Lazzerini) [42], а также переведенный на русский язык труд Роберта Джераси (Robert Getaci) «Окно на Восток» [12]. Нельзя не упомянуть также работу Владимира Бобровникова, опубликованную на английском языке под названием «Islam in the Russian Empire» [40].

Практически во всех вышеупомянутых работах есть отдельные материалы для анализа истории, состояния и перспектив среднего профессионального исламского образования в Самарском крае. Однако проблемы современной системы отечественного образования зарубежными авторами не рассматриваются.

В процессе написания статьи были рассмотрены следующие источники: фонд 3219 Центрального государственного архива Самарской области (далее — ЦГАСО), делопроизводственная документация медресе «Гали» в Самаре и «Нур» в селе Алькино Похвистневского района Самарской области (уставы, учебные планы и программы медресе). В работе были использованы материалы газет («Самарская газета», «Волжская заря»), а также источники личного происхождения (материалы опроса мусульманского духовенства, ректоров и учащихся медресе Самарской области).

¹ Кадимизм — консервативное движение среди мусульман России конца XIX — начала XX в., сторонники которого защищали патриархальные устои жизни, вели активную борьбу против религиозного реформаторства — джадидизма — и придерживались схоластической системы в области образования и воспитания.

² Джадидизм — общественно-политическое движение за обновление исламской культуры, системы образования и общества среди российских мусульман Крыма, Поволжья и Урала, Кавказа и Средней Азии 1880–1920-х гг.

Современная система среднего исламского образования в Самарской области представляет собой сложное и неоднозначное явление, и для того чтобы сложить целостную картину, необходимо обратиться к истокам мусульманского обучения в Самарском крае.

Среднее мусульманское образование в Самарской губернии – Куйбышевской области. В первую очередь надо отметить, что до революции исламское образование в Самарской губернии представляло собой относительно широкую сеть учебных заведений разного уровня обучения, находящихся практически во всех уездах. Сведения о них имеются в работе Ю. Н. Гусевой «Ислам в Самарской области», где на основании архивных документов ЦГАСО автором составлена таблица «Мусульманские учебные заведения Самарской губернии (по состоянию на 1915 г.)». Согласно этим данным, в регионе на тот момент можно было получить религиозное образование в рамках двухуровневой системы — мектебе и медресе. Некоторые мектебе существовали еще с XVIII в. Одно из них находилось в селе Старая Тюгальбуга Самарского уезда и было основано в 1715 г. [9, с. 56]. Большая часть образовательных учреждений была основана в XIX – начале XX вв. Всего до революции 1917 г. в Самарской губернии действовало 107 мектебе и 27 медресе, из них два — в Самаре [9, с. 60]. Существовали также учебные заведения для девочек. Таковым, например, было мектебе в селе Филипповка Ставропольского уезда. В некоторых населенных пунктах было несколько учебных заведений. Одним из них являлось село Алькино, в котором действовали три медресе. Данную информацию подтверждает также бывший ректор медресе «Гали» Наиль Хабибуллович Курмаев, считая первым основателем одного из этих учебных заведений авлия (святого человека) по имени Мурат [20].

Во второй половине XIX в. особую популярность среди представителей мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе Российской империи получают идеи о реформировании системы исламского образования с целью совмещения богословских и светских дисциплин.

Отчасти это можно связать с идеологическими причинами. Истоки джадидизма мы можем встретить еще у зарубежных исламских ученых и мыслителей [7, с. 306]. Наиболее авторитетными модернистами XIX в., по мнению некоторых специалистов, считаются Джамалетдин Аль-Афгани и Мухаммад Абдо [7, с. 321]. Их идеи реализовывались на практике в Стамбуле, Сирии, Египте, Тунисе [7, с. 369]. Идеи джадидизма развивались и на территории Российского государства такими его представителями, как Ш. Марджани, Х. Фаизханов, И. Гаспринский, Г. Буби, Р. Фахретдинов и др. Практически все они выступали за возрождение иджтихада³, былого могущества ислама времен Арабского халифата, когда мусульмане развивали науку, а не «консервировали» ее [14, с. 233].

³ Иджтихад — применение мусульманским ученым-правоведом усилий, направленных на вынесение богословско-правового решения в каком-либо вопросе.

Возможность слияния науки и религии и дальнейшего прогресса они видели в обновлении образовательных программ и создании новых типов учебных заведений.

Сегодня в историографии джадидизм рассматривается с разных позиций и представляется крайне многогранным явлением. Джадидизм выходит за рамки реформирования системы образования и определяется как новый образ жизни самих мусульман. Здесь мы видим социально-экономическую причину реформирования исламского образования. Начало открытия новометодных школ совпадает с окончанием промышленного переворота в России. Народившаяся мусульманская буржуазия осознавала важность изучения светских наук для развития капиталистических отношений и всячески способствовала открытию джадидских школ, библиотек-читален и других учреждений, оказывая им финансовую помощь [27, с. 262].

Безусловно, нельзя недооценивать политические причины данного процесса. Реформирование было бы невозможно без согласия властей, которые проявили заинтересованность в модернизации культурной жизни тюркского населения на территории Российской империи [12, с. 175].

Переход к новому формату обучения имел ряд отличительных особенностей, главной из которых можно считать введение светских учебных дисциплин в образовательный процесс [9, с. 61]. Так, например, по образовательному проекту Исмаила Гаспринского в учебном плане медресе нового типа должны были быть включены такие предметы, как география, история, естественные науки, математика, педагогика, русский язык и юриспруденция. Данная программа разрушала старометодную схоластическую систему [40, с. 142], где светские предметы носили вспомогательный, а не основной характер. Исмаил Гаспринский и его последователи начали реализовывать свой проект в Бахчисарае в 1884 г.

Светские предметы стали вводиться в учебную программу новометодных медресе в Российской империи. Они открывались в первую очередь в крупных городах, где были все необходимые для этого условия: финансирование, кадры, компактно проживающее население, исповедующее ислам. В целом процесс перехода к джадидской системе обучения в сельской местности Волго-Уральского региона начинается с 90-х гг. XIX в. Так, например, одним из первых подобных учебных заведений стало медресе в деревне Иж-Буби Сарапульского уезда Вятской губернии в 1895 г. [3, с. 408]. Большой вклад в развитие джадидских практик внес также видный религиозный деятель Зайнулла Расулев, основавший в Троицке медресе «Расулия» — одно из ведущих новометодных исламских учебных заведений в мусульманском мире того времени [38, с. 112–133].

Подобные процессы мы наблюдаем и на Самарской земле. Согласно данным исследователей, первым джадидским медресе в Самарской губернии было Самарское городское медресе ахуна Ш. Минюшева, основанное в 1888 г. [6, с. 164].

Сложно проследить точную хронологию эволюции системы исламского образования на территории сельской местности, где условий для реформирования

было намного меньше. К тому же сельские жители отличались более консервативными взглядами, но при этом некоторыми исследователями отмечается, что даже в глубинке были имамы, заинтересованные новыми подходами, выходящими за рамки сугубо религиозного обучения [1, с. 48]. Однако большинство представителей духовенства сельской местности придерживалось консервативных взглядов на систему мусульманского обучения. Неслучайно новометодные школы в первую очередь открывались в местах рождения сторонников реформ, там, где сами реформаторы нашли бы опору в деле обновления системы образования.

Справедливости ради следует отметить, что даже Х. Фаизханову⁴ пришлось столкнуться с неприятием реформ в период зарождения джадидской системы образования [15, с. 61], когда народ еще был не готов принять его идеи.

В сельской местности переход на новометодную систему был реализован лишь в начале XX в. Как свидетельствуют архивные материалы, в Самарской губернии, как и в иных местностях Волго-Урала, представители старометодной школы боролись за свои идеи и по большому счету не сдавали свои позиции. Сам процесс распространения новометодных школ в губернии протекал медленно. Некоторым кадимистам казалось, что продолжается процесс христианизации, так как до этого миссионеры использовали схожие элементы обучения: фонетическое чтение, обучение на родном языке и т. п. [41, с. 181]. Во многом это объясняется финансовыми сложностями и дефицитом необходимой учебно-методической литературы [8, с. 111], хозяйственно-культурной замкнутостью махаллей [9, с. 165] и сильными позициями кадимистов [8, с. 112], особенно в конце XIX – начале XX в. К 1898 г. на территории Самарской губернии имелось 28 джадидских начальных школ [8, с. 111], что составляло около 10 % от общего количества мусульманских учебных заведений. Однако количество новометодных школ постепенно росло, и к 1912 г. из 321 мусульманских учебных заведений губернии джадидская система практиковалась уже в 34 мектебе (10,5 %) и в трех медресе (0,9 %) [8, с. 112].

Таким образом, исходя из имеющихся сведений, можем однозначно утверждать, что в имперский период в Самарской губернии существовала разветвленная и не унифицированная система начального и среднего исламского образования: были традиционные (их было большинство) и реформированные (меньшинство) учебные заведения.

С приходом к власти большевиков и принятием Декрета об отделении церкви от государства и школы от церкви (далее — декрет) в январе 1918 г. государственно-исламские отношения вступают в фазу конфликта. Безусловно, это не могло не отразиться на системе мусульманского образования: мектебе и медресе в Куйбышевской области прекратили свое существование.

⁴ Хусаин Фаизханов (1823–1866) — уроженец татарского села Сафаджай (ныне Красная Горка Пильнинского района Нижегородской области), специалист в области тюркологии, лингвист, историк, каллиграф, просветитель. Является автором одного из проектов образовательной реформы, созданных ученым для реализации в среде татар-мусульман.

Самым актуальным механизмом передачи мусульманских знаний оставалось семейное воспитание. Сохранялась также устная традиция, хранителями которой были лица, успевшие получить дореволюционное религиозное образование. Определенную деятельность в этом направлении вели как официальные, так и неофициальные муллы, проповедовавшие в мечетях региона. В 50–60-х гг. XX в. активной стала работа ишанов, которые делились знаниями в области религии и проводили определенные обряды [11, с. 110]. До 1967 г., пока в Куйбышеве не была открыта мечеть, для сохранения и распространения исламских канонов и традиций сборы верующих проводили только в частных квартирах [38].

Среднее звено исламского образования: современное состояние. В настоящий момент исламское образование в Самарском крае представлено двумя учебными заведениями среднего звена: медресе «Гали», расположенном в селе Алькино Похвистневского района Самарской области и начавшем свою деятельность с 1992 г. [13; 20; 23], и медресе «Нур», расположенном в Самаре и действующем с 2003 г. [5; 17; 18; 21; 26].

Прежде всего проанализируем черты сходства и различия этих образовательных организаций по следующим критериям: географическое положение, учебный график шакирдов (студентов) медресе, изучаемые дисциплины, архитектура, педагогический состав.

Исследователь не может не обратить внимания на место расположения названных учебных заведений. Медресе «Нур» находится в городе, тогда как «Гали» — в сельской местности. И эта особенность сильно отражается на образе жизни шакирдов, на организации учебного процесса и т. д. Так, например, студенты медресе «Гали» начинают свое обучение в первую смену, а студенты медресе «Нур» — во вторую, так как многие из них совмещают обучение в среднеспециальных и высших учебных заведениях. Первый ректор этих медресе Г. Ф. Мингачев считает, что обучение шакирдов должно быть сконцентрировано в одном месте и процесс передачи религиозных знаний эффективнее происходит именно в сельской местности [23].

Перечень преподаваемых дисциплин и их количество можно сравнить с помощью таблицы, составленной на основе учебных программ медресе Самарской области.

Таблица

Учебные дисциплины медресе «Нур» и «Гали»

Учебные дисциплины	Медресе «Нур»	Медресе «Гали»
1. Арабский язык — лексикология	+	+
2. Морфология арабского языка — Сарф	+	+
3. Основы религиозного вероучения — Акаид	+	+
4. Основы исламского права — Муамалят	+	+

Учебные дисциплины	Медресе «Нур»	Медресе «Гали»
5. Основы проповеди — Хутба	+	+
6. Исламская нравственность — Ахляк	+	+
7. Правила чтения Корана — Таджвид	+	+
8. Чтение Корана — Кыраат	+	+
9. Основы поклонения — Гибадат	+	+
10. Изречения Мухаммада — Хадис	+	+
11. История пророка Мухаммада — Сира	+	+
12. История религий — Тарих	+	–
13. История пророков	–	+
14. Татарский язык на основе арабской графики	+	–
15. Синтаксис арабского языка — Наху	+	–
16. Каллиграфия	+	–
17. История татарского народа	+	–

Составлено по учебным планам медресе «Нур» и «Гали» [35; 36].

Как видно из таблицы, большинство преподаваемых дисциплин одинаковы, однако в медресе «Нур» в образовании делается акцент также и на национальном компоненте.

Педагогический состав учебных организаций также имеет свои особенности. В медресе «Гали» работали иностранные преподаватели из Узбекистана и Турции [9, с. 84; 20; 23; 31, с. 374]. В медресе «Нур» трудятся отечественные специалисты, но некоторые из них имеют зарубежное исламское образование. Так, например, в Египте обучался один из организаторов многих религиозных праздников области [2, с. 271], действующий ректор медресе «Нур» Али Зякяриевич Сулейманов [21], в Турции — имам Соборной мечети в Самаре Иршат Халилович Сафин [18] и Иршат Идеатуллович Гирфанов [23]. Многие исламские религиозные деятели Самарской области выбирают Турцию в качестве страны, где они получают образование. И это неслучайно. Некоторые из них учились в медресе «Гали» в период работы там преподавателей-турок. Турция проводила и проводит политику привлечения иностранных студентов для обучения внутри страны. Доминирующим мазхабом⁵ в Турецкой Республике является ханафитский, который разделяют большинство татар региона.

В 2018 г. в количественном отношении действующих преподавателей было больше в медресе «Нур», чем в «Гали» (пять и два соответственно). Будучи ректором, А. З. Сулейманов преподает арабский язык и хадисы [21], а руководитель медресе «Гали»⁶ Н. Х. Курмаев одновременно был имамом-мухтасибом в одной из мечетей села Алькино [20].

Сходство учебных заведений связано с централизованным управлением на областном уровне в лице РДУМ СО, которое является согласно уставам

⁵ Мазхаб — религиозно-правовая школа.

⁶ На момент 2021 г. ректором медресе «Гали» являлся Минтагир Сагирович Сиразов.

организаций и учредителем, и высшим руководящим органом медресе «Нур» и «Гали» со всеми вытекающими из этого полномочиями юридического лица.

Кроме того, согласно содержанию нормативных и иных документов, можно наблюдать широкий спектр инструментов влияния на работу медресе со стороны Центрального духовного управления мусульман (далее — ЦДУМ) России, что не является удивительным, так как РДУМ СО находится в его составе. Так, например, в части 1.9 в уставах медресе Самарской области указывается, что решения и постановления ЦДУМ России являются одними из юридических источников, равно как и нормы Корана, сунны пророка Мухаммада, шариата в рамках мазхаба Абу Ханифы⁷ и самих решений и постановлений РДУМ СО [32; 34]. Это положение устава считаем правомерным, так как в рамках решения проблем внутри медресе священные тексты будут иметь юридическую силу: именно они определяют основные положения их деятельности. В части 2.3 устава отмечается возможность издания РДУМ СО учебной и методической литературы для исламских духовных школ региона только при наличии положительной резолюции ЦДУМ России [32; 34]. Особенно важным является тот факт, что на основании части 3.3 председателем ЦДУМ России утверждается решение о прекращении деятельности медресе путем реорганизации или ликвидации. Из части 4.7 также следует, что педагогический состав медресе разрабатывает и представляет на утверждение ректору учебные программы и планы на основании примерных образовательных программ, утвержденных Российским исламским университетом ЦДУМ России (далее — РИУ ЦДУМ), который находится в Уфе. Данная статья подразумевает определенную зависимость и от конкретной учебной организации. В соответствии с частью 6.9 выпускники медресе могут быть рекомендованы педагогическим советом для поступления не в любое высшее исламское учебное заведение России, а только в РИУ ЦДУМ [32; 34].

Общими являются цели, задачи и виды деятельности медресе, источники финансирования, функции, основной состав и сроки исполнения должностных обязанностей работниками исполнительно-распорядительных органов медресе, система оценивания, формы промежуточной аттестации: зачет, экзамен, отчет по итогам обучения в период, предшествующий зачету или экзамену [32; 34].

Обучение в медресе производится согласно установкам религиозно-правовой школы имама Абу Ханифы на арабском, русском и татарском языках по двухлетней программе с присвоением квалификации «имам» [20]. При поступлении в оба учебных заведения требуются идентичные документы; основания для приема и отчисления студентов тоже являются сходными. Так, например, для поступления требуются заявление на имя ректора медресе, паспорт (документ удостоверяющий личность) или свидетельство о рождении,

⁷ Абу Ханифа ан-Нуман ибн Сабит аль-Куфи — один из крупнейших исламских ученых VIII в., который основал свою религиозно-правовую школу «Ханафи», концепты которой разделяют большинство мусульман Волго-Уральского региона.

документ государственного образца об образовании, медицинская справка установленной формы. После подачи необходимых документов проводится собеседование с участием абитуриента и педагогического совета медресе. Среди оснований, достаточных для отчисления, устав обоих медресе предусматривает следующие пункты: в связи с расторжением договора на обучение, в том числе связанным с нарушением условий договора, за невыполнение учебного плана или получение неудовлетворительной оценки на итоговой аттестации, неуспеваемость, за нарушение учебной дисциплины, морально-этических норм ислама, грубое и (или) неоднократное нарушение устава и правил внутреннего распорядка медресе, в связи с невыходом из академического отпуска, в случае принятия в отношении абитуриента мер прокурорского реагирования, в связи с обоснованными подозрениями в причастности к экстремистской деятельности и иным преступлениям [32; 34]. Как мы можем видеть, в соответствии с уставом основной причиной отчисления служат именно проступки и преступления.

Студенты находятся на содержании учебного заведения с постоянным проживанием и трехразовым питанием. В обоих медресе предусматривается наличие определенной стипендиальной поддержки отличившимся в учебе шакирдам [20]. Большинство из них поступают, получив среднее неполное/полное образование, и поэтому средний возраст будет одинаков для студентов обоих медресе — 19–20 лет.

Для обоих медресе характерно наличие относительно большего количества шакирдов в начальный период их деятельности (40–50 человек по сравнению с современным — 10). Наблюдается тенденция к сокращению количества шакирдов в медресе. Так, например, в 2017/2018 учебном году в медресе «Нур» и «Гали» обучалось по 10 студентов [20]. Эта же проблема характерна и для других регионов России [37]. Хотя многими отмечается, что с возрождением ислама в конце 1980 – начале 1990-х гг. наблюдался огромный интерес к религиозному образованию со стороны верующей части населения [18; 19; 22]. И в течение нескольких лет в стенах медресе «Гали» обучалось около 50 человек, по 25 человек на каждом курсе [23]. Кроме того, в «Гали» обучались шакирды не только из Самарской, но и из Саратовской, Свердловской, Астраханской, Челябинской, Оренбургской, Пензенской, Ульяновской областей, Красноярского края. В начальный период существования медресе «Нур» планировалось набрать 40 шакирдов и с учетом реализации двухлетнего обучения можно было рассчитывать на 80 шакирдов в учебном заведении [5].

Такое количественное сокращение числа шакирдов можно объяснить следующим образом. Открытие медресе в других регионах России и в самой Самаре в 2003 г. обусловили естественный отток абитуриентов из «Гали»: многим студентам было удобнее обучаться ближе к своей малой родине. Лишь в ряде случаев, как это было с одним из выпускников «Гали» 2018 г. — Б. Т. Зайнетдиновым, уроженцем Республики Башкортостан, — приезжают

обучаться из других субъектов РФ по совету тех людей, которые сами учились или непосредственно работали там [20].

По нашему мнению, если на момент открытия медресе «Гали» Интернет не был массовым средством для получения информации, то сегодня для тех людей, кто стремится получить религиозные знания, не связывая свою жизнь с богословской профессией, есть достаточно много официально разрешенных интернет-ресурсов, как, например, онлайн-медресе «Дом мудрости», открытое в 2013 г. [3, с. 61]. Кроме того, некоторые родители сами дают необходимый минимум религиозных знаний своим детям, которые удовлетворяют потребности в постижении духовных канонов [19], с одной стороны, а с другой — существуют опасения родственников относительно вероятности проявления у их близких экстремистских наклонностей из-за активизации исламистских политических проектов и движений.

Широко распространено мнение о том, что профессия служителя религиозного культа является малоперспективной. Зарплаты работников такого рода организаций минимальные, соответствующие МРОТ по Самарской области [20]. У некоторых студентов нет четкого понимания роли духовенства в современном обществе, интереса к этому роду деятельности и мотивации, и в результате значительная доля шакирдов не заканчивает учебное заведение. Так, например, по данным Р. Р. Шангараева и Л. С. Алмазовой в медресе им. Марьям Султановой в Уфе на первом курсе в 2007 г. обучалось 27 студентов, а на последнем не было ни одного. В среднем не более 10–15 % от общего числа выпускников становятся священнослужителями [4: с. 38]. Как отмечают специалисты, даже при аттестации преподавателей примечетских курсов, организованной Духовным управлением мусульман Республики Татарстан (далее — ДУМ РТ), участники опроса сами затрудняются назвать мусульманских богословов нашего времени [28: с. 84]. Таким образом, сегодня в российской умме нет единого понимания того, кого можно назвать современным богословом и теологом.

Помимо выполнения своей основной функции в медресе «Нур» и «Гали» проводят курсы повышения квалификации для имамов Самарской области, вечерние курсы для местных жителей разных возрастов и детские летние лагеря [21]. Все эти дополнительные образовательные программы позволяют расширить категории лиц, являющихся объектом образовательной деятельности учебных организаций.

Медресе «Мухаммадия» находится в Казани, недалеко от границы с Самарской областью. По своей структуре учебное заведение имеет больше сходства с медресе соседнего региона, несмотря на то что по уставам организаций «Мухаммадия» находится в ведении независимой ДУМ РТ, а «Нур» и «Гали» — РДУМ СО при ЦДУМ России.

Главные отличия касаются образовательного процесса. В уставе медресе «Мухаммадия» 2013 г. в части 3.1 говорится о том, что абитуриенты поступают

в учебное заведение по результатам вступительных экзаменов, тестирования или собеседования дисциплин [33], а в Самарской области поступающие после сдачи необходимых документов сразу направляются на собеседование. Наличие вступительных экзаменов в образовательной организации, безусловно, говорит о конкуренции среди абитуриентов, повышает престижность обучения в нем.

Образовательные программы разрабатываются медресе «Мухаммадия» самостоятельно и утверждаются ДУМ РТ [33], а в медресе Самарской области учебные программы и планы создаются на основании примерных образовательных программ РИУ ЦДУМ.

В медресе «Гали» и «Нур» Самарской области больше богословских дисциплин. Из светских предметов — только «История татарского народа», хотя руководителями медресе выдвигаются идеи о введении большего числа светских дисциплин [29]. К сожалению, следует констатировать, что, по состоянию на 2021 г., медресе «Гали» фактически не работает. На основании распоряжения приказа № 48-л Рособрнадзора от 19 апреля 2021 г. образовательная лицензия имеет статус недействующей [30]. В 2020/2021 учебном году в медресе «Гали» обучалось всего пять шакирдов, четверо из которых стали выпускниками. При наличии только одного шакирда и двух преподавателей учебное заведение не может соответствовать критериям, необходимым для получения образовательной лицензии. В настоящее время занятия проводятся при мечети и только в форме вечерних курсов.

Заключение. Существовавшая в Самарской губернии на рубеже XIX–XX вв. разветвленная система начального и среднего исламского образования претерпела серьезную трансформацию: в образовательный процесс постепенно стали внедряться элементы и подходы джадидизма. В современных средних профессиональных исламских заведениях Самарской области сохранились элементы джадидской традиции — наличие блока светских дисциплин, классно-урочная система и т. д.

Медресе «Гали» в селе Алькино Похвистневского района стало первым в Самарской области исламским учебным заведением средне-профессионального учебного звена по подготовке служителей религиозного культа, начавшего прием абитуриентов с 1992 г. В Самаре же первой и единственной духовной образовательной организацией для мусульман на данный момент является медресе «Нур», которое действует с 2003 г.

В настоящее время в медресе «Нур» наблюдается сокращение числа абитуриентов. Значительное число выпускников школ не поступают в исламские вузы и не стремятся быть имамами в мечетях, что свидетельствует о ряде проблем. Во-первых, это говорит о низкой эффективности работы учебных заведений, причинами которой являются отсутствие престижа такого рода деятельности и снижение мотивации у абитуриентов. Не последнюю роль играет

сравнительно низкий уровень оплаты труда исламского духовенства. Подобные проблемы характерны не только для Самарской области, но и для многих субъектов России, что подтверждается заключениями современных исследователей данного вопроса.

Надо признать, что сегодня российская система среднего исламского образования переживает сложные времена. При существующих проблемах — низкий престиж работы в исламских учреждениях, их сложное финансовое положение и, как следствие, нехватка учителей и обучающихся — исламские средние учебные заведения поставленную перед ними задачу омоложения кадров и воспитания их в пророссийском, прогосударственном духе выполнить, очевидно, не смогут.

Список источников

1. Абулханов Н. Б., Набиев Р. А. Формирование представлений о культурной модернизации тюрко-татарского общества во второй половине XIX – начале XX вв.: вклад идеологов джадидизма // Вестник КАЗГУКИ. 2017. № 4. С. 47–50.
2. «Азан» уполномочен заявить: семнадцать лет из жизни одной газеты / под ред. Ш. Х. Галимова. Самара: Медиа-Книга, 2014. 315 с.
3. Алмазова Л. С. Эволюция российского исламского образования в эпоху постсекуляризма (1990–2020) // Вестник российской нации. 2020. № 6 (76). С. 40–81.
4. Алмазова Л. С., Шангараев Р. Р. Анализ состояния и перспективы развития среднего профессионального мусульманского образования в Республике Татарстан // Мусульманское образование в Татарстане: история, современное состояние и инновационные процессы. Казань: Иман, 2012. С. 33–75.
5. Волжская заря. 2003. 20 марта. № 29 (9575).
6. Галимов Ш. Х. Прошлое как вера в будущее. К 120-летию Самарской Исторической мечети (1891–2011 гг.). Самара: Книга, 2012. 216 с.
7. Гафаров А. А. Российские мусульмане в контексте общеисламской модернизации (XIX – начало XX вв.). Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2014. 564 с.
8. Гибадуллина Э. М. Мусульманские приходы в Самарской губернии во второй половине XIX – начале XX вв. / Фонд им. имама Абу-Ханифы, Ин-т истории им. Ш. Марджани АН РТ, Нижегородский исламский ин-т им. Х. Фаизханова. Н. Новгород: Медина, 2008. 249 с.
9. Гусева Ю. Н. Ислам в Самарской области. М.: Логос, 2007. 112 с.
10. Гусева Ю. Н. Исламская традиция на самарской земле в XVII – начале XX вв. // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. 2016. Т. 18. № 3. С. 161–169.
11. Гусева Ю. Н. Ишанизм как суфийская традиция Средней Волги в XX веке: формы, смыслы, значение: монография / под ред. О. Н. Сенюткиной; под общ. ред. Д. В. Мухетдинова. М.: Медина, 2013. 218 с.
12. Джераси Р. Окно на Восток: Империя, ориентализм, нация и религия в России / авторизов. пер. с англ. В. Гончарова. М.: Новое литературное обозрение, 2013. 548 с.
13. История «Медресе Гали» [Электронный ресурс] // Медресе «Гали»: официальный сайт. URL: <http://medrese-gali.ru/история-медресе/> (дата обращения: 26.03.2021).

14. История мусульманской мысли в Волго-Уральском регионе: учебное пособие / науч. ред.: Л. И. Алмазова, Г. Г. Идиятуллина, А. Г. Хайрутдинов. Казань.: Изд-во Казанского ун-та, 2015. 373 с.

15. Костенюк Н. В. Идеи реформирования мусульманского образования Хусаина Фаизханова как знак времени // Вестник Волгоградского государственного ун-та. Сер. 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2016. № 1 (37). С. 58–64.

16. «Медресе «Гали» (с. Алькино, Самарская область)» [Электронный ресурс] // Региональное духовное управление мусульман Челябинской области: официальный сайт. URL: http://rdum.info/religious-education/spiritual-education/2-education_5.html (дата обращения: 26.03.2021).

17. Медресе «Нур» [Электронный ресурс] // Медресе «Нур»: официальный сайт. URL: <http://www.islamsamara.ru/main/medrese-nur/istoriya> (дата обращения: 26.03.2021).

18. ПМА 1 — Полевые материалы автора М. М. Гумерова: экспедиция в г. Самара, Самарская обл. 9 июня 2018 г. (информант: Т. В. Яруллин — председатель Регионального духовного управления мусульман Самарской области с 2012 г.).

19. ПМА 2 — Полевые материалы автора М. М. Гумерова: экспедиция в г. Тольятти Самарской обл. 11 июня 2018 г. (информант: И. М. Гумеров — имам-мухтасиб Тольяттинской соборной мечети с 2000 г.).

20. ПМА 3 — Полевые материалы автора М. М. Гумерова: экспедиция в село Алькино Похвистневского района Самарской обл. 12 июня 2018 г. (информанты: Н. Х. Курмаев — ректор медресе «Гали» с 2014 г.; Б. Т. Зайнетдинов — выпускник медресе «Гали» 2018 г.).

21. ПМА 4 — Полевые материалы автора М. М. Гумерова: экспедиция в г. Самара, Самарская обл. 13 июня 2018 г. (информант: А. З. Сулейманов — ректор медресе «Нур» с 2010 г.).

22. ПМА 5 — Полевые материалы автора М. М. Гумерова: экспедиция в г. Самара, Самарская обл. 14 июня 2018 г. (информант: Н. Д. Биктаев — выпускник медресе «Гали» 1995 г., имам-хатыб Самарской исторической мечети).

23. ПМА 6 — Полевые материалы автора М. М. Гумерова: экспедиция в г. Самара, Самарская обл. 20 июня 2018 г. (информанты: Г. Ф. Мингачев — ректор медресе «Гали» в 1992–1994 гг.; И. И. Гирфанов — выпускник медресе «Гали» 1994 г.).

24. Программа частной духовной образовательной религиозной организации профессионального исламского религиозного образования «Медресе Гали» Регионального духовного управления мусульман Самарской области при Центральном духовном управлении мусульман РФ (Архив автора М. М. Гумерова).

25. Путин отметил важность развития российской исламской богословской школы [Электронный ресурс] // ТАСС: официальный сайт российского информационного агентства. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4900658> (дата обращения: 09.05.2021).

26. Самарская газета. 2003. 18 марта. № 48 (2499).

27. Саматова Ч. Х. Мусульманская община и традиционная школа татар в Среднем Поволжье в конце XIX – начале XX вв. // Татарские мусульманские приходы в Российской империи: материалы Всероссийской научно-практической конференции (27–28 сентября 2005 г., г. Казань). Казань: Институт истории АН РТ, 2006. С. 261–265.

28. Сафиуллина Р. Задача воссоздания отечественной богословской школы и роль государства в религиозной жизни мусульман Татарстана // Религии и радикализм

в постсекулярном мире / под ред. Е. И. Филипповой и Ж. Радвани. М.: ИЭА РАН; Горячая линия – Телеком, 2017. С. 81–90.

29. «Сегодня в системе исламского образования больше пробелов, нежели ясностей» [Электронный ресурс] // Всемирный конгресс татар: официальный сайт. URL: <https://tatar-congress.org/ru/blog/segodnya-v-sisteme-islamskogo-obrazovaniya-bolshe-probelov-nezheli-yasnostey/> (дата обращения: 26.03.2021).

30. Статус медресе «Гали» по состоянию на 03.08.2021 г. [Электронный ресурс] // Федеральная служба по надзору в сфере образования и науки: официальный сайт. URL: <http://isga.obrnadzor.gov.ru/rlic/details/53c0d595-5e77-421a-a8d1-540a8493ace2/> (дата обращения: 03.08.2021).

31. Татары Самарского края: историко-этнографические и социально-экономические очерки. Самара: Книжное издательство, 2017. 616 с.

32. Устав МРО ПИРО «Медресе Нур (Свет)» города Самары (Архив автора М. М. Гумерова).

33. Устав МРО ПОО КМ «Мухаммадия» ЦРО — ДУМ РТ [Электронный ресурс] // Медресе «Мухаммадия»: официальный сайт. URL: <https://mohammadiya.tatar/documentlar/kagyidalar/kagyidalar.pdf> (дата обращения: 26.03.2021).

34. Устав ЧД ОРО ПИРО «Медресе Гали» (Архив автора М. М. Гумерова).

35. Учебный план МРО УСПРО «Медресе Нур» города Самары на 2009/2010 учебный год (Архив автора М. М. Гумерова).

36. Учебный план частной духовной образовательной религиозной организации профессионального исламского религиозного образования «Медресе Гали» (Архив автора М. М. Гумерова).

37. Хабибуллина З. Р. Становление исламского образования в постсоветском Башкортостане: основные этапы, концепции, результаты. // Ислам в современном мире: внутригосударственный и международно-политический аспекты. 2018. Т. 14. № 3. С. 217–233. DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-3-217-232

38. Центральный государственный архив Самарской области (ЦГАСО). Ф. Р3219. Оп. 1. Д. 5. Л. 59.

39. Algar H. Shaykh Zaynulla Rasulev: The last great naqshbandi shaykh of the Volga-Urals region // Muslims in Central Asia: expressions of identity and change. Durham and London: Duke University Press, 1992. P. 112–133.

40. Bobrovnikov V. Islam in the Russian Empire. Vol. II. The Cambridge history of Russia. Cambridge: Cambridge university press, 2006. P. 202–224.

41. Kefeli A. Becoming Muslim in imperial Russia: Conversion, apostasy, and literacy. Ithaca: Cornell univ. press, 2014. XXII. 290 p.

42. Lazzarini Ed. J. Rethinking the advent of jadidism // Казанское исламоведение. Kazan Islamic Review. 2015. № 1. С. 132–148.

References

1. Abulhanov N. B., Nabiev R. A. Formirovanie predstavlenij o kul'turnoj modernizacii tjurko-tatarskogo obshhestva vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.: vklad ideologov dzhadidizma [Formation of ideas about the cultural modernization of the Turkic-Tatar society in the second half of the XIX – early XX centuries: the contribution of the ideologists of Jadidism] // Vestnik KAZGUKI. 2017. № 4. S. 47–50. (In Russ.).

2. «Azan» upolnomochen zavjavit': semnadcat' let iz zhizni odnoj gazety [«Azan» is authorized to declare] / pod red. Sh. H. Galimova. Samara: Media-Kniga, 2014. 315 s. (In Russ.).

3. Almazova L. S. Jevoljucija rossijskogo islamskogo obrazovanija v jepohu post-sekuljarizma (1990–2020) [The evolution of Russian Islamic education in the era of post-secularism (1990–2020)] // Vestnik rossijskoj nacii. 2020. № 6 (76). S. 40–81. (In Russ.).
4. Almazova L. S., Shangaraev R. R. Analiz sostojanija i perspektivy razvitija srednego professional'nogo musul'manskogo obrazovanija v Respublike Tatarstan [Analysis of the state and prospects of development of secondary professional Muslim education in the Republic of Tatarstan] // Musul'manskoe obrazovanie v Tatarstane: istorija, sovremennoe sostojanie i innovacionnye processy. Kazan': Iman, 2012. S. 33–75. (In Russ.).
5. Volzhskaja zarja. 2003. 20 marta. № 29 (9575). (In Russ.).
6. Galimov Sh. H. Proshloe kak vera v budushhee. K 120-letiju Samarskoj Istoricheskoj mecheti (1891–2011 gg.) [The past is like a belief in the future. To the 120th anniversary of the Samara Historical Mosque (1891–2011)]. Samara: Kniga, 2012. 216 s. (In Russ.).
7. Gafarov A. A. Rossijskie musul'mane v kontekste obshheislamskoj modernizacii (XIX – nachalo XX vv.) [Russian Muslims in the context of general Islamic modernization (XIX – early XX centuries)]. Kazan': Izd-vo Kazan. un-ta, 2014. 564 s. (In Russ.).
8. Gibadullina Je. M. Musul'manskije prihody v Samarskoj gubernii vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv. [Muslim parishes of the Samara province at the end of the XIX – beginning of the XX centuries] / Fond im. imama Abu-Hanify, In-t istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Nizhegorodskij islamskij in-t im. H. Faizhanova. N. Novgorod: Medina, 2008. 249 s. (In Russ.).
9. Guseva Ju. N. Islam v Samarskoj oblasti [Islam in the Samara region]. M.: Logos, 2007. 112 s. (In Russ.).
10. Guseva Ju. N. Islamskaja tradicija na samarskoj zemle v XVII – nachale XX vv. [The Islamic tradition on the Samara land in the XVII – beginning of the XX century] // Izvestija Samarskogo nauchnogo centra Rossijskoj akademii nauk. 2016. T. 18. № 3. S. 161–169. (In Russ.).
11. Guseva Ju. N. Ishanizm kak sufijskaja tradicija Srednej Volgi v XX veke: formy, smysly, znachenie: monografija [Ishanism as a Sufi tradition of the Middle Volga Region in the XX century: forms, meanings, meaning] / pod red. O. N. Senjutkinoj; pod obshh. red. D. V. Muhetdinova. M.: Medina, 2013. 218 s. (In Russ.).
12. Dzherasi R. Okno na Vostok: Imperija, orientalizm, nacija i religija v Rossii [Window to the East: Empire, Orientalism, Nation and religion in Russia] / avtorizov. per. s angl. V. Goncharova. M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2013. 548 s. (In Russ.).
13. Istorija «Medrese Gali» [Elektronnyj resurs] // Medrese «Gali»: oficial'nyj sajt. URL: <http://medrese-gali.ru/istorija-medrese/> (data obrashhenija: 26.03.2021). (In Russ.).
14. Istorija musul'manskoj mysli v Volgo-Ural'skom regione: uchebnoe posobie [The history of Muslim thought in the Volga-Ural region: a textbook] / nauch. red.: L. I. Almazova, G. G. Idijatullina, A. G. Hajrutdinov. Kazan': Izd-vo Kazanskogo un-ta, 2015. 373 s. (In Russ.).
15. Kostenjuk N. V. Idei reformirovanija musul'manskogo obrazovanija Husaina Faizhanova kak znak vremeni [Khusain Faizkhanov's ideas of reforming Muslim education as a sign of the times] // Vestnik Volgogradskogo gosudarstvennogo un-ta. Ser. 4: Istorija. Regionovedenie. Mezhdunarodnye otnoshenija. 2016. № 1 (37). S. 58–64. (In Russ.).
16. «Medrese «Gali» (s. Al'kino, Samarskaja oblast')» [Elektronnyj resurs] // Regional'noe duhovnoe upravlenie musul'man Cheljabinskoj oblasti: oficial'nyj sajt. URL: http://rdum.info/religious-education/spiritual-education/2-education_5.html (data obrashhenija: 26.03.2021). (In Russ.).

17. Medrese «Nur» [Jelektronnyj resurs] // Medrese «Nur»: oficial'nyj sajt. URL: <http://www.islamsamara.ru/main/medrese-nur/istoriya> (data obrashhenija: 26.03.2021). (In Russ.).
18. PMA 1 — Polevye materialy avtora M. M. Gumerova: jekspedicija v g. Samara, Samarskaja obl. 9 ijunja 2018 g. (informant: T. V. Jarullin — predsedatel' Regional'nogo duhovnogo upravljenja musul'man Samarskoj oblasti s 2012 g.). (In Russ.).
19. PMA 2 — Polevye materialy avtora M. M. Gumerova: jekspedicija v g. Tol'jatti Samarskoj obl. 11 ijunja 2018 g. (informant: I. M. Gumerov — imam-muhtasib Tol'jattinskoj sobornoj mecheti s 2000 g.). (In Russ.).
20. PMA 3 — Polevye materialy avtora M. M. Gumerova: jekspedicija v selo Al'kino Pohvistnevskogo rajona Samarskoj obl. 12 ijunja 2018 g. (informanty: N. H. Kurmaev — rektor medrese «Gali» s 2014 g.; B. T. Zajnetdinov — vypuschnik medrese «Gali» 2018 g.). (In Russ.).
21. PMA 4 — Polevye materialy avtora M. M. Gumerova: jekspedicija v g. Samara, Samarskaja obl. 13 ijunja 2018 g. (informant: A. Z. Sulejmanov — rektor medrese «Nur» s 2010 g.). (In Russ.).
22. PMA 5 — Polevye materialy avtora M. M. Gumerova: jekspedicija v g. Samara, Samarskaja obl. 14 ijunja 2018 g. (informant: N. D. Biktaev — vypuschnik medrese «Gali» 1995 g., imam-hatyb Samarskoj istoricheskoj mecheti). (In Russ.).
23. PMA 6 — Polevye materialy avtora M. M. Gumerova: jekspedicija v g. Samara, Samarskaja obl. 20 ijunja 2018 g. (informanty: G. F. Mingachev — rektor medrese «Gali» v 1992–1994 gg.; I. I. Girfanov — vypuschnik medrese «Gali» 1994 g.). (In Russ.).
24. Programma chastnoj duhovnoj obrazovatel'noj religioznoj organizacii profesional'nogo islamskogo religioznogo obrazovanija «Medrese Gali» Regional'nogo duhovnogo upravljenja musul'man Samarskoj oblasti pri Central'nom duhovnom upravlenii musul'man RF (Arhiv avtora M. M. Gumerova). (In Russ.).
25. Putin otmetil vazhnost' razvitija rossijskoj islamskoj bogoslovskoj shkoly [Jelektronnyj resurs] // TASS: oficial'nyj sajt rossijskogo informacionnogo agentstva. URL: <https://tass.ru/obschestvo/4900658> (data obrashhenija: 09.05.2021). (In Russ.).
26. Samarskaja gazeta. 2003. 18 marta. № 48 (2499). (In Russ.).
27. Samatova Ch. H. Musul'manskaja obshhina i tradicionnaja shkola tatar v Srednem Povolzh'e v konce XIX – nachale XX vv. [The Muslim community and the traditional school of the Tatars in the Middle Volga region in the late XIX – early XX centuries] // Tatarskie musul'manskije prihody v Rossijskoj imperii: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoj konferencii (27–28 sentjabrja 2005 g., g. Kazan'). Kazan': Institut istorii AN RT, 2006. S. 261–265. (In Russ.).
28. Safiullina R. Zadacha vossozdanija otechestvennoj bogoslovskoj shkoly i rol' gosudarstva v religioznoj zhizni musul'man Tatarstana [The task of recreating the national theological school and the role of the state in the religious life of Muslims of Tatarstan] // Religii i radikalizm v postsekuljarnom mire / pod red. E. I. Filippovoj i Zh. Radvani. M.: IJeA RAN; Gorjachaja linija –Telekom, 2017. S. 81–90. (In Russ.).
29. «Segodnja v sisteme islamskogo obrazovanija bol'she probelov, nezveli jasnostej» [Jelektronnyj resurs] // Vsemirnyj kongress tatar: oficial'nyj sajt. URL: <https://tatar-congress.org/ru/blog/segodnya-v-sisteme-islamskogo-obrazovaniya-bolshe-probelov-nezheli-jasnostey/> (data obrashhenija: 26.03.2021). (In Russ.).
30. Status medrese «Gali» po sostojaniju na 03.08.2021 gg. [Jelektronnyj resurs] // Federal'naja sluzhba po nadzoru v sfere obrazovanija i nauki: oficial'nyj sajt. URL: <http://>

isga.obrnadzor.gov.ru/rlic/details/53c0d595-5e77-421a-a8d1-540a8493ace2/ (data obrashheniya: 03.08.2021). (In Russ.).

31. Tatory Samarskogo kraja: istoriko-jetnograficheskie i social'no-jekonomicheskie ocherki [Tatars of the Samara Region: historical-ethnographic and socio-economic essays]. Samara: Knizhnoe izdatel'stvo, 2017. 616 s. (In Russ.).

32. Ustav MRO PIRO «Medrese Nur (Svet)» goroda Samary (Arhiv avtora M. M. Gumerova). (In Russ.).

33. Ustav MRO POO KM «Muhammadija» CRO — DUM RT [Jelektronnyj resurs] // Medrese «Muhammadija»: oficial'nyj sajt. URL: <https://mohammadiya.tatar/documentlar/kagyidalar/kagyidalar.pdf> (data obrashheniya: 26.03.2021). (In Russ.).

34. Ustav ChD ORO PIRO «Medrese Gali» (Arhiv avtora M. M. Gumerova). (In Russ.).

35. Uchebnyj plan MRO USPRO «Medrese Nur» goroda Samary na 2009/2010 uchebnyj god (Arhiv avtora M. M. Gumerova). (In Russ.).

36. Uchebnyj plan chastnoj duhovnoj obrazovatel'noj religioznoj organizacii professional'nogo islamskogo religioznogo obrazovanija «Medrese Gali» (Arhiv avtora M. M. Gumerova). (In Russ.).

37. Habibullina Z. R. Stanovlenie islamskogo obrazovanija v postsovetskom Bashkortostane: osnovnye jetapy, koncepcii, rezul'taty [Formation of Islamic education in post-Soviet Bashkortostan: main stages, concepts, results] // Islam v sovremennom mire: vnutrigosudarstvennyj i mezhdunarodno-politicheskij aspekty. 2018. T. 14. № 3. S. 217–233. DOI: 10.22311/2074-1529-2018-14-3-217-232 (In Russ.).

38. Central'nyj gosudarstvennyj arhiv Samarskoj oblasti (CGASO). F. R3219. Op. 1. D. 5. L. 59. (In Russ.).

39. Algar H. Shaykh Zaynulla Rasulev: The last great naqshbandi shaykh of the Volga-Urals region // Muslims in Central Asia: expressions of identity and change. Durham and London: Duke University Press, 1992. P. 112–133.

40. Bobrovnikov V. Islam in the Russian Empire. Vol. II. The Cambridge history of Russia. Cambridge: Cambridge university press, 2006. P. 202–224.

41. Kefeli A. Becoming Muslim in imperial Russia: Conversion, apostasy, and literacy. Ithaca: Cornell univ. press, 2014. XXII. 290 p.

42. Lazzerini Ed. J. Rethinking the advent of jadidism // Казанское исламоведение. Kazan Islamic Review. 2015. № 1. С. 132–148.

УДК 94(47).084.6 + 94(47).084.9
DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.06

Красильников Тимофей Сергеевич

кандидат юридических наук, аспирант
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
krass000@mail.ru; orcid.org/0000-0001-8100-2814

Орчакова Лариса Геннадьевна

доктор исторических наук, доцент
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
OrchakovaLG@mgpu.ru; orcid.org/0000-0001-9559-99930

ПРОЛЕТАРСКИЙ СПОРТ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА КАК ЧАСТЬ МЕЖДУНАРОДНОГО СПОРТИВНОГО ДВИЖЕНИЯ В ПЕРИОД МЕЖДУ МИРОВЫМИ ВОЙНАМИ

Аннотация. В статье рассматриваются советский пролетарский спорт, проблемы организации и включение его в международное спортивное движение между мировыми войнами. В условиях идеологического противостояния, ставшего следствием социальных потрясений после Первой мировой войны, в международном спортивном движении сформировались два течения — пролетарский спорт и буржуазный спорт. В свою очередь, неоднозначные оценки итогов Октябрьской революции в России привели к расколу социал-демократического движения и, как следствие, к расколу пролетарского спорта. Для контроля за развитием каждого из спортивных направлений были сформированы три представительные спортивные организации, проводившие между мировыми войнами собственные соревнования, — Олимпийские игры, Рабочие олимпиады и спартакиады. Анализ идеологического противостояния в международном спорте позволяет определить основные причины, приведшие к изоляции советского спорта в межвоенный период. В статье отмечено, что накануне Второй мировой войны в Советском Союзе была признана необходимость более активного участия

советских спортсменов в международном спортивном движении. Следствием этого процесса стало вхождение советских спортсменов в мировую олимпийскую семью.

Ключевые слова: пролетарский спорт, Олимпийские игры, Спортивный интернационал, спартакиада, Рабочие олимпиады.

Krasilnikov Timofey S.

candidate of Legal Sciences, post-graduate student
 Moscow City University
 Moscow, Russia
 e-mail: krass000@mail.ru; orcid.org/0000-0001-8100-2814

Orchakova Larisa G.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
 Moscow City University
 Moscow, Russia
 e-mail: OrchakovaLG@mgpu.ru; orcid.org/0000-0001-9559-99930

**PROLETARIAN SPORTS OF THE SOVIET STATE
 AS THE PART OF THE INTERNATIONAL SPORTS MOVEMENT
 IN THE PERIOD BETWEEN THE WORLD WARS**

Abstract. The article discusses the Soviet proletarian sport, the problems of organization and its inclusion in the international sports movement between the World Wars. In the context of the ideological confrontation that resulted from the social upheavals after the First World War, two trends were formed in the international sports movement — proletarian sport and bourgeois sport. In turn, the ambiguous assessments of the results of the October Revolution in Russia led to the split of the social-democratic movement and, as a result, to the split of the proletarian sport. To control the development of each of the sports areas, three representative sports organizations were formed, which held their own competitions between the World Wars — the Olympic Games, Workers’ Olympiads and Spartakiads. The analysis of the ideological confrontation in international sports allows us to identify the main conditions that led to the isolation of Soviet sports in the interwar period. The article also points out the reasons why, on the eve of the Second World War, the Soviet Union recognized the necessity for more active participation of Soviet athletes in the international sports movement. The result of this process was the entry of Soviet athletes into the Olympic family.

Keywords: proletarian sport; Olympic games; Sports international; spartakiada; Workers’ olympiads.

Введение. Спорт в жизни общества и государства занимает заметное место. С древности человек уделял огромное внимание совершенствованию тела и собственному здоровью, которые связывались с физическими упражнениями и духовным благополучием, поэтому изучение этой стороны человеческой жизни в разные исторические периоды необходимо для более полного представления и понимания общественного развития.

С другой стороны, в XX в. спортивная сфера становится важной во внутренней политике государства, политизируется. В современном понимании спорт и физическая культура возникли в первой половине XIX в. Подлинный же расцвет наступил в прошлом веке, когда из модного увлечения буржуазной молодежи в начале столетия физическая культура и спорт превращаются к концу века в явление общественной и культурной жизни, становится предметом особого государственного регулирования. Спортивные соревнования выходят на новый межгосударственный уровень, приобретают системный характер и становятся элементом внешней политики, оружием в соревновании двух систем. Яркими иллюстрациями использования спорта в международной политике в качестве орудия борьбы против России стала сегрегация отечественного спорта на современном этапе. Изучение международного спортивного движения в период между двумя мировыми войнами, периода зарождения явного противостояния разных политических систем, важно как для более глубокого и объективного осмысления самого этого процесса, так и для изучения истории Советского государства.

В конце XIX в. прошли первые Олимпийские игры современности. Изначально они задумывались как состязания спортсменов, независимо от их принадлежности к той или иной стране. По мнению барона Пьера де Кубертена, соревноваться должны спортсмены, а не нации (цит. по: [28, с. 46]). Однако, приобретая популярность среди спортсменов и болельщиков, Олимпиада постепенно превратилась в предмет особого государственного попечения, а проведение Игр стало вопросом государственного престижа.

Во второй половине XX в., в период противостояния СССР и США, спорт и Олимпийские игры становятся одним из важнейших рычагов внешней политики ведущих мировых держав. Бойкот стран Запада московской Олимпиады 1980 г. из-за ввода советских войск в Афганистан и ответный бойкот стран социалистического лагеря Олимпиады в Лос-Анджелесе в 1984 г. поставили международное олимпийское движение на грань раскола, и только политика международной разрядки, которую начало проводить руководство СССР во второй половине 1980-х гг., позволило преодолеть возникшие разногласия в олимпийском движении.

Спортивные события второй половины XX в. неоднократно были предметом рассмотрения в исторической науке. Олимпийские игры исследовались сквозь призму противостояния между СССР и США [18], анализировались вопросы защиты прав человека [10] и вопросы пропаганды [16] в ходе олимпийских соревнований. Опыт Олимпийских игр второй половины XX в. изучался в свете формирования положительного образа страны [8].

В то же время, несмотря на появление исследований по истории спорта и олимпийского движения, опыт проведения Олимпийских игр в первой половине XX в., особенно между мировыми войнами, остается еще малоизученным в отечественной историографии. Среди таких немногочисленных работ

отметим исследования А. В. Хорошевой, которая на основе архивных документов и газетных публикаций рассматривает лишь одну грань истории спортивного движения — спорт в свете проведения международной политики Советским Союзом и Коминтерном в 1920-е – первую половину 1930-х гг. [26–28]. В предлагаемой статье анализируются становление и развитие советского спорта в рамках марксистско-ленинской парадигмы и концепции мировой революции, что ранее никто из исследователей не делал.

Ход и результаты исследования. Регулярные физические упражнения укрепляют здоровье, способствуют не только повышению производительности труда, но позволяют организовать как рабочее время, так и полноценный отдых, что не менее важно в налаживании производственной деятельности. В СССР физическая культура, занятие спортом были частью социалистической идеологии; в современной России активно культивируются занятия спортом как часть здорового образа жизни. В начале XXI в. общепризнанным является факт, что спорт выполняет социально значимую функцию в жизни общества.

События Первой мировой войны и вызванные ей социальные потрясения существенно изменили отношение общества к спорту, и помимо Международного олимпийского комитета (МОК), образованного в 1892 г., возникли альтернативные спортивные объединения, которые были созданы по инициативе социалистического рабочего движения.

Первая идея развития рабочих спортивных союзов была высказана еще в мае 1913 г., но в полной мере она была реализована уже после окончания Первой мировой войны. В сентябре 1920 г. по инициативе социал-демократических организаций, входивших в структуры Второго интернационала, в Люцерне (Швейцария) был образован Социалистический рабочий спортивный интернационал (*нем.* Sozialistische Arbeitersport Internationale, SASI), более известный в отечественной историографии как Люцернский спортивный интернационал (ЛСИ). На учредительном съезде были приняты основные правила проведения соревнований среди рабочих спортивных союзов: рабочий спорт противопоставлялся буржуазному, так как рабочие спортивные союзы не могут участвовать в соревнованиях, организованных буржуазными спортивными организациями; рабочие спортивные союзы развивают только те виды спорта, которые совпадают и соответствуют политическим задачам рабочего класса; рабочие спортивные союзы преследуют цели развития физической культуры, образования и воспитания трудовых масс, а не проведение собственно спортивных соревнований для выявления конкретного победителя [32].

В октябре 1917 г. в России к власти пришло правительство большевиков, которое ставило своей целью создание социалистического общества, одной из задач которого было физическое воспитание отдельного человека. Как отмечал один из лидеров партии большевиков Л. Д. Троцкий в своей работе «Литература и революция» (1923), образовательный процесс в условиях социализма

должен не только повышать уровень знаний у пролетариата, способствовать освоению им новых достижений науки и техники, но и физическое воспитание отдельного человека. По мнению Троцкого, в социалистическом обществе человек сможет гармонизировать самого себя, уделив внимание и собственно-му физическому развитию. Освобожденный от экономической зависимости классового общества человек захочет достигнуть большей гармонии в работе своего организма за счет психофизической тренировки [25, с. 299].

В апреле 1919 г. в Москве был проведен 1-й Всероссийский съезд по физической культуре, спорту и допризывной подготовке. На нем рассматривались «вопросы неотложных реформ спорта в его современном положении и задачи существующих спортивных и гимнастических обществ, клубов и кружков» [20, с. 6]. После образования СССР в 1924 г. было проведено 1-е Всесоюзное совещание по физической культуре, на котором «была идеологически обоснована Советская физическая культура, как средство гармонического развития и физического оздоровления трудящихся; не спортсменство, а коммунистическое воспитание; не рекорд отдельных лиц, а коллективные достижения» [22, с. 4]. На совещании была отмечена необходимость широкого внедрения физической культуры, физического воспитания и правил гигиены среди населения и одновременно подчеркивалась несовместимость профессионального спорта, который в тот период получил наименование рекордсменства, с принципами построения социалистического общества.

Однако Октябрьская революция в России была неоднозначно принята международным социал-демократическим движением. В противовес системе Второго интернационала в 1919 г. был образован Коммунистический интернационал (Коминтерн), который, в свою очередь, в июле 1921 г. принимает решение о создании Красного спортивного интернационала (КСИ) как альтернативы буржуазным и социал-демократическим международным спортивным организациям.

Каждая из названных международных спортивных организаций — МОК, ЛСИ, КСИ — проводила собственные спортивные соревнования. Так, помимо Олимпийских игр, проводимых под эгидой МОК, в межвоенный период регулярно проходили Рабочие олимпиады, организованные ЛСИ, как летние (с 1921 г.), так и зимние (с 1925 г.) турниры [32]. Соревнования, организованные КСИ и проводимые с 1928 г., получили наименование «спартакиада».

Несмотря на то что изначально Олимпийские игры задумывались как спортивные соревнования вне политики, уже после окончания Первой мировой войны Игры становятся предметом политической борьбы. Олимпиада 1920 г. проводилась в Антверпене — городе, оказавшемся на линии фронта мировой войны и подвергнувшемся большим разрушениям [28, с. 48]. Перед началом соревнований специальным решением МОК спортсмены Германии, Австрии, Венгрии и Болгарии как представители стран-агрессоров были отстранены от участия в Играх (у Германии было отнято право участия и в Олимпийских

играх 1924 г.) [33]. Спортсмены стран, отстраненных от Олимпийских игр, приняли участие в турнирах Рабочей олимпиады. Благодаря этому Рабочие олимпиады получили довольно представительный состав спортсменов, чем вызвали значительный зрительский интерес. В течение 1920-х гг. соревнования Рабочих олимпиад успешно конкурировали с Олимпийскими играми.

В свою очередь, проведение спартакиад под эгидой КСИ преследовали организационные неурядицы. Эти соревнования противопоставлялись как Олимпийским играм [5], так и Рабочим олимпиадам [11]. В результате многие спортсмены отказывались от участия в соревнованиях под эгидой КСИ, опасаясь попасть под спортивные санкции как со стороны спортивных федераций, входивших в МОК, так и спортивных союзов, входивших в ЛСИ.

Первая Спартакиада — зимняя — была проведена в Осло в 1928 г. и прошла с участием около 500 спортсменов из шести стран [4]. Такое количество атлетов было сопоставимо с числом спортсменов на зимней Олимпиаде в Санкт-Морице, где было немногим более 450 человек, но из двадцати пяти стран [31]. Однако Спартакиада в Осло осталась в целом незамеченной международной спортивной общественностью.

Следующая — летняя — Спартакиада проводилась в Москве в том же 1928 г. и должна была по замыслу организаторов составить конкуренцию Олимпийским играм в Амстердаме [28, с. 48–49]. Московская Спартакиада стала одним из значимых спортивных событий в СССР в межвоенный период, вызвав зрительский интерес внутри страны. К ее началу в Москве был открыт стадион «Динамо», ставший на следующие двадцать лет крупнейшим стадионом в СССР [9, с. 192–194]. Московские соревнования привлекли внимание и организаторов олимпийского движения [27, с. 17]. Однако международный состав участников Спартакиады значительно уступал олимпийским соревнованиям: в СССР прибыло около 600 иностранных атлетов, при этом в состязаниях приняли участие более 4000 советских спортсменов. По всей видимости, именно по причине значительного числа советских спортсменов, которых было намного больше, чем зарубежных, организаторы Спартакиады в Москве в итоге приняли решение назвать московские соревнования Всесоюзной спартакиадой [27; 28, с. 50].

Между тем состязания атлетов прошли на хорошем соревновательном уровне и были признаны организаторами успешными [1; 3; 12].

Опираясь на опыт московской Спартакиады, Красный спортивный интернационал предпринял очередную попытку возглавить международное спортивное рабочее движение, запланировав проведение очередной летней Спартакиады в 1931 г. в Берлине, на организацию которой были выделены значительные финансовые средства. КСИ удалось привлечь к участию в Спартакиаде в Берлине рабочие спортивные союзы не только европейских стран, но и Америки — США, Канады, Аргентины и Уругвая, — которые планировали отправить спортивные делегации в Берлин [29]. Однако из-за разразившегося в Германии

в начале 1930-х гг. политического кризиса, усилении роли правых партий, особенно Национал-социалистской немецкой рабочей партии, и возникавших массовых беспорядков на улицах между членами левых боевых дружин и правых штурмовиков правительством страны было принято решение отказать в проведении спортивных соревнований [26, с. 101–102]. Это событие в значительной мере уменьшило авторитет КСИ на международной арене. Так, для участия в зимней Спартакиаде, проходившей в Москве в феврале 1932 г. и объявленной как международная [19], прибыли всего 16 спортсменов немецкого спортивного общества «Фихте», чем и ограничилось иностранное присутствие [14].

КСИ все больше становился зависимым и от решений, и от финансирования Всесоюзного комитета по физической культуре при Совнаркомом СССР [26, с. 103], утратив какой-либо международный авторитет. Попытки организовывать международные спартакиады под эгидой КСИ больше не предпринимались, и в 1937 г. эта спортивная организация была распущена [3]. В том же году советские спортсмены приняли участие в летней Рабочей олимпиаде, организованной Люцернским спортивным интернационалом, прошедшей в Антверпене, на которой одержали победу в большинстве спортивных дисциплин, включая победу в футбольном турнире [2; 17].

В отличие от рабочего спортивного движения, противопоставлявшего себя буржуазному спорту, МОК после проведения Олимпийских игр 1920 г. вплоть до Берлинской Олимпиады 1936 г. старался избегать участия в политическом противостоянии, имевшем место между мировыми войнами, чему в немалой степени способствовала позиция Пьера де Кубертена — организатора современных Олимпийских игр [24].

Однако следует отметить, что в 1930-х гг. наметился общий кризис рабочего спортивного движения, который был обусловлен не только конкуренцией двух рабочих спортивных организаций.

К середине 1930-х гг. стало заметно, что спортсмены рабочих спортивных союзов показывают более низкие спортивные результаты, чем спортсмены, выступавшие на Олимпийских играх. Для советского болельщика это было видно по выступлениям отечественных футболистов на международной арене, которые в матчах с командами рабочих союзов часто одерживали победы с крупным счетом, но в матчах с профессионалами терпели поражения (разница в классе стала особенно заметной по результатам турне футбольной сборной Басконии по СССР в 1937 г.¹).

В этот период в СССР представители спортивной общественности высказывали мнение о необходимости более тесных контактов с буржуазными спортсменами, о чем были публикации в центральной спортивной газете «Красный спорт» [6]. Появляются идеи развивать в СССР и новые виды спорта для участия в международных соревнованиях, например хоккей с шайбой [15].

¹ Турне сборной Басконии по СССР [Электронный ресурс]. URL: <https://dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1339472> (дата обращения: 12.12.2021 г.).

Среди главных мероприятий, направленных на преодоление разницы в спортивном классе между советскими спортсменами и западными профессионалами, признавались необходимость создания специализированных спортивных лиг для проведения соревнований среди спортсменов-мастеров (термин «профессионалы» в отношении советских спортсменов не использовался вплоть до второй половины 1980-х гг.) и введения системы оплаты для атлетов (так называемые штаты команд мастеров) [21; 23]. В январе 1936 г. Всесоюзным комитетом по физической культуре СССР было принято решение о новой системе соревнований для командных видов спорта — проведении турниров между отдельными командами, а не сборными городов [30, с. 101–102]. Такой подход к организации соревнований был опробован для хоккея [7], и, когда опыт был признан успешным, он был распространен на другие командные виды спорта (в первую очередь на футбол) [13].

Заключение. Подводя итоги, можно сделать следующие выводы.

1. После Первой мировой войны спорт и международные соревнования все больше становятся предметом политической борьбы не только между отдельными государствами, но и между различными идеологиями. Международный спорт становится продолжением политики.

2. В период между мировыми войнами международный спорт развивается в условиях спортивной и идеологической конкуренции трех международных организаций — Международный олимпийский комитет (МОК), Люцернский спортивный интернационал (ЛСИ) и Красный спортивный интернационал (КСИ), — каждая из которых проводит собственные спортивные соревнования, претендуя на роль главной международной спортивной организации.

3. Соревнования, организованные МОК, — Олимпийские игры, — благодаря меньшей политизированности и за счет включения новых спортивных дисциплин становятся более популярными как среди спортсменов, так и среди зрителей. Они способствовали унификации международных спортивных правил, что, в свою очередь, повлекло принятие международных правил для национальных соревнований.

4. Соревнования, организованные КСИ, несмотря на поддержку со стороны спортивного руководства СССР, не имели международного признания, оставаясь за редким исключением внутренними событиями.

5. Наметившийся в середине 1930-х гг. кризис спортивного рабочего движения, поставил перед руководством СССР задачу дальнейшего развития спорта для приближения к общепризнанным международным стандартам. Потребовалось создание специализированных спортивных лиг, проведение соревнований среди спортсменов-мастеров, для которых начинают вводиться штаты и оклады, т. е. в СССР появляются зачатки развития профессионального спорта.

6. Необходимость расширения участия советских спортсменов в международных соревнованиях повлекло принятие в СССР общепризнанных

спортивных правил, выработанных в большинстве случаев в рамках буржуазных соревнований, а также потребовало развивать многие спортивные дисциплины, включенные в программу Олимпийских игр. Однако в полной мере все эти мероприятия по развитию спорта были реализованы уже после Победы и окончания Второй мировой войны.

Список источников

1. IV Конгресс Красного спортинтерна // Физкультура и спорт. 1928. № 36. С. 2.
2. 4 дня в Антверпене // Физкультура и спорт. 1937. № 17. С. 12–13.
3. Бакешин К. П. К 90-летию первой Всесоюзной Спартакиады // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. № 6 (160). С. 15–17.
4. Бакешин К. П. К 90-летию первой Международной Зимней рабочей Спартакиады в Норвегии // Ученые записки университета имени П. Ф. Лесгафта. 2018. № 1 (155). С. 30–34.
5. Бергер. По поводу буржуазной Олимпиады в Амстердаме // Физкультура и спорт. 1928. № 20. С. 3.
6. Ваньят Ю. Советскому футболу — мировой класс // Красный спорт. 1937. 25 августа. № 117 (500).
7. Всесоюзное первенство по хоккею. Беседа с председателем ВСФК СССР В. И. Манцевым // Красный спорт. 1936. 17 февраля.
8. Глазатов А. В. К вопросу об особенностях отечественного опыта использования спорта высших достижений в политике формирования позитивного имиджа государства // Вестник Российской нации. 2017. № 5 (57). С. 101–112.
9. Добронравов И. С. На бессрочной службе футбола. Факты и цифры из биографии команды «Динамо» Москва, 1923–1999. М.: Луч-1, 2000. 703 с.
10. Дубровский Д. Права человека vs Олимпийские игры — нужно вычеркнуть? Дебаты о правах человека и Олимпийские игры 1980 в Москве [Электронный ресурс] // Новое литературное обозрение. 2018. № 5. С. 255–274. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyu_zapas/121_nz_5_2018/article/20391/ (дата обращения: 01.07.2021).
11. Жолдак И. В стане раскольников // Физкультура и спорт. 1929. № 44–45. С. 3.
12. Итоги Спартакиады // Физкультура и спорт. 1928. № 36. С. 3.
13. Итоги хоккейного первенства СССР // Спартак. 1936. 10 марта. № 11.
14. Канадский хоккей // Вечерняя Москва. 1932. 21 февраля.
15. Квашнин К. Давайте играть в канадский хоккей // Красный спорт. 1935. 17 декабря. № 110 (198).
16. Корнеев И. Е. Олимпиада-80 в советской пропаганде: сотрудничество и конфронтация в международной спортивной политике 1975–1980 гг. // Вестник РГГУ. Серия: Политология. История. Международные отношения. Зарубежное регионоведение. Востоковедение. 2017. № 1 (7). С. 39–44.
17. Крупный успех советских спортсменов // Спартак. 1937. 3 августа. № 71.
18. Куприянова Е. Олимпийские игры и политика. Бойкот Олимпиады как средство международной политической борьбы // Проблемы безопасности в XXI веке и роль СМИ: материалы XI Научно-практической конференции студентов и преподавателей, посвященной 50-летию РУДН / под ред. В. В. Барабаша; сост. Н. А. Иванова. М.: Изд-во РУДН, 2010. С. 117–129.

19. От Урало-Кузбасской — к мировой. Уральские физкультурные организации взяли старт подготовки к мировой Спартакиаде // Физическая культура: приложение к газете «Труд». 1931. № 66. 5 декабря.
20. Отчет о 1-м Всероссийском Съезде по физической культуре, спорту и допризывной подготовке. 3–8 апреля 1919 года в Москве (по стенографической записи). М.: Издание Глав. управ. Всеобщ. воен. обуч. Всерос. глав. штаба, 1919. 216 с.
21. Рыжманов А. Нужны ли спортивные лиги // Красный спорт. 1936. 27 апреля. № 59 (264).
22. Смирнов. Первое Всесоюзное совещание по физической культуре // Спартак. 1924. № 1. С. 4–6.
23. Спортивные лиги нужны // Красный спорт. 1936. 9 мая. № 64 (269).
24. Столяров В. И. Идеи Пьера де Кубертена и современное олимпийское движение // Теория и практика физической культуры. 2014. № 1. С. 57–60.
25. Троцкий Л. Д. Литература и революция // Троцкий Л. Д. Перманентная революция: [сб.]. М.: АСТ, 2005. С. 253–300.
26. Хорошева А. В. Деятельность Красного спортивного интернационала в конце 1920-х – начале 1930-х гг. // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2018. № 5. С. 86–105.
27. Хорошева А. «Пролетарская» Спартакиада 1928 года и «буржуазное» олимпийское движение // Свободная мысль. 2018. № 2 (1668). С. 5–22.
28. Хорошева А. В. Физическая культура и спорт в РСФСР и СССР в 1918–1928 гг. и международное спортивное движение // КЛИО. 2013. № 8 (80). С. 45–51.
29. Ширится фронт Спартакиады // Физкультура и спорт. 1931. № 16–17. С. 6.
30. Эдельман Роберт. Серьезная забава. История зрелищного спорта в СССР / пер. с англ. И. С. Давидян. М.: Советский спорт; АИРО-XXI, 2008. 400 с.
31. St. Moritz 1928 Winter Olympics — results [Электронный ресурс]. URL: <https://www.olympic.org/st-moritz-1928> (дата обращения: 01.07.2021).
32. Hentilä, Seppo.: Työväen Urheiluliitto ja kansainvälinen työläisurheilu Hentilä, Seppo. Työväen Urheiluliitto ja kansainvälinen työläisurheilu [Электронный ресурс]. URL: https://blogs.helsinki.fi/shentila/files/2005/04/TUL_ja-kansainvälinen.pdf (дата обращения: 01.07.2021). (На фин. яз.).
33. A workers' Olympics? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.workersliberty.org/story/2012/08/01/workers-olympics> (дата обращения: 01.07.2021).

References

1. IV Kongress Krasnogo sportinterna // Fizkul'tura i sport. 1928. № 36. S. 2. (In Russ.).
2. 4 dnja v Antverpene // Fizkul'tura i sport. 1937. № 17. S. 12–13. (In Russ.).
3. Bakeshin K. P. K 90-letiju pervoj Vsesojuznoj Spartakiady [To the 90th anniversary of the first All-Union Spartakiad] // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. 2018. № 6 (160). S. 15–17. (In Russ.).
4. Bakeshin K. P. K 90-letiju pervoj Mezhdunarodnoj Zimnej rabochej Spartakiady v Norvegii [To the 90th anniversary of the first International Winter Working Sports Contest in Norway] // Uchenye zapiski universiteta imeni P. F. Lesgafta. 2018. № 1 (155). S. 30–34. (In Russ.).
5. Berger. Po povodu burzhuaznoj Olimpiady v Amsterdame // Fizkul'tura i sport. 1928. № 20. S. 3. (In Russ.).

6. Van'jat Ju. Sovetskomu futbolu — mirovoj klass // Krasnyj sport. 1937. 25 avgusta. № 117 (500). (In Russ.).
7. Vsesojuznoe pervenstvo po hokkeju. Beseda s predsedatelem VSFK SSSR V. I. Mancevym // Krasnyj sport. 1936. 17 fevralja. (In Russ.).
8. Glazatov A. V. K voprosu ob osobennostjah otechestvennogo opyta ispol'zovanija sporta vysshih dostizhenij v politike formirovanija pozitivnogo imidzha gosudarstva [On the question of the peculiarities of the domestic experience of using high-performance sports in the policy of forming a positive image of the state] // Vestnik Rossijskoj nacii. 2017. № 5 (57). S. 101–112. (In Russ.).
9. Dobronravov I. S. Na bessrochnoj sluzhbe futbola. Fakty i cifry iz biografii komandy «Dinamo» Moskva, 1923–1999 [In the indefinite service of football. Facts and figures from the biography of the Dynamo team Moscow]. M.: Luch-1, 2000. 703 s. (In Russ.).
10. Dubrovskij D. Prava cheloveka vs Olimpijskie igry — nuzhnoe vycherknut'? Debaty o pravah cheloveka i Olimpijskie igry 1980 v Moskve. [Jelektronnyj resurs] // Novoe literaturnoe obozrenie. 2018. № 5. S. 255–274. URL: https://www.nlobooks.ru/magazines/neprikosnovennyj_zapas/121_nz_5_2018/article/20391/ (data obrashhenija: 01.07.2021). (In Russ.).
11. Zholdak I. V stane raskol'nikov // Fizkul'tura i sport. 1929. № 44–45. S. 3. (In Russ.).
12. Itogi Spartakiady // Fizkul'tura i sport. 1928. № 36. S. 3. (In Russ.).
13. Itogi hokkejnogo pervenstva SSSR // Spartak. 1936. 10 marta. № 11. (In Russ.).
14. Kanadskij hokkej // Vechernjaja Moskva. 1932. 21 fevralja. (In Russ.).
15. Kvashnin K. Davajte igrat' v kanadskij hokkej // Krasnyj sport. 1935. 17 dekabrja. № 110 (198). (In Russ.).
16. Korneev I. E. Olimpiada-80 v sovetskoj propagande: sotrudnichestvo i konfrontacija v mezhdunarodnoj sportivnoj politike 1975–1980 gg. [Olympiad-80 in Soviet propaganda: cooperation and confrontation in international sports policy 1975-1980] // Vestnik RGGU. Serija: Politologija. Istorija. Mezhdunarodnye otnoshenija. Zarubezhnoe regionovedenie. Vostokovednie. 2017. № 1 (7). S. 39–44. (In Russ.).
17. Krupnyj uspeh sovetskih sportsmenov // Spartak. 1937. 3 avgusta. № 71. (In Russ.).
18. Kuprijanova E. Olimpijskie igry i politika. Bojkot Olimpiady kak sredstvo mezhdunarodnoj politicheskoj bor'by [The Olympic Games and politics. Boycott of the Olympics as a means of international political struggle] // Problemy bezopasnosti v XXI veke i rol' SMI: materialy XI Nauchno-prakticheskoj konferencii studentov i prepodavatelej, posvjashhennoj 50-letiju RUDN / pod red. V. V. Barabasha; sost. N. A. Ivanova. M.: Izd-vo RUDN, 2010. S. 117–129. (In Russ.).
19. Ot Uralo-Kuzbasskoj — k mirovoj. Ural'skie fizkul'turnye organizacii vzjali start podgotovki k mirovoj Spartakiade // Fizicheskaja kul'tura: prilozhenie k gazete «Trud». 1931. № 66. 5 dekabrja. (In Russ.).
20. Otchet o 1-m Vserossijskom S'ezde po fizicheskoj kul'ture, sportu i doprizyvnoj podgotovke. 3–8 aprelja 1919 goda v Moskve (po stenograficheskoj zapisi). M.: Izdanie Glav. uprav. Vseobshh. voen. obuch. Vseros. glav. shtaba, 1919. 216 s. (In Russ.).
21. Ryzhmanov A. Nuzhny li sportivnye ligi // Krasnyj sport. 1936. 27 aprelja. № 59 (264). (In Russ.).
22. Smirnov. Pervoe Vsesojuznoe soveshhanie po fizicheskoj kul'ture // Spartak. 1924. № 1. S. 4–6. (In Russ.).
23. Sportivnye ligi nuzhny // Krasnyj sport. 1936. 9 maja. № 64 (269). (In Russ.).

24. Stoljarov V. I. Idei P'era de Kubertena i sovremennoe olimpijskoe dvizhenie [The ideas of Pierre de Coubertin and the modern Olympic movement] // Teorija i praktika fizicheskoj kul'tury. 2014. № 1. S. 57–60. (In Russ.).
25. Trockij L. D. Literatura i revoljucija // Trockij L. D. Permanentnaja revoljucija: [sb.]. M.: AST, 2005. S. 253–300. (In Russ.).
26. Horosheva A. V. Dejatel'nost' Krasnogo sportivnogo internacionala v konce 1920-h – nachale 1930-h gg. [The activity of the Red Sports International in the late 1920s – early 1930s.] // Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 8: Istorija. 2018. № 5. S. 86–105. (In Russ.).
27. Horosheva A. «Proletarskaja» Spartakiada 1928 goda i «burzhuaznoe» olimpijskoe dvizhenie [Proletarskaya. The 1928 Spartakiad and the “bourgeois” Olympic Movement] // Svobodnaja mysl'. 2018. № 2 (1668). S. 5–22. (In Russ.).
28. Horosheva A. V. Fizicheskaja kul'tura i sport v RSFSR i SSSR v 1918–1928 gg. i mezhdunarodnoe sportivnoe dvizhenie [Physical culture and sports of the RSFSR and the Soviet Union from 1918 to 1928 and the international sports movement] // KLIO. 2013. № 8 (80). S. 45–51. (In Russ.).
29. Shiritsja front Spartakiady // Fizkul'tura i sport. 1931. № 16–17. S. 6. (In Russ.).
30. Jedel'man Robert. Ser'eznaja zabava. Istorija zrelishhnogo sporta v SSSR [Serious fun. The history of spectator sports in the USSR] / per. s angl. I. S. Davidjan. M.: Sovetskij sport; AIRO-XXI, 2008. 400 s. (In Russ.).
31. St. Moritz 1928 Winter Olympics — results [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.olympic.org/st-moritz-1928> (data obrashhenija: 01.07.2021).
32. Hentilä, Seppo.: Työväen Urheiluliitto ja kansainvälinen työläisurheilu Hentilä, Seppo. Työväen Urheiluliitto ja kansainvälinen työläisurheilu [Elektronnyj resurs]. URL: https://blogs.helsinki.fi/shentila/files/2005/04/TUL_ja-kansainvälinen.pdf (data obrashhenija: 01.07.2021). (In Finnish).
33. A workers' Olympics? [Elektronnyj resurs]. URL: <https://www.workersliberty.org/story/2012/08/01/workers-olympics> (data obrashhenija: 01.07.2021).

УДК 9 (93)

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.07

Музафарова Нелли Идиатовна

доктор исторических наук, профессор
Московский городской педагогический университет
Москва, Россия
e-mail: muzafarovan@mail.ru

ДИАЛОГИ ХРИСТИАНСТВА И ИСЛАМА В ФОРМИРОВАНИИ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫХ ОРИЕНТИРОВ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЕЖИ

Аннотация. В статье рассматриваются позиции студенческой молодежи по отношению к религии, нравственным постулатам православия и ислама, оказывающим влияние на формирование востребованной обществом гуманной личности. На основе социологических исследований, проведенных в 2006–2020 гг. на разных факультетах МГПУ (изобразительного искусства и дизайна, филологическом и юридическом), делаются выводы о взаимоотношениях и коммуникации молодежи в полиэтнической и многоконфессиональной среде. Уделяется внимание трансформации воззрений учащейся молодежи в процессе получения знаний, воспитательных культурно-массовых мероприятий, влиянии православно-исламских ценностных установок и диалогов, которые происходят в реальной жизни.

Автор пытается выяснить степень религиозности молодых людей, их интерес к духовной культуре и религиозоведческим дисциплинам, раскрывающим гуманистические ценности христианства и ислама, общность их нравственных установок. Репрезентативные исследования позволили показать взаимосвязь изучения учащимися специальных дисциплин с отдельными модулями религиозных дисциплин с целью расширить свои познания. При этом были отмечены определенная трансформация воззрений студентов младших и старших курсов на духовную культуру, толерантное отношение к инаковерующим, поликультурная интеграция. Вместе с тем отмечается неоднозначное понимание молодыми людьми вопросов веры и отношение к вероисповеданию. Большинство молодых людей считают себя верующими, поскольку принимают участие в религиозных праздниках, некоторых культовых обрядах, периодически посещают храмы. Однако отдельные респонденты выразили недоверие и отрицательное отношение к священнослужителям в связи с их некомпетентностью в духовном служении. Общий вывод студентов о значимости православия и ислама, исторически доказавших способность добрососедского сосуществования, заключается в позитивной оценке взаимовлияния двух религий, оказывающих духовно-нравственное воздействие на людей для сохранения мира на планете.

Ключевые слова: христианство, ислам, молодежь, респонденты, вероучение, атеизм, коммуникация, этносы, духовная культура, диалоги, толерантность.

Muzafarova Nelly I.

Doctor of Historical Sciences, Professor
 Moscow City University
 Moscow, Russia
 e-mail: muzafarovan@mail.ru

**DIALOGUES BETWEEN CHRISTIANITY AND ISLAM
 IN FORMATION SPIRITUAL AND MORAL GUIDELINES
 OF STUDENT YOUTH**

Abstract. The article examines the position of student youth in relation to religion, moral postulates of Orthodoxy and Islam, which influence the formation of a humane personality in demand by society. Based on the sociological research carried out by students from different faculties of Moscow State Pedagogical University — fine arts and design, philological and legal, from 2006 to 2020. conclusions are drawn about the relationship and communication of young people in a multi-ethnic and multi-confessional environment. Attention is paid to the transformation of the views of student youth in the process of acquiring knowledge, educational cultural events, the influence of Orthodox-Islamic values and dialogues that take place in real life.

The author tries to find out the degree of religiosity of young people, their interest in spiritual culture and religious studies, revealing the humanistic values of Christianity and Islam, the commonality of their moral attitudes. Representative studies have shown the relationship between the study of special disciplines by students with individual modules of religious disciplines in order to expand their knowledge. At the same time, a certain transformation of the views of junior and senior students on spiritual culture, tolerance towards other believers, a noticeable process of integration of polyculturals was noted. At the same time, some respondents expressed distrust and negative attitude towards clergy in connection with their incompetence in matters of faith and the position of spiritual service. The general conclusion of students about the importance of Orthodoxy and Islam, which historically proved the ability of good-neighborly coexistence, is a positive assessment of their mutual influence in fulfilling an important function of spiritual and moral influence on people to preserve peace on the planet.

Keywords: Christianity, Islam, youth, respondents, creed, atheism, communication, ethnic groups, spiritual culture, dialogues, tolerance.

Введение. В последние десятилетия усилилось внимание к религии как духовно-нравственной ценности общества. Причиной тому стали отказ от социалистической идеологии, отречение от советских авторитетов, связанных с ними торжеств и традиций. Известно, что общество не существует без идеологии, которая отражает запросы людей в культурной, социально-политической, морально-этической сферах. В течение многих столетий реализацию этих потребностей обеспечивала религия: как богатейшая духовная и социальная культура общества, она выполняла одновременно государственные и присущие конфессиональным организациям функции. Веками из поколения в поколение передавались духовные традиции, люди старались

сохранить этнические, бытовые и национальные особенности. Распад СССР и переход РФ к рыночной экономике обусловили необходимость свободы совести, идеологических воззрений. Вместе с тем важным фактором является пропаганда и закрепление в сознании граждан гуманистических, миролюбивых принципов взаимоотношения с другими людьми. Рассмотрение интеграционных тенденций студенческой молодежи в процессе их обучения и приобщения к духовной культуре православия и ислама составляет содержание данной статьи.

Постановка проблемы. Каждая эпоха вносила изменения в социально-политическую, экономическую и культурную жизнь страны и народа. Соответственно, подвергались трансформации некоторые морально-этические установки религий, в частности распространенных в нашей стране — православия и ислама. С установлением советской власти и приходом к руководству коммунистической партии религия была объявлена вредной идеологией, несовместимой с планами построения социализма. На смену клерикализму пришел государственный атеизм и усиленная пропаганда социалистической идеологии. Лидер большевиков В. И. Ленин требовал от членов партии и комсомольцев беспощадной борьбы с религией для преодоления религиозных предрассудков советских людей. В своих статьях и выступлениях он дал тактические и стратегические установки проведения политики воинствующего атеизма [8; 9]. В данном исследовании проводится анализ восприятия молодыми людьми духовно-нравственных ценностей христианства и ислама, возрождение которых началось с конца 90-х гг. прошлого века. На этой основе выявляются коммуникационные процессы полиэтнической молодежи, их отношения к разным конфессиям.

Методология исследования. Методологические основы исследования составляли общеисторические и социологические принципы научности, объективности, анализа и синтеза, диалектики, учета всесторонних явлений. Ретроспективный, историко-сравнительный подходы позволили выявить степень религиозности современной молодежи, их отношения к инаковерующим и внутреннюю социально-психологическую ориентацию. Выборочные репрезентативные исследования учащихся позволили показать динамику трансформации их мировоззрения в оценке духовной культуры и роли православия и ислама в коммуникационном процессе в учебной аудитории и во внешней среде. Используемая методология исследования была построена на анализе научной исторической, социологической, религиоведческой литературы.

Ход и результаты исследования. Духовно-нравственные ориентиры личности формируются под влиянием субъективных и объективных факторов в семье, учебно-воспитательных учреждений, внешней среды и трансформируются в течение жизни в зависимости от условий окружающей действительности.

Социалистическая революция кардинально изменила курс воспитания молодежи, в качестве главной поставив задачу преодоления религиозных предрассудков, внедрения новых советских праздников и обрядов. Обращение В. И. Ленина к Союзу молодежи явилось программной установкой для нового поколения в деле повышения грамотности, роста политической сознательности, решительного отказа от религиозных воззрений [7]. Революционно настроенные активисты проводили антирелигиозную пропаганду и вели борьбу с церковью, отказываясь от гуманистических ценностей, заложенных в духовных постулатах¹.

Практика жизни доказала, что забвение духовного мировоззрения не могло произойти в одночасье. Большая часть населения сохраняла приверженность религии на протяжении всего советского периода. Об этом, к примеру, свидетельствовали признания фронтовиков (в частности, отца автора статьи, дошедшего до Берлина. — *Н. М.*), когда бойцы в тяжелых военных сражениях мысленно обращались к Богу. Неслучайно в обиход вошел афоризм «В окопах атеистов не бывает». Отметим, обращение к Богу в трудных ситуациях характерно для представителей всех социумов и на современном этапе. Изменения в жизни общества отражались на религии, которая адекватно эпохе меняла догматы, адаптировала культовую практику. Тем не менее советская власть продолжала проводить политику государственного атеизма.

Распад СССР привел к отказу от социалистической идеологии и политики государственного атеизма, предоставив народу безбрежную свободу слова, мнений и выступлений. Игнорирование идеологического воздействия со стороны государственных структур привело к деморализации общества, которое попало под влияние западного прессинга, направленного на выхолащивание в людях гуманистических ценностей. Курс нового правительства на деидеологизацию и деполитизацию привел к усилению деструктивной пропаганды, проявлению негативных факторов, особенно среди молодежи, мировоззрение которой формировалось под воздействием принципов мнимой свободы, насилия, разнузданного секса, разрушения семьи и др. В этих условиях появилась необходимость использования морально-этических норм и общечеловеческих гуманных постулатов религий. Ученые, политические деятели, работники сферы образования оценили религию с точки зрения оказания благотворного влияния на широкие слои населения. В учебных заведениях начали апробировать курсы, связанные с религиоведением, проводить выборочные исследования с учащимися на предмет об отношении к вере и ее гуманистическим ценностям.

В течение ряда лет автор статьи проводила опрос студентов Московского городского педагогического университета об их отношении к религии и вопросам веры [12]. В октябре – ноябре 2006 г. участниками анкетирования

¹ Бестактные и грубые действия комсомольцев осуждались белоэмигрантской студенческой молодежью, создавшей свои объединения в Праге и Париже [14]. Руководство антисоветскими провокационными действиями осуществляли опытные лидеры, в том числе и священнослужители [4].

стали студенты трех факультетов: изобразительного искусства и дизайна (ИЗО) — 1, 4 и 5-й курсы, а также филологического и юридического — 1-й и 4-й курсы. Всего было опрошено около 240 человек. Главный вопрос касался преподавания религиозных и светских этических учений. Более 75 % заявили о желательности введения общего курса «История религий», 20 % — «Православная культура», 5 % — «Религиоведение». Отношение к религии было в основном позитивным, хотя и не столь однозначным. Студентка факультета ИЗО — И. С. — написала, что религиозная этика способствует формированию нравственных и духовных ценностей личности, настраивает на гуманные взаимоотношения. Однако, продолжая мысль, она отметила, что изменения стереотипов в сторону религиозности, отражают лишь внешний прагматический антураж и не соответствуют внутренним настроениям и потребностям. Еще одна студентка факультета ИЗО — Т. М. — указала на негативные аспекты, связанные с религией, она написала, что некоторые фигуранты используют религию в корыстных целях прикрытия криминального бизнеса или терроризма. Ответы пятикурсников можно свести к общему выводу о целесообразности изучения вышеназванного курса, с одной стороны, в целях лучшей ориентации в вопросах художественно-профессионального образования, с другой — повышения духовно-нравственной культуры молодых специалистов.

Работа со студентами, выяснение их отношения к преподаванию религиоведческих дисциплин продолжается. Единого мнения не было и ныне не существует, тем не менее общую тенденцию выявить удалось. Обучающаяся молодежь разных факультетов интересовалась в основном курсами, близкими к их специализации. Филологи отмечали, что русскую культуру и литературу можно глубже понять и усвоить, изучая параллельно православную культуру. Юристы высказывались за введение курса «Мировые религии», при этом часть студентов хотели бы познакомиться с разными конфессиями по выбору на элективных занятиях. Учащиеся факультета ИЗО говорили о необходимости изучения образцов материального и духовного наследия религиозного искусства. Мониторинг 2012 г. среди старшекурсников (52 человека) показал возрастание интеграционных процессов светской и религиозной этики, проявление толерантности во взаимоотношениях с инаковерующими и даже нивелирование особенностей некоторых обычаев разных этносов (новогодние праздники, свадьбы, дни рождения и др.).

Рассматривая проблемы воспитания современной молодежи, важно отметить значимость религии, интерес к которой возрастает в связи с усилением внимания СМИ к этим вопросам, с одной стороны, а с другой — целенаправленной установкой органов образования укрепить религию в системе воспитания и образования как основу духовности. В результате в обществе сложилось мнение, что вера как духовный фактор человека является позитивным феноменом, помогающим вести достойный образ жизни. Вместе с тем следует сказать, что религиозность и свобода вероисповедания могут быть деструктивными,

когда они проявляются в виде тоталитарных сект, псевдонаучных и экстремистских организаций. Известный ученый А. Л. Дворкин в выступлениях на разных форумах, конференциях, на страницах научных изданий дал анализ подобным конфессиям, выявил причины их роста, показал способы вербовочной деятельности, под которую попадает в основном молодежь [2]. Соглашаясь с выводами ученого, следует отметить, что каждая среда и социум имеет свои особенности и требуют отдельного подхода.

Опрос студентов позволил определить причины интереса молодежи к сектам и разным культовым объединениям, часто приводящего к уходу из мирского социума. Главными причинами были названы неудовлетворенность духовных и культурных запросов, а также поиски чего-то нового, неординарного. В результате обмена мнениями студенты рассказали, как некоторые из них попадали под влияние вербовщиков, таких объединений, как «Свидетели Иеговы», «Мария Дэви Христос», «Нью-Джеймс», «Братство Иллариона» «Народный дом» и др. Автор статьи посетила с двумя студентками, увлеченными оккультными учениями, секту, обратила внимание на изощренность лидера в его проповедях. Каждого нового посетителя присутствующие члены общества встречали аплодисментами и одобрительными возгласами. Периодически проповеди лидера прерывались произнесением своеобразных мантр или клише-речитативов с покачиваниями присутствующих, взявших за руки. Непроизвольно на время возникало чувство солидарности и единения. Студенткам первоначально это нравилось, но по мере изучения многих вузовских дисциплин, в том числе религиоведческих, и индивидуальной работы с ними они покинули секту.

Учитывая возрастающее влияние деструктивной идеологии и отсутствие у подавляющего большинства молодых людей иммунитета к антигуманной прозападной пропаганде, Министерство образования РФ рекомендовало в 2012/2013 учебном году ввести в учебных заведениях курс «Духовная культура и светская этика». Предлагался выбор модулей: история религий, христианство (православие, католицизм, протестантизм), ислам, буддизм, иудаизм. Изучение названного курса должно было способствовать выработке у молодых людей гуманистических ценностей, человеколюбия, справедливости, способности противостоять негативным факторам. Религиозное образование прошлых веков, затрагивающее фундаментальные основы бытия, доказало способность воспитания молодых людей при помощи воздействия на глубинные стороны души. Эти принципы использовались в методологии христианских и исламских учебных заведений при сохранении традиционной полиэтнической культуры с ее нравственными ориентирами воспитания человека в духе моральной стойкости, патриотизма. Эти проблемы ежегодно обсуждаются Русской православной церковью (РПЦ) на международных рождественских образовательных чтениях (с середины 90-х гг. XX в.), а также Научно-образовательной теологической ассоциацией (НОТА) и Советом исламского

образования, 5-й Всероссийский семинар которых прошел 11–13 марта 2021 г. Семинар был посвящен теме «Организация учебного процесса в вузе в соответствии с новыми требованиями законодательства РФ в сфере образования». Таким образом, вопросы духовного и светского образования находятся под пристальным вниманием Федеральной службы по надзору в сфере образования и науки.

Морально-этические установки самых распространенных мировых религий — христианства и ислама, — содержат гуманистические ценности взаимопонимания и благожелательного сосуществования людей в полиэтническом пространстве нашей страны и мире. Религиозная культура, диалог ислама и христианства способствуют консолидации общества, единению студенческой молодежи в процессе их обучения, общественной жизни, практических делах, стажировке и туристических поездках за рубеж. Так, к примеру, возрос интерес к посещению духовных центров и святых мест мусульман представителями разных этносов [1] Все это расширяет кругозор молодых людей, повышает уровень знаний об исламской культуре, способствует интеграции и социализации в решении определенных жизненных проблем.

Знакомство студентов с религиозными дисциплинами, морально-духовными ценностями ислама и православия вызвали определенную дискуссию, суть которой связана с противоречиями между канонами и реальной практикой. Вместе с тем учащиеся соглашались с заповедями Библии и предписаниями Корана о нормах человеческого общения. К примеру, студентки филологического факультета — В. К. и А. К. — заявили о своей причастности к вере, отметили, что соблюдение христианских заповедей укрепляет стержень нравственности, помогает в общении с сокурсниками и преподавателями. Студентка О. Ш. подчеркнула важность изучения религиозной культуры, проводя параллель с западными вузами. По ее мнению, соблюдение морально-этических норм религий способствует коммуникации и трудоустройству, поскольку в них преобладают человеколюбивые установки. Студенты единодушны в трактовке позитивной роли религиозной и светской этики, построенной на принципах всеобщей любви, благожелательности и человеколюбия. На этом строится диалог мировых религий, христианства и ислама. Во всех религиях существует единый смысловой постулат — «Как хотите, чтобы с вами поступали люди, так поступайте и вы с ними». Данное положение вошло в жизнь как **золотое правило** нравственности, оно является критерием определения хороших и плохих поступков. Правило было сформулировано до возникновения христианства и ислама древними мыслителями: греческим философом Фалесом (VI в. до н. э.), китайским ученым Конфуцием (VI–V в. до н. э.), римским политиком Сенекой (I в. до н. э.) и др. Широкое распространение оно получило с появлением Священных Писаний — Библии и Корана.

Студенты обсуждают морально-этические нормы, принятые в христианстве и исламе, находят в них кажущиеся противоречия, но в итоге постигают

истинное значение и непреходящую ценность нравственного поведения. Священные Писания содержат заповеди, демонстрирующие глубокий смысл равенства, взаимопомощи, сострадания, поддержки, миролюбия, — то, что составило основу христианского и исламского социализма и на что указывали теософы в начале XX в. Значительный вклад в разработку системы образования мусульман и приобщения их к европейской культуре внес просветитель тюркских народов И. Гаспринский, призывая молодежь овладевать знаниями, в том числе и духовной культурой [5].

Религиозные и светские этические учения нацелены на воспитание в человеке трудолюбия, чувства долга перед родиной и обществом, заботы об окружающей среде, недопущения убийства, грабежа, прелюбодеяния и др. Интегративное усвоение религиозных и светских нравственных ценностей возможно в любом формате. Так, например, на первый взгляд малозначимый факт проведения занятий преподавателем В. А. Купаловой с учащимися колледжа «Арбат» МГПУ (данные 2009–2014 гг.) в музее вызвал у ребят чувство восхищения и гордости героическими и трудовыми подвигами отцов и дедов прошлых поколений. Они написали сочинения и эссе, в которых высоко оценили гражданскую и патриотическую позицию людей разных национальностей и вероисповеданий, и, в свою очередь, выразили готовность взять шефство над госпиталем для оказания посильной помощи [6].

Игнорирование воспитательной работы с молодежью рождает у представителей молодого поколения многочисленные заблуждения в вопросах нравственности, толкает их к восприятию западной культуры с индивидуалистскими установками. Проведенные репрезентативные исследования со студентами факультета ИЗО (2014 г.) показали, что треть из них позитивно оценили западный образ жизни, а четверть заявили о желании трудоустройства или стажировки за рубежом. К преподаванию религиозных дисциплин учащиеся относятся с одобрением, расценивая эти предметы как источник информации о мировой культуре. Большинство студентов сообщили, что относятся к вере в Бога индифферентно, однако около 80 % сказали, что в трудных ситуациях обращались к Всевышнему и участвовали в культовых обрядах. Возникает вопрос, когда можно считать человека верующим? Патриарх Алексей II сетовал, что многие люди, совершая обряды, считают себя приобщенными к религиозной культуре, но на деле они далеки от истинной веры в силу своих действий и поступков [13, с. 114–135]. С выводами владыки о проявлении лишь внешней религиозности нельзя не согласиться. Кроме того, следует отметить процесс коммуникации светской и религиозной этики, что ведет к заметному нивелированию обычаев и традиций разных конфессий [11].

Наиболее ошутимо интеграционные процессы и размывание граней между инаковерующими и представителями разных этносов проявляются в исламо-православном диалоге, их общении и совместных делах. Интересны высказывания студентов третьего курса Института права и управления МГПУ

о взаимоотношениях и роли православия и ислама в современном обществе. Репрезентативные исследования (2020 г.), проведенные с участием будущих преподавателей права, доказали, что диалог названных религий способствует приобщению к поликультурному наследию народов, сохранению и развитию экуменических контактов, экологии, создания благоприятных условий существования людей.

Студенты проявляют желание ознакомиться с обычаями и традициями разных народов. Учитывая многоконфессиональный состав населения страны, молодежь проявляет интерес к поликультурному наследию. Выявляя ценности духовного и материального наследия, они выясняют приоритеты религиозных постулатов. Студенты юрфака отметили психотерапевтическую роль религии для старшего поколения и людей среднего возраста. Обучающиеся на факультете ИЗО обратили особое внимание на эмоционально-культурный фактор воздействия религиозного искусства, видя в нем источник вдохновения и творчества.

Актуальность взаимодействия православия и ислама объясняется тесным географическим пространством, богословскими и научными контактами. Диалог между ними получил развитие на евразийском континенте и ныне расширяет масштабы. При изучении диалога названных конфессий студенты-юристы указали на близкие по смыслу нравственные установки, приоритет общечеловеческих ценностей, дух коллективизма, исполнения долга перед народом и отечеством. В своих эссе почти 90 % обучающихся в Институте права и управления написали, что ислам и христианство имеют единые мировоззренческие установки, общие исторические корни, включают в себя комплекс религиозных культур, признают ветхозаветных пророков. Вывод, сделанный студентами на основе морально-этических поучений, заключался в утверждении доброжелательной атмосферы между людьми без различий по этническим или религиозным признакам. Об этом свидетельствует окружающая действительность: молодежь воспринимает интегрированную культуру, теряет национальные корни, родной язык, традиции.

Взаимодействие христианской и исламской цивилизаций ныне приобретает новый формат, поскольку они выступают системообразующим фактором национального самосознания, согласуются с социально-бытовым укладом жизни, менталитетом соседствующих этносов и природно-географической средой. Ислам и православие выработали стиль евразийской духовности и нравственности на основе социальной психологии, быта, душевного состояния и менталитета этносов.

Отметим, молодое поколение, находясь в среде верующих, индифферентных и атеистов, так или иначе ощущает методы воздействия и воспринимает разную идеологию. Напомним политику воинствующего атеизма, взятого советской властью за основу в борьбе с религией. Современный атеизм трансформировался и, находясь в ареале разнородных общностей, априори

воспринял общечеловеческие добродетели. Студентка третьего курса юрфака С. Б., изучая данный вопрос, выяснила, что новый атеизм возник как реакция на религиозный экстремизм, с одной стороны, с другой — несоответствие служителей культа своим обязанностям (некомпетентность, корысть, прикрытие криминальных действий). Эти факты освещаются СМИ, обсуждаются студентами. В полемике возникает вопрос об интеграции социализма и религии, на чем настаивал до революции А. В. Луначарский, за что его раскритиковал В. И. Ленин, требуя отхода от религиозных воззрений [10].

Вопрос соотношения религии и атеизма остается дискуссионным и актуальным. Если в послереволюционный период атеизм рассматривался как государственная политика, то на современном этапе он находится в позиции изгоя, несмотря на его трансформацию. В свое время Ф. Энгельс утверждал, что сам по себе атеизм без религии не существует, а потому сам является религией (светской. — *Н. М.*). Из этого следует, что современный атеизм присущ обществу, развивается адекватно мировой цивилизации, основываясь на научных доказательствах.

Функционирование конфессиональных организаций, их идеология, культовая практика вызывает неоднозначную оценку. Приток беженцев на Европейский континент ныне привел к росту мусульманских общин, что требует переосмысления исламо-христианского диалога. Акцент делается на государственных структурах по внедрению в общественную жизнь элементов исламской идентичности. В этой связи появился новый термин — «евроислам», — означающий социализацию мигрантов мусульман в контексте евразийского пространства. Диалог христианства и ислама становится необходимым условием евразийской интеграции для укрепления единства этносов разных конфессий и противодействия силам, которые пытаются разжечь межрелигиозную рознь.

Заключение. Формирование духовно-нравственных ориентиров современной молодежи происходит в системном режиме развития страны, влияния на ее представителей внутренних и внешних факторов нахождения в социуме. Целенаправленная установка воспитания востребованных обществом личностей требует разработки и применения новых форматов воздействия на молодое поколение, которое призвано продвигать цивилизационное развитие страны на уровне самых сильных государств. Решение данной задачи базируется на общечеловеческих ценностях, нашедших отражение в социальных концепциях православной церкви и духовных управлений мусульман. Основу их составляют общенациональные идеалы, патриотизм, чувство долга и ответственности за судьбы народов страны. Президент В. В. Путин 30 марта 2021 г., выступая на Совете по межнациональным отношениям, отметил важность реализации инновационных проектов, направленных на укрепление единства российской нации. При этом он подчеркнул необходимость осознания

всеми гражданами общероссийской идентичности на основе единения этнической и конфессиональной общности народов страны. В преддверии Всероссийской переписи он предупредил о недопустимости дискриминации по этническим признакам, поставил задачу сохранения для молодежи языков народов РФ и уникальной многонациональной культуры.

В современных реалиях российского общества имеет место некая разобщенность, отсутствие понимания самоидентификации индивида и социальных групп. Для преодоления подобного негатива необходима трансляция ценностного опыта прошлых поколений, которые в тесном взаимодействии всех народов победоносно прошли все тяжкие испытания. Образование и воспитание молодежи как сфера социального бытия базируются на опыте прошлого, сохраняя ценностные установки духовной культуры и внося новаторские элементы. Поиски инновационных методов в работе со студентами отражаются в научных исследованиях, на конференциях, разных встречах и форумах. В этом плане интересные мнения были высказаны на международной конференции РУДН [3]. Диалог между сообществами, поколениями, представителями разных этноконфессиональных объединений и групп создает условия формирования у людей высокой морально-этической духовности, что может обеспечить достойное проживание на нашей планете.

Список источников

1. Ахмадуллин В. А. Актуальность опыта Советского государства и духовных управлений мусульман по сохранению мира, профилактике экстремизма и воспитания верующих в духе взаимопонимания // Ислам против религиозного экстремизма и терроризма: материалы международной конференции (22–23 июня 2015 г., г. Душанбе). Душанбе: Андалеб Р, 2015. С. 28–31.
2. Дворкин А. Л. Сектоведение. Тоталитарные секты. Опыт систематического исследования. 3-е изд. Н. Новгород: Братство во имя св. князя Александра Невского, 2002. 534 с.
3. Духовно-нравственная культура в высшей школе. Битва за победу: 75 лет спустя: материалы VII Международной научно-практической конференции (Москва, 29 января 2020 г.) / под общ. ред. М. А. Симоновой. М.: РУДН, 242 с.
4. Иоанн (Шаховской Дмитрий Алексеевич; архиеп. Сан-Францисский; 1902–1989.). Книга свидетельств. Нью-Йорк: Ιχθυς, 1965. 377 с.
5. Исмагиль Гаспринский = Исмаил Гаспринский: тарихи-документаль жыентык / [төзүчө: Сөлэйман Рэхимов]. Казан: Жыен, 2006. 544 с. (Шэхеслэребез = Наши знаменитости). (На тат. и рус. яз.).
6. Купалова В. А. Роль музея в формировании профессиональных компетенций будущих педагогов // Актуальные вопросы гуманитарных наук: теория, методика, практика. Памяти академика РАО Л. Н. Боголюбова: сб. научных статей / под ред. А. А. Сорокина. Вып 5. Т. 1. М.: Книгодел, 2018. С. 386–391.
7. Ленин В. И. Задачи союзов молодежи (речь на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г.) // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 41. М.: Политиздат, 1981. С. 298–318.

8. Ленин В. И. О значении воинствующего материализма // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 45. М.: Политиздат, 1970. С. 23–33.
9. Ленин В. И. Классы и партии в их отношении к религии и церкви // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 17. М.: Политиздат. 1968. С. 429–438.
10. Ленин В. И. Социализм и религия // Полн. собр. соч. 5-е изд. Т. 12. М.: Политиздат, 1968. С. 142–147.
11. Музафарова Н. И. Интеграционные тенденции татар и башкир в евразийском пространстве (исторический аспект) // Вестник экономики, права и социологии. 2019. Т. 2. № 3. С. 105–109.
12. Музафарова Н. И. Студенческая молодежь и религиозная коммуникация (социологические исследования) // Государство, общество, церковь в истории России XX–XXI веков: материалы XVIII Международной научной конференции (Иваново, 3–4 апреля 2019 г.). Иваново: Изд-во ИГУ, 2019. С. 350–355.
13. Патриарх Алексий. Служение делу христианского просвещения. М.: Софрино, 2008. 141 с.
14. Русское студенческое христианское движение за рубежом. Прага: Б. и., 1923; Париж: Б. и., 1929. 16 с.

References

1. Akhmadullin V. A. Aktual'nost' opyta Sovetskogo gosudarstva i dukhovnykh upravlenii musul'man po sokhraneniю mira, profilaktike ekstremizma i vospitaniia veruiushchikh v dukhe vzaimoponimaniia [The relevance of the experience of the Soviet state and the spiritual administrations of Muslims to preserve peace, prevent extremism and educate believers in the spirit of mutual understanding] // Islam protiv religioznogo ekstremizma i terrorizma: materialy mezhdunarodnoi konferentsii (Dushanbe, 22–23 iyunia 2015 g.). Dushanbe: Andaleb R, 2015. S. 28–31. (In Russ.).
2. Dvorkin A. L. Sektovedenie. Totalitarnye sekty. Opyt sistematicheskogo issledovaniia [Sectology]. 3-e izd. N. Novgorod: Bratstvo vo imia sv. kniazia Aleksandra Nevskogo, 2002. 534 s. (In Russ.).
3. Dukhovno-nravstvennaia kul'tura v vysshei shkole. Bitva za pobedu: 75 let spustia [Spiritual and moral culture in higher education. Battle to Win: 75 Years Later]: materialy VII Mezhdunarodnoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Moskva, 29 ianvaria 2020 g.) / pod obshch. red. M. A. Simonovoi. M.: RUDN, 242 s. (In Russ.).
4. Ioann (Shakhovskoi Dmitrii Alekseevich; arkhiep. San-Frantsiskii; 1902–1989.). Kniga svidetel'stv [Book of testimonies]. N'iu-Iork: Iχθυς, 1965. 377 s. (In Russ.).
5. Ismägyl' Gasprinskii = Ismail Gasprinskii: tarikhi-dokumental' žyentyk [Historical and documentary collection] / [tozyche: Sөләiman Rәkhimov]. Kazan: Жyен, 2006. 544 s. (Shәkheslәrebez = Nashi znamenitosti). (In Tatar & Russ.).
6. Kupalova V. A. Rol' muzeia v formirovaniі professional'nykh kompetentsii budushchikh pedagogov [The role of museums in the formation of professional competencies of future teachers] // Aktual'nye voprosy gumanitarnykh nauk: teoriia, metodika, praktika. Pamiati akademika RAO L. N. Bogoliubova: sb. nauchnykh statei / pod red. A. A. Sorokina. Vyp 5. T. 1. M.: Knigodel, 2018. S. 386–391. (In Russ.).
7. Lenin V. I. Zadachi soiuzov molodezhi (rech' na III Vserossiiskom s'ezde Rossiiskogo Kommunisticheskogo Soiuzа Molodezhi 2 oktiabria 1920 g.) [The tasks of youth unions (speech at the III All-Russian Congress of the Russian Communist Youth Union

on October 2, 1920)] // Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 41. M.: Politizdat, 1981. S. 298–318. (In Russ.).

8. Lenin V. I. O znachenii voinstvuiushchego materializma [On the meaning of militant materialism] // Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 45. M.: Politizdat, 1970. S. 23–33. (In Russ.).

9. Lenin V. I. Klassy i partii v ikh otnoshenii k religii i tserkvi // Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 17. M.: Politizdat, 1968. S. 429–438. (In Russ.).

10. Lenin V. I. Sotsializm i religiiia [Socialism and religion] // Poln. sobr. soch. 5-e izd. T. 12. M.: Politizdat, 1968. S. 142–147. (In Russ.).

11. Muzafarova N. I. Integratsionnye tendentsii tatar i bashkir v evraziiskom prostranstve (istoricheskii aspekt) [Integration tendencies of Tatars and Bashkirs in the Eurasian space (historical aspect)] // Vestnik ekonomiki, prava i sotsiologii. 2019. T. 2. № 3. S. 105–109. (In Russ.).

12. Muzafarova N. I. Studencheskaia molodezh' i religioznaia kommunikatsiia (sotsiologicheskie issledovaniia) [Student youth and religious communication (sociological research)] // Gosudarstvo, obshchestvo, tserkov' v istorii Rossii XX–XXI vekov: materialy XVIII Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii (Ivanovo, 3–4 apreliia 2019 g.). Ivanovo: Izd-vo IGU, 2019. S. 350–355. (In Russ.).

13. Patriarkh Aleksii. Sluzhenie delu khristianskogo prosveshcheniia [Serving the cause of Christian enlightenment]. M.: Sofrino, 2008. 141 s. (In Russ.).

14. Russkoe studencheskoe khristianskoe dvizhenie za rubezhom [Russian student Christian movement abroad]. Praga: B. i., 1923; Parizh: B. i., 1929. 16 s. (In Russ.).

УДК 94(47)063, 065, 066; 94 (574); 94 (575.1)
DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.08

Почекаев Роман Юлианович

доктор исторических наук, кандидат юридических наук, доцент, профессор
Высшая школа экономики
Санкт-Петербург, Россия
e-mail: pochekaev@hse.ru; orcid: 0000-0002-4192-3528

ХИВИНСКИЙ ФАКТОР РОССИЙСКО-КАЗАХСКИХ ОТНОШЕНИЙ В XVIII–XIX ВВ.

Часть 1: Казахские ханы на троне Хивы

Аннотация. В статье анализируется позиция Российской империи в отношении казахских ханов и султанов, претендовавших в XVIII в. на престол Хивинского ханства. Первоначально проблема заключалась в том, что, формально будучи российскими вассалами, казахские правители претендовали на ханство, находившееся в сфере влияния Персии, с которой Россия не собиралась портить отношения. В дальнейшем борьба казахских правителей за Хиву стала оказывать влияние на ситуацию в Казахской степи, что также беспокоило Россию, стремившую ее стабилизировать.

Ключевые слова: Российская империя, Казахская степь, Хивинское ханство, Персия, международные отношения в Центральной Азии XVIII в.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Pochekaev Roman Yu.

Doctor of Historical Sciences, Associate Professor
Higher School of Economics
Saint Petersburg, Russia
E-mail: pochekaev@hse.ru; orcid: 0000-0002-4192-3528

**THE KHIVAN FACTOR OF RUSSIAN-KAZAKH RELATIONS
IN XVIII–XIX CENTURIES****Pt. I: Kazakh khans on Khiva and the point of Russia**

Abstract. The article is an analysis of point of the Russian Empire towards the claims of Kazakh khans and sultans for the throne of the Khanate of Khiva. Firstly the problem was that Kazakh rulers who were Russian vassals claimed for the khanate which was under the Persian control, and Russia didn't want to worsen relations with Persia. Later the fight of Kazakh rulers for Khiva influenced on the situation in the Kazakh Steppe where as Russian authorities tried to stabilize it.

Keywords: Russian Empire, Kazakh Steppe, Khanate of Khiva, Persia, international relations in the Central Asia of the 18th c.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 19-18-00162) implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

Введение. Отношения потомков Чингис-хана, правивших в многочисленных государствах Центральной Азии, возникших после распада Монгольской империи, отличались запутанностью династических, генеалогических и политических взаимосвязей. С этой запутанностью пришлось столкнуться представителям Российской империи в процессе ее продвижения в регионе. Поэтому неудивительно, что события в одном из тюрко-монгольских государств Центральной Азии могли существенно влиять на отношения российских властей с правителями других народов или государств региона.

В данном исследовании предпринимается попытка проследить, в какой мере события в среднеазиатском Хивинском ханстве оказывали влияние на развитие отношений российских центральных властей и пограничной администрации с правителями Казахской степи. Первая часть исследования посвящена анализу периода 1740–1790-х гг., когда казахские ханы находились на троне Хивинского ханства, причем далеко не всегда соотнося свои действия при вступлении на трон и в процессе дальнейшего правления с позицией российских властей.

Информация о правлении казахских ханов в Хиве содержится в сочинениях восточных авторов (персидские историки Мехди-хан Астрабади и Мухаммад Казим, хивинский придворный Мунис), записках российских современников,

побывавших в Казахской степи и Хивинском ханстве рассматриваемого периода (Д. Гладышев, И. Муравин, Г. Тебелев, В. Копытовский, Д. Рукавкин, П. Чучалов, Я. Гуляев, Е. И. Бланкеннагель), а также в официальной переписке российских центральных и региональных властей с представителями казахской правящей элиты.

Сведения о правлении представителей казахского ханского рода в 1720–1790-х гг. в Хивинском ханстве неоднократно привлекали внимание исследователей. Этот период нашел отражение в работах по истории Хивинского ханства и русско-хивинских отношений [1; 3; 23; 24], общей истории народов Приаралья [4], конечно же, в исследованиях по истории Казахстана и русско-казахских отношений [2; 12; 32] и др. Некоторые авторы посвятили специальные работы генеалогии и хронологии правления казахских ханов в Хиве [33; 36, с. 619–620] и отдельным эпизодам — в частности пребыванию на хивинском троне Абулхаира [34]. Однако, насколько нам известно, вопрос о влиянии правления в Хиве казахских ханов именно на русско-казахские отношения до сих пор специально не исследованы.

Основная часть. В рамках данного периода достаточно четко выделяются три этапа пребывания казахских ханов и султанов на хивинском троне, которые мы и намерены поочередно проанализировать в контексте развития русско-казахских отношений.

Персидское владычество (1740–1747). Первоначальные планы Российской империи использовать казахских правителей как орудие распространения имперского влияния на Хиву имели место в 1730-х гг., т. е. в первые годы после принятия в российское подданство ряда казахских родов и племен во главе с Абулхаиром, ханом Младшего жуза. Наиболее четкое выражение эти намерения нашли в так называемом «проекте» первого оренбургского начальника И. К. Кирилова, который вслед за Петром I видел в завоевании Хивы первый шаг на пути в Индию, которая представлялась российской правящей элите весьма привлекательным торговым партнером. Согласно предложениям Кирилова, для реализации этих планов даже не понадобится участие российских войск: хан Абулхаир, сможет осуществить ее захват своими силами [20, № 9, с. 26–27]. Основанием позиции оренбургского начальника стали заявления самого хана, который еще в процессе переговоров о вступлении в российское подданство озвучил имперскому представителю А. И. Тевкелеву свое намерение захватить Хиву [18, с. 179–180; 34, с. 67].

Императрица Анна Иоанновна одобрила предложения И. К. Кирилова, приказав «в том ему (хану. — *Р. П.*) не токмо не мешать, но и поощрять, токмо наших собственных войск в помощь на Хиву не давать. Но помогать ему порохом и ружьем, также и людьми, где потребно будет, только такими, которые из башкирцов и татар выберутся охотники» [16, № 51, с. 116;

см. также: 2, с. 103; 4, с. 33; 8, с. 68–69; 18, с. 188]. Есть все основания полагать, что подобное распоряжение объяснялось свежей памятью о трагически завершившейся экспедиции кн. А. Бековича-Черкасского в 1716–1717 гг., а также отсутствием достаточной информации о ситуации в Хивинском ханстве, несмотря на периодический обмен с ним посольствами (см.: [8, с. 50 и след.]).

Однако планы российских властей перечеркнула завоевательная деятельность Надир-шаха (1736–1747), который после победоносного похода на Индию в 1739 г. решил подчинить своей власти также и Туркестан, т. е. среднеазиатские ханства. И если Бухара в лице хана Абу-л-Файза и всесильного временщика Мухаммад-Хаким-бия Мангыта сразу признала вассальную зависимость от персидского шаха, то хивинский хан Ильбарс III решился оказать ему сопротивление, закончившееся, впрочем, его гибелью.

Ильбарс принадлежал к казахскому правящему роду и, более того, приходился двоюродным братом вышеупомянутому хану Абулхаиру, который, по некоторым сведениям, даже готовился присоединиться к нему для совместной борьбы против персов [10, с. 190–191; 34, с. 68–69]. Неудивительно, что хивинская знать именно его пригласила на освободившийся трон после гибели родича.

Эти события совпали с отправкой в Младший жуз российской миссии Д. Гладышева и И. Муравина, которые, узнав об отъезде Абулхаира в Хиву, были вынуждены последовать за ним. Принимая русских дипломатов, хан заявил: «Я благодарю бога, что теперь Хива в подданстве е. и. в. и я в оной ныне ханом», — однако Д. Гладышев в своем отчете не преминул отметить, что «сидячия при нем старшины молчали и ничего не говорили» [16, № 76, с. 178; 21, с. 59; 10, с. 192; 16, № 69, с. 133]. Таким образом, Абулхаир старался продемонстрировать, что, заняв хивинский трон, действует в российских интересах, что не вызвало горячей поддержки хивинской знати¹.

Более того, и сама Российская империя в данный период совершенно не стремилась к реализации своих прежних планов по присоединению Хивинского ханства. Дело в том, что всего за несколько лет до воцарения Абулхаира в Хиве российским дипломатам удалось не без труда заключить мир с Надир-шахом (Гянджийский договор 1735 г.), причем, согласно его условиям, России даже пришлось вернуть Персии практически все территории, которые были завоеваны во время победоносного Персидского похода Петра I (1722–1723) [5, с. 46 и след.; ср.: 38, р. 226; 39, р. 84–86]. В связи с этим заявление Абулхаира могло повлечь крайне негативные последствия для последующего развития русско-персидских отношений.

Именно поэтому Россия была готова вести переговоры с Персией не только по поводу своих кавказских, но и центральноазиатских владений, правда,

¹ Еще в 1731–1732 гг. Абулхаир несколько раз направлял своего сына Нурали в Хиву, чтобы склонить ее к принятию российского подданства, однако ему было сказано, что он «волю имеет в киргис-кайсаках, а в Хиве-де ему воли нет, и здесь-де в Хиве слушать его, Абулхаир-хана, никто не будет, и он-де затеял безделицу» [15, с. 103; 16, № 37, с. 90; № 40, с. 95–96; см. также: 4, с. 103; 33, с. 285].

исключительно в отношении Казахской степи (территорий Младшего жуза), а никак не Хивинского ханства. Однако Абулхаир, в рамках «личной унии» соединивший власть над казахским Младшим жузом и Хивой, спутал все карты российским властям: узнав о приближении Надир-шаха к Хиве, он выслал ему навстречу посольство во главе с И. Муравиным, которому поручил от имени императрицы Анны Иоанновны заявить, что Абулхаир является российским подданным и что, если Надир-шах намеревается быть в мире с Россией, ему следует воздержаться от взятия Хивы [16, № 74, с. 170–171; см. также: 4, с. 62; 13, с. 79].

Надир-шах, несомненно, также понимавший сложившуюся ситуацию и разделявший позицию российских властей (вероятно, доведенную до него на переговорах в 1735 г.), со своей стороны, также готов был признать Абулхаира полноправным владельцем Младшего жуза, но при этом — своим вассалом на троне Хивинского ханства. В ответ на переданные ему российскими дипломатами слова хана он пригласил его на личную встречу, заявив: «как е. и. в. изволит его жаловать, так и я его жалую» [22, с. 84]. В результате могла сложиться ситуация, что Абулхаир превратился бы в «двоеданца»², имевшего обязательства как перед Россией, так и перед Персией. Некоторые исследователи полагают, что, выдвинув такие условия, Надир-шах заранее предполагал, что Абулхаир на них не согласится, желая таким образом удалить амбициозного казахского правителя из Хивы. В таком случае его намерение было достигнуто: хан заподозрил ловушку и бежал из Хивы, которая вскоре была захвачена Надир-шахом, который возвел на престол некоего Мухаммада Тахир-хана. Персидский правитель, довольный уступчивостью России в отношении Хивы, продемонстрировал свое дружелюбие, освободив нескольких русских пленных и даже выделив им некоторые средства, чтобы добраться до российских владений [13, с. 79–80; 16, № 76, с. 179; 18, с. 202; 32, с. 55–56].

Абулхаир не пожелал смириться с утратой Хивы. Воспользовавшись недовольством хивинцев по поводу засилья персов в ханстве при марионеточном хане, он сумел сначала возвести своего старшего сына Нурали на трон Аральского владения³, а затем вступил в переговоры с хивинской оппозицией персам. Согласно сведениям русского разведчика капитана Г. Тебелева, весной 1741 г. Нурали во главе соединенных сил Аральского владения и туркменских племен подошел к Хиве, ворота которой ему открыли его городские союзники. Тахир-хан бежал и вскоре был убит, а сын Абулхаира воцарился в ханстве [27, с. 220]. Воспользовавшись ослаблением позиций персов в Хиве, российская пограничная администрация направила к Нурали миссию во главе

² Феномен «двоеданничества» был широко распространен не только среди казахских, но также и сибирских кочевых подданных России, чему посвящена специальная исследовательская работа [7].

³ Формально являясь частью Хивинского ханства, это полуавтономное владение периодически выступало против центральных властей Хивы и провозглашало своими независимыми владениями претендентов на хивинский трон (см. подробнее: [25]).

с тем же Д. Гладышевым, который вез новому хивинскому хану «присяжный лист» для подписания и тем самым передачи Хивы в российское подданство. Тем не менее обстановка складывалась таким образом, что дипломат не осмелился сам направиться к Нурали, послав вместо себя своего спутника-казаха, однако никакого ответа из Хивы не последовало [10, с. 199–200; 13, с. 80–81].

Дело в том, что вскоре персы вновь перешли в наступление и, в свою очередь, заставили Нурали бежать из Хивы. Ни он сам, ни его отец не собирались отказываться от претензий на власть над этим среднеазиатским ханством, — более того, с некоторого времени они стали рассматривать восстановление контроля над ним как возможность выйти из подчинения России. Д. Гладышев сообщал, что во время пребывания в кочевьях Абулхаира, слышал, что «оной хан думал, между прочим, акиб разговаривал, что когда он в Хиве ханом застанет, то б от подданнова е. и. в. отложится» [16, № 76, с. 182; 34, с. 72]. Его бывший спутник, прапорщик И. Муравин, побывавший в казахских кочевьях в марте 1743 г., также отмечал в отчете по итогам поездки, что Нурали более заинтересован в хивинских делах, нежели в поддержании своего статуса российского вассала [16, № 108, с. 277].

Персы возвели на престол в Хиве своего очередного ставленника (примечательно, что им стал Абу-л-Гази II, сын убитого персами же Ильбарса III), однако это не стабилизировало положения в ханстве. Очередной российский разведчик, капитан В. Копытовский в июле 1745 г. сообщал из туркменских кочевий: «А ныне что де в Хиве делается, того не знаем», — упомянув, впрочем, что при марионеточном правителе имеется также «персидский хан», действующий на основании «шаха указа» [27, с. 232; 28, № 41, с. 76; ср.: 6, с. 211]. Не желая и далее рисковать отношениями с Персией, Коллегия иностранных дел Российской империи 10 октября приняла решение признать Хиву частью персидских владений и выстраивать политику пограничных властей соответствующим образом. В результате, когда в 1745 г. хивинский посол Хаджи-Мухаммад Турсунов прибыл в Астрахань, местная администрация отправила его обратно, не вступая в переговоры, заявив, что Хива не является самостоятельным государством [13, с. 81]. Аналогичным образом, когда Абулхаир в том же году сообщил оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву, что его сын Нурали вновь приглашен на хивинский трон, администратор постарался отговорить его от принятия приглашения. Однако хан и его сын упорствовали, и лишь письмо супруги Нурали (до сих пор томившейся в Хиве после бегства супруга в 1742 г.) заставило их отказаться от своих намерений: она написала, что приглашение ему — это ловушка, которую готовят персы с целью его убийства [9, с. 97; 18, с. 211; 19, № 41, с. 130–131; № 45, с. 135].

Таким образом, в период персидского владычества в Хиве не приходится говорить о какой-либо попытке российской колонизации ханства руками казахских ханов и султанов. Тем не менее нельзя не согласиться с доводом И. В. Ерофеевой, что пребывание хана Абулхаира и его сына на троне

Хивы в этот период могло способствовать укреплению позиций его семейства в ханстве, что нашло отражение в пребывании на хивинском троне целого ряда его потомков: сына Ерали (1748, 1750), внуков Болекея (1770), Агыма (1770–1772) и Артук-Гази (1774–1775) [12, с. 334, 393; ср.: 3, с. 63; 4, с. 67]. Однако это произошло уже во время следующего этапа пребывания казахских правителей на хивинском троне.

«Игра в ханы» (1750–1770). Гибель Надир-шаха в 1747 г. привела к крушению его империи и утрате контроля над вассальными государствами, в том числе над Хивинским ханством, вновь вернувшем независимость. Однако вместе с тем началась настоящая чехарда в результате постоянных смен на троне ханов из различных ветвей казахских и узбекских Чингизидов, которую персидский историк XIX в. Абд ал-Карим Бухари метко назвал ханбази, т. е. «игрой в ханы» [40, р. 180]. Однако тот факт, что среди приглашавшихся на престол были казахские ханы и султаны, официально числившиеся в российском подданстве, заставил Коллегию иностранных дел 13 августа 1750 г. отменить прежний указ и восстановить полноценные отношения с Хивинским ханством как самостоятельным субъектом международных отношений, а также предписать оренбургскому губернатору И. И. Неплюеву признавать ханов Хивы и всячески стремиться к расширению торговли с ней [9, с. 96–97; 13, с. 83; ср.: 24, с. 453–454]. Таким образом, Россия вновь показывала, что не намерена устанавливать политический контроль над Хивой [23, с. 48; 34, с. 73].

Первым казахским ханом, вступившим на престол Хивы после изгнания персов, стал Каип, сын султана Батыра, одного из правителей Младшего жуза, номинально признававшего российское подданство. Как верный сын, он стал настаивать на том, чтобы торговцы из Хивы и в Хиву вели караваны через владения султана Батыра, тем самым желая обеспечить своему отцу дополнительный доход. Естественно, имперская администрация не могла выполнить это требование, поскольку делала ставку на Абулхаира и его сына Нурали [9, с. 98–99; 18, с. 226]. Уже это не позволило сразу наладить конструктивные отношения хана Каипа с российскими властями.

Однако в дальнейшем эти отношения еще больше ухудшились. После гибели хана Абулхаира в 1748 г. российские власти поддержали претензии его сына Нурали на трон Младшего жуза, на который также предъявил права и Батыр. И хивинский хан, конечно же, со своей стороны поддержал отца, направив к нему посольство с признанием его в качестве хана и с богатыми дарами, чтобы тот мог переманить на свою сторону влиятельных султанов и батыров жуза [2, с. 171; 8, с. 102]. В результате был создан прецедент участия Хивинского ханства с казахскими монархами во главе в междоусобицах в Младшем жузе, из которого они происходили и с которым продолжали сохранять тесные связи [13, с. 75]. Правда, оказать более существенную поддержку отцу Каип не мог, поскольку и сам довольно неуверенно чувствовал себя

на хивинском троне и неоднократно обращался к отцу за поддержкой, которую тот и оказывал ему, совершая походы на хивинскую оппозицию в 1748 и 1750 гг. Как писали в Коллегию иностранных дел И. И. Неплюев и А. И. Тевкелев, Каип «силы никакой не имел» [11, с. 86; см. также: 9, с. 95; 10, с. 215]. Забегая немного вперед, отметим, что российские власти, конечно же, не признали прав Батыра и его преемников, которые продолжали претендовать на трон и после его смерти в 1770 г., именуя их каракалпакскими ханами в отличие от легитимных (в глазах Российской империи) ханов Младшего жуза из рода Абулхаира [10, с. 216; 16, № 88, с. 211].

Чувствуя поддержку российских властей, Нурали вступил в открытую вражду с Каипом, нападая на хивинские караваны, причем попытался вовлечь в конфликт и русских. В июне 1750 г. он объяснял переводчику Я. Гуляеву: «...паче всего де мне со всей нашей фамилией полезно было, когда город Хива во владение на нашу фамилию достался, тогда серебра более в десять мер, нежели ныне, вывозу было и всех киргизов в лучшую верность и подобострастие привести мог» [9, с. 101–102]. Однако хан, как и прежде, отнюдь не связывал переход Хивы под власть его семейства с ее принятием в российское подданство и намеревался извлечь выгоды для себя самого. Неудивительно, что российские власти не оказали ему поддержки и, напротив, неоднократно пытались помирить Нурали-хана и с султаном Батыром, и с Хивой [16, № 196–197, с. 510–515]. Их усилия давали некоторый эффект: Каип в 1751 г. направлял послания о дружбе астраханскому губернатору И. О. Брылкину и самой императрице Елизавете Петровне, а в 1752 г. — Нурали-хану, которому предлагал помириться [19, № 135, с. 360–361; 37, № 641–642, с. 322–323]. Но затем вражда возобновлялась [10, с. 221; 13, с. 84–85].

В 1753 г. Каип в очередной раз оказался в затруднительном положении: хивинские сановники намеревались сместить его и пригласить на трон либо Ак-Ходжу, сына покойного хана Ильбарса, либо Ерали-султана, брата Нурали-хана [9, с. 103]⁴. Неудивительно, что даже не слишком влиятельный среди собственных подданных Нурали-хан осмеливался достаточно активно враждовать с ним. Чтобы примирить двух правителей, И. И. Неплюев решил направить собственную миссию в Хиву для объяснений с ханом Каипом. Торговый караван самарского купца Д. Рукавкина, в составе которого находились два оренбургских чиновника — П. Чучалов и Я. Гуляев, — прибыл в Хиву, однако в крайне неудачный момент. Как раз накануне его прибытия Каип, решив укрепить свою власть, расправился с влиятельным хивинским сановником Кураз-беком, многочисленные родственники которого восстановили против него население Аральского владения и туркменские племена и призвали на ханство Ерали-султана — брата Нурали [11, с. 88]. Каипу удалось подавить мятеж и даже захватить в плен Ерали (которого, впрочем, через шесть дней

⁴ С. Д. Атдаев ошибочно считает, что речь идет о Ходжа-Ахмаде — уже скончавшемся к этому времени сыне Абулхаира [4: с. 78].

он отпустил в Степь) [9, с. 120–121], но для этого он конфисковал товары Д. Рукавкина, а русских дипломатов посадил под арест, заподозрив в них шпионов Нурали и даже намереваясь казнить, заявив при этом, что «России вовсе нет дела до разбирательства» его споров с семейством Абулхайра [10, с. 223].

В результате впервые с гибели экспедиции князя Бековича-Черкасского русско-хивинские отношения настолько обострились, причем, как можно увидеть, именно из-за конфликта двух кланов правящего семейства казахского Младшего жуза! Чтобы освободить своих посланцев и при этом не допустить прямых военных действий И. И. Неплюев впервые решился применить в отношении Хивинского ханства экономические санкции, приказав задержать в Оренбурге хивинских купцов. Узнав об этом, Каип немедленно освободил членов каравана Д. Рукавкина [13, с. 85; 29, с. 26]⁵.

Любопытно отметить, что вместе с вернувшимся караваном в Оренбург прибыл хивинский посол... с жалобой на собственного хана Каипа, которого хивинцы надеялись свергнуть при помощи России. По вышеупомянутым причинам российские власти продолжали воздерживаться от прямых военных действий против Хивы. Поэтому 2 апреля 1755 г. Коллегия иностранных дел дала послу ответ, порекомендовав обратиться за помощью к «казахским владельцам» [10, с. 229]. Выбор хивинских дипломатов пал на давнего претендента на хивинский трон — Ерали-султана, брата Нурали, который вскоре решил попытать счастье в борьбе за Хиву. Весьма интересно, что он, в отличие от брата, не пытался получить вооруженную поддержку от России, лишь попросив И. И. Неплюева заплатить выкуп, если он потерпит поражение и попадет в плен. И хотя оренбургский губернатор в принципе одобрил его действия и даже пообещал выплату выкупа, поход не состоялся: ханскому брату не удалось собрать достаточно войск и убедиться в поддержке влиятельных хивинцев, а кроме того, капитан князь Максюттов, российский эмиссар в Младшем жузе, сообщил, что этот поход «запретил» султану некий ходжа [18, с. 228].

Непродуманные действия хана Каипа, несмотря на благополучное возвращение каравана Д. Рукавкина в Оренбург, привели к фактическому прекращению русско-хивинских отношений: лишь в 1762 и 1783 гг. в Россию прибывали хивинские посольства, но никаких существенных последствий переговоры с ними не имели [13, с. 87, 91]. Однако это не означало снижения активности казахских правителей в попытках занять хивинский трон, причем с неоднократными попытками вовлечения в свои намерения и российских властей.

Наиболее энергичные действия в этом направлении, как и прежде, предпринимал хан Нурали, содействовавший своим многочисленным родственникам в занятии хивинского трона. Так, 14 февраля 1766 г. он направил послание императрице Екатерине II, в котором сообщал, что его зять Шахгази

⁵ Подобные меры против Хивы и Бухары оренбургские власти применяли несколько раз в XIX в.: к ним прибегали губернаторы В. А. Перовский в 1836 г., А. А. Катенин — в 1858 г., и А. П. Безак — в 1862 г. [26].

(сын Абулгази II и внук Ильбарса) стал хивинским ханом, и теперь «у хивинского народа дела имеют быть при высочайшей е. и. в. державе от меня не в удалении». Впрочем, чтобы его собственный интерес в хивинских делах не так бросался в глаза, он обещал монархине, что поручит зятю обеспечить безопасность караванных путей и решить вопрос с возвратом российских пленников. В очередном послании императрице 21 ноября 1770 г. хан Младшего жуза направил близкое по содержанию послание, сообщая на этот раз, что трон занял его родной племянник султан Агым.

А в послании от 1 сентября 1776 г. (адресованному уже оренбургскому военному губернатору И. А. Рейнсдорпу) Нурали жалуется на изгнание из Хивы своего сына Артук-Гази, которого еще и ограбили по дороге. В ответ на это, писал хан, он разграбил хивинский караван: подобного рода компенсации имущественного ущерба были вполне распространены среди кочевников Центральной Азии. Однако ситуация вышла из-под контроля, в связи с тем что один из караванщиков, попавший в плен к казахам, умер, и хан опасался, что это может существенно подорвать его отношения с Хивой [37, № 490, с. 156, № 508, с. 186, № 550, с. 236; см. также, 18: с. 227].

В 1777 г. уже не сам Нурали, а его сын Пирали, несколькими годами ранее провозглашенный туркменами Мангышлака (номинально признававшими власть хивинских ханов) своим ханом, в свою очередь, направил астраханскому губернатору И. В. Якоби прошение о приеме туркмен в российское подданство. Губернатор переслал его прошение в Коллегию иностранных дел, глава которой, граф И. А. Остерман, ответил, что «настоящее его тухменское ханство еще отнюдь ненадежно, поелику ж, скучась пребыванием своим в народе еще малопослушным, по-прежнему в природную свою киргис-казацкую Орду возвратиться может, или и сами тухменцы от себя его выгонят, выгоняли ж часто и хивинцы своих ханов из киргис-казацких солтанов выбираемых» [17, с. 192].

Как видим, все эти ханские послания содержали прозрачный намек на необходимость российской помощи для укрепления позиций семейства Нурали в Хивинском ханстве. Однако имперские власти вполне благоразумно не реагировали, видя, что «игра в ханы» не позволит установить прочного контроля над Хивой и не принесет экономических выгод. И для российской администрации не было секретом, что казахские ханы, как и их узбекские соперники на троне Хивы, являлись всего лишь марионетками — ставленниками тех или иных политических сил в ханстве [1, с. 22; 10, с. 211–212; 23, с. 49].

Возвышение Инаков (Кунгратов) (1770-е гг. – начало XIX в.). Лишь в 1770-е гг. ситуация в Хивинском ханстве несколько стабилизировалась: Мухаммад-Амин, инак (наместник) Хивы из рода Кунграт сумел одержать победу над другими могущественными кланами узбекских эмиров и взять под контроль ситуацию в ханстве. Он передал власть над Хивой своему сыну Авазу, также унаследовавшему статус инака, чье положение еще больше укрепилось благодаря тому,

что в 1790 г. умер хан Нурали, а годом позже — его многолетний соперник Каип, в результате чего, как отмечают современные исследователи, завершилась эпоха казахских ханов, которые не только вели себя самостоятельно в собственных владениях, но и активно вмешивались в дела соседних ханств [2, с. 196].

На трон Хивы продолжали возводиться номинальные ханы из рода Чингисхана, но уже ни у кого не возникало сомнений, что реальная власть сосредоточена в руках инаков из рода Кунграт. Неудивительно, что очередное хивинское посольство в Россию в 1793 г. пришло уже не от имени хана, а от Аваза-инака, который просил российские власти прислать к нему врача, чтобы тот помог его дяде, потерявшему зрение. Имперские власти, приняв во внимание изменение ситуации в ханстве, на этот раз отреагировали положительно и направили в качестве такого медика майора Е. И. Бланкеннагеля [13, с. 91–93], записки которого содержат весьма интересную информацию о политической ситуации в ханстве и его международных связях.

Согласно сведениям майора-медика, на хивинском троне в это время находился некий «каракалпацкий хан», который «в правительстве значит меньше всех; три раза в год показывается он народу, окруженный теми, которые делами правят; в прочее же время сидит взаперти под строгим присмотром. В придворном его содержании не соблюдается даже благопристойности, и нередко в самом необходимом претерпевает нужду» [14, с. 12]. Ничтожность статуса хана подчеркивается тем, что Бланкеннагель даже не удосужился назвать его имени, либо так и не узнав его, либо сочтя эту деталь столь же незначительной, как и сам номинальный правитель. Хивинский историк первой трети XIX в. Шир-Мухаммад Мираб Мунис упоминает этого хана под именем Абу-л-Гази IV, сын Абдаллаха [31, с. 94; 41, р. 81]. Тот факт, что он был назван «каракалпацким ханом», позволяет отнести его к потомству вышеупомянутого хана Батыра. В таком случае его отец Абдаллах — это султан Карабай, сын Батыра и брат Каипа, краткое время занимавший хивинский трон после бегства Каипа в 1757 г., а сам Абу-л-Гази, следовательно, племянник Каипа (см. также: [10, с. 237–238; 24, с. 436–437; ср.: 33, с. 287]).

Незначительность хана, вероятно, ввела в заблуждение Е. И. Бланкеннагеля, и он поспешил объяснить ее продолжением внутренних беспорядков в ханстве, высказав мысль, что Хива находится в политическом упадке и легко может быть завоевана русскими. По его словам, достаточно было пяти тысяч солдат и нескольких тысяч казаков, которые после завоевания ханства могли бы поселиться здесь для обеспечения имперского контроля. Внутри ханства их, по мнению майора, должны были поддержать тысячи русских и особенно персидских пленных, которые помогут любому врагу Хивы.

Наибольший интерес вызывает суждение Бланкеннагеля о результатах такого похода: в отличие от своих предшественников первой половины XVIII в., он считает наиболее важным не открытие пресловутого пути в Индию,

а то, что «меньшая Киргизказацкая орда, между Оренбургом и Аральским озером находящаяся, могла бы быть совершенно покорна России» [14, с. 20; см. также: 24, с. 460]. Таким образом, даже к концу XVIII в. Россия достаточно тесно увязывала ситуацию в Хивинском ханстве с собственной политикой в Казахской степи.

Изменившуюся ситуацию в Хиве и усиление влияния временщиков-инаков Е. И. Бланкеннагель не принял во внимание, что, как ни странно, оказалось более очевидным для имперских властей, которые не оказали поддержки проекту майора. И, как оказалось, были правы: все больше урезая права своих ставленников-ханов, Кунграты усиливали собственные позиции и в 1804 г. сами заняли ханский престол. А уже несколькими годами позже эти ханы, не принадлежавшие к роду Чингис-хана стали распространять свой контроль на казахских правителей Младшего жуза, время от времени даже провозглашая некоторых из них ханами, но уже в качестве собственных вассалов. Однако это тема для отдельного исследования.

Заключение. Вышеприведенные наблюдения позволяют сделать следующие выводы.

Во-первых, приход казахских ханов к власти в Хивинском ханстве отнюдь не был результатом российской политики в регионе. Более того, в ряде случаев имперские власти прямо предписывали казахским правителям не предпринимать попыток занятия хивинского трона. Напротив, занятие престола Хивы казахскими султанами увеличивало вовлечение ханства в дела Младшего жуза, поскольку хивинские ханы активно участвовали в казахских междоусобицах на стороне своих отцов, братьев и т. д. Впоследствии эта тенденция была продолжена и новыми хивинскими монархами из рода Кунгратов.

Во-вторых, активизация российско-хивинских связей в рассматриваемый период происходила в большей степени по инициативе казахских правителей, которые при этом хотели играть ведущую роль в поддержании контактов Российской империи с Хивинским ханством.

Наконец, можно утверждать, что пребывание казахских ханов на троне Хивы представляет значительный интерес именно в контексте российско-казахских отношений. Оно позволяет прояснить ряд особенностей взаимоотношений имперских властей и казахских вассальных правителей в XVIII в., специфику понимания казахами своего вассального положения и особенности статуса отдельных ханов и султанов из числа как признаваемых, так и не признаваемых Россией в их статусе.

Список источников

1. Абдурасулов У. От Арабшахидов к Кунградам: динамика и политический ландшафт Хорезма в период правления двух династий // *O'zbekiston tarixi*. 2013. № 2. С. 17–32.
2. Акимбеков С. М. Казахстан в Российской империи. Алматы: Ин-т азиатских исследований, 2018. 562 с.

3. Аллаева Н. А. История внешних связей Хивинского ханства в XVI – 70-х годах XIX в.: автореф. ... д-ра ист. наук. Ташкент: Б. и., 2019. 82 с.
4. Атдаев С. Д. Туркмены Хивинского ханства в XVIII веке. Казань: ИГМА-Пресс, 2010. 130 с.
5. Базиленко И. В. Очерки истории российско-иранских отношений (конец XVI – начало XX вв.). СПб.: Аргус СПб, 2017. 432 с.
6. Бирзе А. К истории каракалпаков XVIII в. // Красный архив. 1939. № 1 (92). С. 177–213.
7. Боронин О. В. Двоеданничество в Сибири. Барнаул: Азбука, 2003. 217 с.
8. Васильев Д. В. Россия и Казахская степь: административная политика и статус окраины. XVIII – первая половина XIX века. М.: Политическая энциклопедия, 2014. 471 с.
9. Вельяминов-Зернов В. В. Исторические известия о киргиз-кайсаках и сношениях России со Средней Азией со времени кончины Абул-Хайыр хана (1748–1765 гг.) // Букеевской Орде 200 лет: в 6 кн. Кн. 1. Алматы: Өлке, 2001. С. 7–161.
10. Веселовский Н. И. Очерк историко-географических сведений о Хивинском ханстве от древнейших времен до настоящего. СПб.: Типография бр. Пантелеевых, 1877. VIII + 364 с.
11. Добросмыслов А. К истории наших сношений с Хивой. Донесение переводчика Гуляева и канцеляриста Чучалова канцелярии Оренбургского губернатора о прибытии их в Хиву, о событиях, происходивших в это время в Хивинском ханстве, и о стеснениях, каким они подвергались по распоряжению хана // Протоколы заседаний и сообщения членов Туркестанского кружка любителей археологии. Год XIV. Ташкент: Б. и., 1910. С. 69–90.
12. Ерофеева И. В. Хан Абулхаир: полководец, правитель, политик. 3-е изд., испр. и доп. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. 456 с.
13. Жуковский С. В. Сношения России с Бухарой и Хивой за последнее трехсотлетие. Пг.: Типолитография Н. И. Евстифеева, 1915. XII, 215 с.
14. Замечания майора Бланкеннагеля впоследствии поездки его из Оренбурга в Хиву в 1793–94 годах. СПб.: Типография Морского министерства, 1858. 32 с.
15. История Казахстана в русских источниках. Т. III. Журналы и служебные записки дипломата А. И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.) / сост., историограф. очерк и коммент. И. В. Ерофеевой. Алматы: Дайк-Пресс, 2005. 484 с.
16. Казахско-русские отношения в XVI–XVIII веках (сборник документов и материалов). Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1961. XVI, 743 с.
17. Кундакбаева Ж. Б. «Нынешнее требование трухменского хана весьма есть удобное к исполнению». Документы Архива внешней политики Российской империи. 1775–1778 гг. // Исторический архив. 2005. № 5. С. 186–206.
18. Левшин А. И. Описание киргиз-казачьих или киргиз-кайсацких орд и степей. Алматы: Санат, 1996. 656 с.
19. Материалы по истории Казахской ССР. Т. II. Ч. 2 (1741–1751 гг.) / сост. М. П. Вяткин. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1948. 456 с.
20. Материалы по истории политического строя Казахстана (со времени присоединения Казахстана к России до Великой Октябрьской социалистической революции). Т. I. Алма-Ата: Изд-во АН КазССР, 1960. 441 с.
21. Материалы поездки поручика Оренбургского драгунского полка Дмитрия Гладышева и геодезиста Ивана Муравина из Оренбурга в Хиву к хану Абулхаиру

(5 ноября 1740 – апрель 1741 г.) // История Казахстана в русских источниках: в 10 т. Т. VI: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 56–77.

22. Муравин И. Журнал описания киргис-кайсакам, каракалпакам, аральцам и хивинцам, и кто какое имеет довольствие, и каким манером носят платья, при сем прилагается всем порознь описание; и как Абулхаир-хан посылал меня к персическому шаху с грамотой, которая прислана от е. и. в., и что чинилось, также прилагается описание. Описано месяца ноября 1740 году // История Казахстана в русских источниках: в 10 т. Т. VI: Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века / сост. И. В. Ерофеева, Б. Т. Жанаев. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 78–85.

23. Ниязатов М. Поиск консенсуса. Российско-хивинские геополитические отношения в XVI – начале XX в. СПб.: Петербургское востоковедение, 2010. 496 с.

24. Ниязатов М. Россия в сердце Азии: диалог цивилизаций (IX–XVIII вв.). СПб.: Петербургское востоковедение, 2013. 512 с.

25. Почекаев Р. Ю. К истории «буферных государств» на границах России: Аральское владение и его роль в русско-хивинских отношениях. XVIII–XIX вв. // Восточный архив. 2015. № 1 (31). С. 12–18.

26. Почекаев Р. Ю. Экономические санкции Российской империи против Хивинского ханства в XVIII и XIX вв.: причины, правовое оформление, эффективность // Вопросы правоведения. 2016. № 3. С. 200–215.

27. Разумовская В. Из истории сношения России с туркменами в XVIII в. // Красный архив. 1939. № 2 (93). С. 209–255.

28. Русско-туркменские отношения в XVIII–XIX вв. (до присоединения Туркмении к России). Ашхабад: АН Туркменской ССР, 1963. 585 с.

29. Руссов С. Путешествие из Оренбурга в Хиву самарского купца Рукавкина в 1753 г. с приобщением разных известий о Хиве с отдаленных времен донныне. СПб.: Типография Министерства внутренних дел, 1840. 56 с.

30. Рычков П. И. История Оренбургская (1730–1750). Оренбург: Оренбургский губернский статистический комитет, 1896. 93 с.

31. Самойлович А. Н. Сокращенный перевод отрывков из хивинских хроник XIX в. о хивинско-каракалпакских отношениях // Материалы по истории каракалпакков / ред. А. Н. Самойлович. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1935. С. 91–134.

32. Сулейменов Б. С., Басин В. Я. Казахстан в составе России в начале XVIII – начале XX века. Алма-Ата: Наука, 1981. 247 с.

33. Темиргалиев Р. Казахские чингизиды на престоле Хивинского ханства // Қазақ хандығының құрылуының 550-жылдығына арналған «МӘҢГІЛІК ЕЛ» халық. ғыл.-практ. конф. матер. (11 қыркүйек 2015 жыл) / Материалы меж. науч.-практ. конф. «МӘҢГІЛІК ЕЛ» посвященной 550-летию Казахского ханства (11 сентября 2015 года) / Source book of the inter. scient. and pract. conf. «MANGILIK EL» dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate (September 11, 2015) / Б. Ф. Аяғанның редакциясымен. Астана: Мемлекет тарихы институты, 2016. С. 282–299.

34. Торопицын И. В. Хивинский прецедент. Среднеазиатская политика хана Младшего жуза Абулхаира в 1730–1740-е гг. и реакция на нее российских властей // «Дулатова оқулары: тарих ғылымы және қазіргі Қазақстан, Ресей мен Орталық Азия мемлекеттеріндегі тарихты оқыту» атты көрнекті қазақстандық тарихшы, ғылымды ұйымдастырушы, профессор Дина Исабайқызы Дулатованың 80 жылдық мерейтойына

арналған халықаралық ғылыми конференция материалдары / жауапты редакторы және құрастырушы Ж.Б. Құндақбаева [Материалы международной научной конференции «Дулатовские чтения: историческая наука и преподавание истории в современном Казахстане, России и государствах Центральной Азии, посвященной 80-летию со дня рождения вдиноного казахстанского историка, организатора науки, профессора Дина Исабаевны Дулатовой, 31 марта – 1 апреля 2011 г.]. Алматы: Қазақ университеті, 2011. С. 66–74.

35. Шалекенов М. У. Взаимоотношения народов Приаралья в XVIII–XIX вв. Алматы: Ғылым, 1995. 422 с.

36. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. исторических документов в двух томах. Т. I. Письма казахских правителей. 1675–1780 гг. / автор проекта, введения, биографий ханов, науч. коммент.; сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 696 с.

37. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675–1821 годов. Сб. исторических документов в двух томах. Т. II. Письма казахских правителей. 1738–1821 гг. / автор проекта, введения, биографий ханов, науч. коммент.; сост. и отв. ред. И. В. Ерофеева. Алматы: АБДИ Компани, 2014. 1032 с.

38. Durand M. Nadir Shah. London: Archibald Constable and Co Ltd., 1908. XII + 352 p.

39. Lockhart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London: Luzak & Co, 1938. XII + 344 p.

40. Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l'Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) / Trad. par. Ch. Schefer. Paris: Ernest Leroux, 1876. 306 p.

41. Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Transl. from Chagat. & annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. LXXVII + 718 p.

References

1. Abdurasulov U. Ot Arabshakhidov k Kungradam: dinamika i politicheskii landshaft Khorezma v period pravleniia dvukh dinastii [From Arabshahids to Kungrad: Dynamics and Political Landscape of Khorezm during the Reign of Two Dynasties] // O'zbekiston tarixi. 2013. № 2. S. 17–32. (In Russ.).

2. Akimbekov S. M. Kazakhstan v Rossiiskoi imperii [Kazakhstan in the Russian Empire]. Almaty: In-t aziatskikh issledovani, 2018. 562 s. (In Russ.).

3. Allaeva N. A. Istoriia vneshnikh sviazei Khivinskogo khanstva v XVI – 70-kh godakh XIX v. [The history of external relations of the Khiva Khanate in the 16th – 70s of the 19th century]: avtoref. ... d-ra ist. nauk. Tashkent: B. i., 2019. 82 s. (In Russ.).

4. Atdaev S. D. Turkmeny Khivinskogo khanstva v XVIII veke [Turkmens of the Khiva Khanate in the 18th century]. Kazan': IGMA-Press, 2010. 130 s. (In Russ.).

5. Bazilenko I. V. Ocherki istorii rossiisko-iranskikh otnoshenii (konets XVI – nachalo XX vv.) [Essays on the history of Russian-Iranian relations (late 16th – early 20th century)]. St. Petersburg: Argus SPb, 2017. 432 s. (In Russ.).

6. Birze A. K istorii karakalpakov XVIII v. [To the history of the Karakalpaks of the 18th century] // Krasnyi arkhiv. 1939. № 1 (92). S. 177–213. (In Russ.).

7. Boronin O. V. Dvoedannichestvo v Sibiri [Double tribute in Siberia]. Barnaul: Azbuka, 2003. 217 s. (In Russ.).

8. Vasil'ev D. V. Rossiia i Kazakhskaiia step': administrativnaia politika i status ukrainy. XVIII – pervaiia polovina XIX veka [Russia and the Kazakh steppe: administrative policy and the status of the outskirts. XVIII – first half of the XIX century]. Moscow: Politicheskaiia entsiklopediia, 2014. 471 s. (In Russ.).

9. Vel'iaminov-Zernov V. V. Istoricheskie izvestiia o kirgiz-kaisakakh i snosheniakh Rossii so Srednei Aziei so vremeni konchiny Abul-Khaiyr khana (1748–1765 gg.) [Historical news about the Kirghiz-Kaisaks and relations between Russia and Central Asia since the death of Abul-Khayyr Khan (1748–1765)] // Bukeevskoi Orde 200 let: v 6 kn. Kn. 1. Almaty: Ælke, 2001. S. 7–161. (In Russ.).

10. Veselovskii N. I. Ocherk istoriko-geograficheskikh svedenii o Khivinskom khanstve ot drevneishikh vremen do nastoiashchego. St. Petersburg: Tipografiia br. Panteleevykh, 1877. VIII + 364 s. (In Russ.).

11. Dobromyslov A. K istorii nashikh snoshenii s Khivoi. Donesenie perevodchika Guliaeva i kantseliarista Chuchalova kantseliarii Orenburgskogo gubernatora o pribytii ikh v Khivu, o sobytiakh, proiskhodivshikh v eto vremia v Khivinskom khanstve, i o stesneniakh, kakim oni podvergalis' po rasporiazheniiu khana // Protokoly zasedanii i soobshcheniia chlenov Turkestantskogo kruzhka liubitelei arkheologii. God XIV. Tashkent: B. i., 1910. S. 69–90. (In Russ.).

12. Erofeeva I. V. Khan Abulkhair: polkovodets, pravitel', politik [Khan Abulkhair: commander, ruler, politician]. 3-e izd., ispr. i dop. Almaty: Daik-Press, 2007. 456 s. (In Russ.).

13. Zhukovskii S. V. Snosheniia Rossii s Bukharoi i Khivoi za poslednee trekhstotletie [Russia's relations with Bukhara and Khiva over the last three hundred years]. Petrograg: Tipolitografiia N. I. Evstifeeva, 1915. XII, 215 s. (In Russ.).

14. Zamechaniia maiora Blankennagelia vposledstvie poezdki ego iz Orenburga v Khivu v 1793–94 godakh. St. Petersburg: Tipografiia Morskogo ministerstva, 1858. 32 s. (In Russ.).

15. Istoriia Kazakhstana v russkikh istochnikakh. T. III. Zhurnaly i sluzhebnye zapiski diplomata A. I. Tevkeleva po istorii i etnografii Kazakhstana (1731–1759 gg.) / sost., istoriogr. ocherk i komment. I. V. Erofevoi. Almaty: Daik-Press, 2005. 484 s. (In Russ.).

16. Kazakhsko-russkie otnosheniia v XVI–XVIII vekakh (sbornik dokumentov i materialov). Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1961. XVI, 743 s. (In Russ.).

17. Kundakbaeva Zh. B. «Nyneshnee trebovanie trukhmenskogo khana ves'ma est' udobnoe k ispolneniiu». Dokumenty Arkhiva vneshnei politiki Rossiiskoi imperii. 1775–1778 gg. [“The current demand of the Trukhmen khan is very convenient for execution”. Documents from the Foreign Policy Archive of the Russian Empire. 1775–1778] // Istoricheskii arkhiv. 2005. № 5. S. 186–206. (In Russ.).

18. Levshin A. I. Opisanie kirgiz-kazach'ikh ili kirgiz-kaisatskikh ord i stepei [Description of the Kyrgyz-Cossack or Kyrgyz-Kaysak hordes and steppes]. Almaty: Sanat, 1996. 656 s. (In Russ.).

19. Materialy po istorii Kazakhskoi SSR. T. II. Ch. 2 (1741–1751 gg.) / sost. M. P. Viatkin. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1948. 456 s. (In Russ.).

20. Materialy po istorii politicheskogo stroia Kazakhstana (so vremeni prisoedineniia Kazakhstana k Rossii do Velikoi Oktiabr'skoi sotsialisticheskoi revoliutsii). T. I. Alma-Ata: Izd-vo AN KazSSR, 1960. 441 s. (In Russ.).

21. Materialy poezdki poruchika Orenburgskogo dragunskogo polka Dmitriia Gladysheva i geodezista Ivana Muravina iz Orenburga v Khivu k khanu Abulkhairu (5 noiabria

1740 – aprel' 1741 g.) // Istoriiia Kazakhstana v russkikh istochnikakh: v 10 t. T. VI: Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po iuzhnym stepiam. XVIII–XIX veka / sost. I. V. Erofeeva, B. T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. S. 56–77. (In Russ.).

22. Muravin I. Zhurnal opisaniia kirgis-kaisakam, karakalpakam, aral'tsam i khivintsam, i kto kakoe imeet dovol'stvie, i kakim manerom nosiat plat'ia, pri sem prilagaetsia vsem porozn' opisanie; i kak Abulkhair-khan posylal menia k persitskomu shakhu s gramotoi, kotoraiia prislana ot e. i. v., i chto chinilos', takzhe prilagaetsia opisanie. Opisano mesiatsa noiabria 1740 godu // Istoriiia Kazakhstana v russkikh istochnikakh: v 10 t. T. VI: Putevye dnevniki i sluzhebnye zapiski o poezdках po iuzhnym stepiam. XVIII–XIX veka / sost. I. V. Erofeeva, B. T. Zhanaev. Almaty: Daik-Press, 2007. S. 78–85. (In Russ.).

23. Niiazmatov M. Poisk konsensusa. Rossiisko-khivinskie geopoliticheskie otnosheniia v XVI – nachale XX v. [Search for consensus. Russian-Khiva geopolitical relations in the 16th – early 20th centuries]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2010. 496 s. (In Russ.).

24. Niiazmatov M. Rossiia v serdtse Azii: dialog tsivilizatsii (IX–XVIII vv.) [Russia in the heart of Asia: Dialogue of civilizations (IX–XVIII centuries)]. St. Petersburg: Peterburgskoe vostokovedenie, 2013. 512 s. (In Russ.).

25. Pochekaev R. Iu. K istorii «bufernykh gosudarstv» na granitsakh Rossii: Aral'skoe vladenie i ego rol' v russko-khivinskikh otnosheniiaakh. XVIII–XIX vv. [On the history of “buffer states” on the borders of Russia: Aral possession and its role in Russian-Khiva relations. XVIII–XIX centuries] // Vostochnyi arkhiv. 2015. № 1 (31). S. 12–18. (In Russ.).

26. Pochekaev R. Iu. Ekonomicheskie sanktsii Rossiiskoi imperii protiv Khivinskogo khanstva v XVIII i XIX vv.: prichiny, pravovoe oformlenie, effektivnost' [Economic sanctions of the Russian Empire against the Khiva Khanate in the 18th and 19th centuries: reasons, legal form, efficiency] // Voprosy pravovedeniia. 2016. № 3. S. 200–215. (In Russ.).

27. Razumovskaia V. Iz istorii snosheniia Rossii s turkmenami v XVIII v. [From the history of relations between Russia and the Turkmen in the 18th century] // Krasnyi arkhiv. 1939. № 2 (93). S. 209–255. (In Russ.).

28. Russko-turkmenskie otnosheniia v XVIII–XIX vv. (do prisoedineniia Turkmenii k Rossii) [Russian-Turkmen relations in the 18th – 19th centuries (before the accession of Turkmenistan to Russia)]. Ashkhabad: AN Turkmenskoi SSR, 1963. 585 s. (In Russ.).

29. Russov S. Puteshestvie iz Orenburga v Khivu samarskogo kuptsa Rukavkina v 1753 g. s priobshcheniem raznykh izvestii o Khive s otdalennykh vremen donyue. St. Petersburg: Tipografiia Ministerstva vnutrennikh del, 1840. 56 s. (In Russ.).

30. Rychkov P. I. Istoriiia Orenburgskaia (1730–1750). Orenburg: Orenburgskii gubernskii statisticheskii komitet, 1896. 93 s. (In Russ.).

31. Samoilovich A. N. Sokrashchennyi perevod otryvkov iz khivinskikh khronik XIX v. o khivinsko-karakalpakskikh otnosheniiaakh // Materialy po istorii karakalpakov / red. A. N. Samoilovich. M.; L.: Izd-vo AN SSSR, 1935. S. 91–134. (In Russ.).

32. Suleimenov B. S., Basin V. Ia. Kazakhstan v sostave Rossii v nachale XVIII – nachale XX veka [Kazakhstan as part of Russia in the early 18th – early 20th centuries]. Alma-Ata: Nauka, 1981. 247 s. (In Russ.).

33. Temirgaliev R. Kazakhskie chingizidy na prestole Khivinskogo khanstva [Kazakh Genghisids on the throne of the Khiva Khanate] // Қазақ хандығының құрылуының 550-жылдығына арналған «МӘҒИЛИК ЕЛ» khalyq. fyl.-prakt. konf. mater. (11 kyrkyiek 2015 zhyI) / Materialy mezh. nauch.-prakt. konf. «MƏGILIK EL» posviashchennoi 550-letiiu Kazakhskogo khanstva (11 sentiabria 2015 goda) / Source book of the inter.

scient. and pract. conf. «MANGILIK EL» dedicated to the 550th anniversary of the Kazakh Khanate (September 11, 2015) / B. F. Алағанұң redaksiiasymen. Astana: Memleket tarikhly instituty, 2016. S. 282–299. (In Russ.).

34. Toropitsyn I. V. Khivinskii pretsedent. Sredneaziatskaia politika khana Mladshego zhuza Abulkhaira v 1730–1740-e gg. i reaktsiia na nee rossiiskikh vlastei [Khiva precedent. Central Asian policy of the Younger Zhuz Khan Abulkhair in the 1730s – 1740s. and the reaction of the Russian authorities to it] // «Dulatova okulary: tarikh fylymy zhəne qazirgi Qazaqstan, Resei men Ortalyq Aziia memleketterindegi tarikhty oqytu» atty kornekti qazaqstandyq tarikshy, fylymdy yiymdastyrushy, professor Dina Isabaikyzy Dulatovanuң 80 zhyldyq mereitoiyna arnalğan khalyqaralyq fylymi konferentsiia materialdary / zhaupty redaktory zhəne qyrastyrushy Zh.B. Qyndaqbaeva [Materialy mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii «Dulatovskie chteniia: istoricheskaia nauka i prepodavanie istorii v sovremen-nom Kazakhstane, Rossii i gosudarstvakh Tsentral’noi Azii, posviashchennoi 80-letiiu so dnia rozhdeniia vodinogo kazakhstanskogo istorika, organizatora nauki, professora Dina Isabaevny Dulatovoi, 31 marta – 1 apreliia 2011 g.]. Almaty: Qazaq universiteti, 2011. S. 66–74. (In Russ.).

35. Shalekenov M. U. Vzaimootnosheniia narodov Priaral’ia v XVIII–XIX vv. [Mutual relations of the peoples of the Aral Sea region in the 18th – 19th centuries] Almaty: Fylym, 1995. 422 s. (In Russ.).

36. Epistoliarnoe nasledie kazakhskoi praviashchei elity 1675–1821 godov. Sb. istoricheskikh dokumentov v dvukh tomakh. T. I. Pis’ma kazakhskikh pravitelei. 1675–1780 gg. / avtor proekta, vvedeniia, biografii khanov, nauch. komment.; sost. i otv. red. I. V. Erofeeva. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 696 s. (In Russ.).

37. Epistoliarnoe nasledie kazakhskoi praviashchei elity 1675–1821 godov. Sb. istoricheskikh dokumentov v dvukh tomakh. T. II. Pis’ma kazakhskikh pravitelei. 1738–1821 gg. / avtor proekta, vvedeniia, biografii khanov, nauch. komment.; sost. i otv. red. I. V. Erofeeva. Almaty: ABDI Kompani, 2014. 1032 s. (In Russ.).

38. Durand M. Nadir Shah. London: Archibald Constable and Co Ltd., 1908. XII + 352 p. (In Russ.).

39. Lockhart L. Nadir Shah. A critical study based mainly upon contemporary sources. London: Luzak & Co, 1938. XII + 344 p.

40. Mir Abdoul Kerim Boukhary. Histoire de l’Asie Centrale (Afghanistan, Boukhara, Khiva, Khoqand) / Trad. par. Ch. Schefer. Paris: Ernest Leroux, 1876. 306 p.

41. Shir Muhammad Mirab Munis & Muhammad Riza Mirab Agahi. Firdaws al-iqbal: History of Khorezm / Transl. from Chagat. & annot. by Yu. Bregel. Leiden; Boston; Köln: Brill, 1999. LXXVII + 718 p.

УДК 94

DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.09

Рабуш Таисия Владимировна

кандидат исторических наук

Санкт-Петербургский государственный университет

промышленных технологий и дизайна

Санкт-Петербург, Россия

e-mail: taisarabush@mail.ru; orcid.org/0000-0001-8790-3402

К ВОПРОСУ О РОЛИ АФГАНИСТАНА КАК ФАКТОРА РЕГИОНАЛЬНОЙ СИСТЕМЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ В XIX В.

Аннотация. В большинстве отечественных и зарубежных исследований Афганистан в XIX в. рассматривается как объект Большой игры Британии и Российской империи, а не как активный субъект международных отношений. Задача настоящей статьи, — опираясь на исследования и некоторые документы, ответить на вопрос, в какой степени можно говорить о роли Афганистана как активного внешнеполитического актора в рассматриваемый в работе период времени. В основной части статьи рассматривается политика афганских эмиров Дост Мухаммад-хана, Шер Али-хана и Абдурахман-хана, направленная на расширение афганского государства, возвращение утраченных Афганистаном в начале XIX в. территорий и завоевание (присоединение) новых земель. В частности, затронуты такие темы, как присоединение Герата, Кандагара и Афганского Туркестана, соперничество с Британией за обладание княжествами Пригиндукушья, территориальные спорные вопросы двух афганских разграничений, религиозная активность посланцев Афганистана в принадлежащей Российской империи части Центральной Азии, создание линии Дюранда и политика Абдурахман-хана касательно этого, завоевание Нуристана, вопрос о Памире и т. д. Кроме того, автор касается вопроса соотношения активной политики афганских правителей с наступательной политикой Британской империи и приходит к следующему основному выводу: в глобальной системе международных отношений XIX в. Афганистан был объектом внешней политики Британии и Российской империи, но на региональном уровне он выступал как активный актор, о чем свидетельствуют состоявшиеся в обозначенный период времени территориальные приобретения афганских правителей, а также неоднократные попытки осуществления таковых.

Ключевые слова: Афганистан, история Афганистана, Большая игра, внешняя политика Российской империи, внешняя политика Британии, международные отношения в XIX в., история международных отношений.

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 19-18-00162), реализуемого в Институте языков и культур имени Льва Толстого.

Rabush Taisiya V.

candidate of history sciences

St. Petersburg State University industrial technology and design

Saint Petersburg, Russia

e-mail: taisarabush@mail.ru; orcid.org/0000-0001-8790-3402

**ON THE QUESTION OF AFGHANISTAN'S ROLE
AS AN ACTOR REGIONAL SYSTEM OF INTERNATIONAL
RELATIONS IN THE XIX CENTURY**

Abstract. In the majority of Russian and foreign studies, Afghanistan in the 19th century viewed as an object of the Great Game of Britain and the Russian Empire, and not as an active subject of international relations. The purpose of this article is to give an answer to the question to what extent one can talk about the role of Afghanistan as an active foreign policy actor in the period of time considered in this work. The main part of the article examines the policy of the Afghan emirs Dost Muhammad Khan, Sher Ali Khan and Abdurrahman Khan, aimed at expanding the Afghan state, returning territories lost by Afghanistan at the beginning of the 19th century and the conquest of new lands. The following topics were touched upon: the annexation of Herat, Kandahar and Afghan Turkestan; rivalry with Britain for the possession of the principalities of Hindu Kush; territorial contentious issues of the two Afghan delimitations; the religious activity of the Afghan envoys in the part of Central Asia belonging to the Russian Empire; the creation of the “Durand line”; the conquest of Nuristan, etc. The author came to the following conclusion: Afghanistan was the object of the foreign policy of Britain and the Russian Empire in the global system of international relations of the 19th century, but at the regional level it acted as an active actor, as evidenced by the territorial acquisitions of the Afghan rulers, as well as repeated attempts to implement them.

Keywords: Afghanistan, history of Afghanistan, Great Game, foreign policy of the Russian Empire, British foreign policy, international relations in the 19th century, history of international relations.

The study was supported by the grant of the Russian Science Foundation (project № 19-18-00162) implemented at the Leo Tolstoy Institute of Languages and Cultures.

Введение. Внешняя политика Афганистана в XIX в. наиболее часто становится объектом внимания исследователей в связи с тем, что эта страна на протяжении большей части позапрошлого столетия была объектом так называемой Большой игры — глобального геополитического соперничества между Британией и Российской империей, развернувшегося в Центральной Азии. Такой научный акцент задает подход к Афганистану как к пассивному объекту внешней политики других великих держав (в данном случае — Британии и России). Но был ли Афганистан самостоятельным актором, проводившим независимую и активную внешнюю политику, и если да, то в какой степени? Этот вопрос освещается в историографии достаточно

слабо, поскольку его затмевают собой яркие и динамичные события Большой игры. Главная задача настоящей статьи — рассмотреть основные направления внешней политики Афганистана в XIX в. и исходя из этого анализа сделать вывод о степени независимости внешней политики Афганистана в указанный период, а также о том, являлся ли Афганистан в XIX в. самостоятельным (и в какой мере) внешнеполитическим актором. Если говорить о хронологических рамках, то автор ограничится 1820–1890-ми годами включительно. Почему из поля рассмотрения выпали два первых десятилетия XIX в.? В 1818 г. произошел окончательный распад образованной в 1747 г. империи Дуррани, после чего Афганистан вступил в период политической раздробленности, продолжившийся несколько десятилетий. Новый этап объединения страны был начат Дост Мухаммад-ханом, ставшим политическим лидером Афганистана в 1834 г., поэтому автор начнет рассмотрение избранной им темы только с начала правления Дост Мухаммад-хана.

Прежде чем перейти к основной части статьи, следует обратиться к историографии вопроса. Как автор отметил выше, большинство исследователей рассматривают Афганистан в XIX в. в качестве объекта внешней политики великих европейских держав (исследования на эту тему насчитывают сотни монографий и статей, поэтому автор укажет лишь на некоторые из них [4–6; 8; 9; 12; 14; 16; 17; 22; 24–32]), акцентируя внимание на его второстепенном положении в глобальной системе международных отношений того периода времени и не фокусируясь на его активной деятельности. В настоящей статье автор сделает попытку посмотреть на Афганистан как на активно действующий актор международных отношений в Центрально-Азиатском и частично в Южно-Азиатском регионах. Данная тема иногда все же затрагивается исследователями, но довольно фрагментарно. Например, А. А. Салиев пишет следующее: «...можно свидетельствовать о том, что Афганистан, несмотря на свою всестороннюю отсталость, был важным субъектом в геополитике держав в Центральной Азии. Этот статус определялся его значимым географическим положением, чем он выгодно отличался от таких же... среднеазиатских ханств — Бухарского и Хивинского. Будучи “буфером” между двумя крупнейшими империями планеты — Британской и Российской, Афганистан неизбежно стал зависимым государством от Англии. Вместе с тем, как явствует из вышеизложенного, он пытался играть и самостоятельную роль в геополитике. В этом ему помогал статус истинно религиозного мусульманского государства, в котором многие приверженцы веры Пророка в Центральной Азии склонны были видеть защитника своих интересов и симпатизировали ему» [20, с. 79]. Автор же предпримет попытку комплексного анализа данного вопроса.

Ход и результаты исследования. Как активный региональный актор Афганистан отметился еще в период существования империи Дуррани: правители этого периода истории Афганистана значительно расширили границы страны

начиная с 1747 г., присоединив Герат, Кабул, Пешавар, а также распространив влияние на некоторые северные области Индии (например, Кашмир), Хорасан, Систан и на Афганский Туркестан (Балх, Шибирган, Кундуз, Меймене и Андхой) [13, с. 128–130; 15, с. 95–96]. В целом советские исследователи отмечают, что «держава, созданная Ахмад-шахом, была государством завоевателей. За первые полвека существования этого государства дурранийские правители провели большое число походов, из которых не менее 18 приходится на вторжение в Северо-Западную Индию. Восточный Иран и Южный Туркестан также неоднократно становились объектом афганских нашествий» [13, с. 128]. Завоевательным успехам афганских властителей этого периода способствовал ряд благоприятных внешних обстоятельств — распад империй Надир-шаха в Иране и Великих моголов в Индии, а также междоусобицы в Средней Азии.

Вместе с тем отметим, что империя Дуррани была слабым политическим образованием, существовавшим по большому счету благодаря тому, в какой степени лидеры племен и местные правители завоеванных территорий подчинялись власти афганского эмира. Например, власть афганских правителей на территории Балха фактически была номинальной, и это не единичный пример.

История внешней политики Афганистана в XIX в. (снова отметим, что в статье речь идет только о периоде с начала правления Дост Мухаммад-хана, с 1834 г.) отмечена рядом значительных событий, в которых существенную роль играли или Британия, или Российская империя, или обе великие державы сразу:

- Первая (1838–1842) и Вторая (1878–1880) англо-афганские войны: и если первая в целом окончилась поражением Британской империи, то вторая хотя и вынудила Британию вывести свои войска из Афганистана, но в итоге поставила внешнюю политику афганского эмира в зависимость от Британии, что по большому счету и было одной из целей владычицы морей в отношении этой азиатской страны;

- два афганских разграничения: 1872–1873 гг. и 1884–1885 гг., — в результате которых были установлены северные границы Афганистана и частично южные границы Российской империи;

- соглашение 1893 г., по которому была проведена так называемая линия Дюранда, сыгравшая выдающуюся роль в дальнейшей исторической судьбе Афганистана.

Этим событиям, в особенности двум англо-афганским войнам, посвящен ряд исследований, из знакомства с которыми может возникнуть впечатление, что Афганистан был лишь пассивным субъектом, пешкой в геополитике Большой игры. Однако, если рассмотреть внешнюю политику Афганистана в XIX в. более детально, можно увидеть, что данное представление не вполне соответствует действительности. Для подтверждения этого тезиса автора исследуем внешнеполитическую активность Афганистана в избранный для исследования период в хронологическом порядке.

Изначально внешнеполитическая деятельность Дост Мухаммад-хана была направлена на возвращение в орбиту его политического влияния афганских территорий, ставших независимыми после распада империи Дуррани. В 1826 г. он, еще не будучи эмиром Афганистана, распространил свою власть на Кабул. Накануне Первой англо-афганской войны Дост Муххамад-хан пытался заявить свои права на некоторые территории Сикхского государства, а в 1830-е и позже в 1840-е гг. отвоевать Пешавар [15, с. 171, 222], но безуспешно.

В конце 1840-х гг., после неудачи, постигшей его в попытках завоевания Пешавара, Дост Муххамад-хан начал активные действия по возвращению в орбиту своего влияния левобережья Амударьи, в результате которого в 1850-е – начале 1860-х гг. в состав государства был уже окончательно включен Афганский Туркестан (впрочем, какое-то время власть афганского эмира над этими территориями оставалась по большей части номинальной). Здесь автор напомним, что Афганский Туркестан был ранее завоеван в период существования империи Дуррани, но уже в начале XIX в. вышел из-под власти афганских правителей. Дост Муххамад-хану удалось осуществить «реконкисту» этих территорий. А во второй половине XIX в. в состав Афганистана вошел Бадахшан [11, с. 24], что более подробно будет рассмотрено далее.

Подчинение Афганского Туркестана получает отрицательную оценку в современной таджикской историографии. Как пишет историк Р. Абдуллоев, «военным успехам афганских завоевателей способствовали два обстоятельства. Во-первых, эти небольшие ханства оказались отрезаны от своей исторической и этнической базы, лишены поддержки родственной Бухары и прижаты тылом к Амударье. Во-вторых, после очередной неудачной попытки покорения Афганистана (1878–1880 гг.) и на фоне стремительного продвижения России в Средней Азии Англия начала оказывать материальную и военную поддержку боровшемуся за овладение северными областями афганскому эмиру... Поэтому ни о каком добровольном стремлении и желании вхождения этих ханств в состав афганского государства не может быть и речи» [1, с. 147]. Великобритании действительно было выгодно отвлекать пассионарные завоевательные устремления афганского эмира на лежащие к северу от Афганистана территории, с тем чтобы иметь для себя свободу действий в Пригиндукушье и в «полосе независимых племен», и эмиру с этой целью оказывалась английская финансовая и военная поддержка.

Последними объединительными действиями первого афганского эмира из династии Баракзаев стали завоевания (или, вернее сказать, возвращения) Кандагара и Герата. Ему удалось подчинить Кандагар (в ноябре 1855 г.) и Герат (в мае 1863 г.). Вхождение Герата в состав афганского государства было последним крупным шагом объединительной политики Дост Муххамад-хана, после чего он вскоре умер.

В целом в 1850–1860-е гг. афганскому правителю удалось преодолеть возникшую после распада империи Дуррани политическую раздробленность.

К середине XIX в. Афганистан находился практически в своих современных географических границах. Внешняя политика Дост-Мухаммад-хана и его наследника Шер Али-хана была достаточно активной и носила однозначно наступательный характер. Тем не менее это наступление было локальным — против политической активности Британии, направленной в том числе и на Афганистан как на объект, однако эта азиатская страна не могла оказать активного противодействия. Забегая вперед, автор отметит, что в результате событий Второй англо-афганской войны 1878–1880 гг. снова возникла ситуация политической раздробленности Афганистана, но эмиру Абдуррахман-хану удалось снова объединить Афганистан, уже окончательно.

Во второй половине XIX в. внешняя политика Афганистана попала в зависимость от Британской империи. Первым шагом к этому стало заключение договора от 30 марта 1855 г. между Британией и Афганистаном, согласно которому стороны дали обещание уважать территориальную целостность друг друга, но вместе с тем афганский эмир обязался быть союзником Ост-Индской компании, в то время как Британия не принимала на себя аналогичного обязательства [13, с. 154; 15, с. 226]. Подписав этот договор, афганский эмир отказывался от претензий на город Пешавар, уже вошедший в состав Британской Индии.

На рубеже 1860–1870-х гг. Британия перешла к активной наступательной политике в регионе Южной и Центральной Азии [10, с. 93], одним из итогов которой стала Вторая англо-афганская война. Почти за десять лет до начала этой войны состоялось первое из двух афганских разграничений (1872–1873 гг.), в результате которого северной границей Афганистана была признана река Амударья [3, с. 9]. За Афганистаном также признавались все те территории, которые входили в его состав на текущий момент времени, подчиняясь афганскому эмиру Шер Али-хану. При этом подчеркивалось, что афганский правитель не будет стремиться распространить свое влияние за пределы этих территорий, а британское правительство, в свою очередь, будет удерживать его от подобных шагов [3, с. 4].

Кроме того, в ходе первого афганского разграничения была подтверждена принадлежность афганскому эмиру Бадахшана, после чего Шер Али-хан полностью включил эту территорию в свои владения, сместив местного правителя в 1873 г. [2, с. 226], но, что интересно, первоначально в ходе англо-русских переговоров Россия склонялась к тому, чтобы считать Бадахшан и Вахан независимыми от афганского эмира территориями [3, с. 9–11], опираясь в подтверждение этого мнения в том числе на «Записку о северной границе Афганистана» [3, с. 17–19], составленную К. П. фон Кауфманом в результате исследований на месте. В итоге по данному вопросу победила позиция Британии, и Бадахшан был признан владением Афганистана.

По итогам Второй англо-афганской войны 1878–1880 гг. внешняя политика Афганистана уже официально оказалась под контролем Британской империи —

теперь эмир мог вести внешние сношения с другими государствами только через индийского вице-короля, а некоторые районы страны (Курам, Пишин и Сиби) оказались отторгнутыми от Афганистана. Впрочем, окончательное объединение Афганистана и даже присоединение новых территорий тоже состоялись благодаря активной политике афганского эмира Абдуррахман-хана после Второй англо-афганской войны [2, с. 172].

Активным внешнеполитическим региональным актором Афганистан проявил себя и в ходе второго афганского разграничения 1884–1885 гг., хотя здесь, как и в первом афганском разграничении, основную роль играли Британия и Российская империя, а афганские представители не привлекались даже к топографическим работам. Накануне второго афганского разграничения, в 1883 г., войска афганского эмира заняли западнопамирские княжества Шугнан и Рушан, не входившие в состав Афганистана согласно договору от 1873 г. (первое афганское разграничение), что вызвало дипломатический протест российского правительства в декабре 1883 г. как «произвольное действие, явно... могущее послужить исходным пунктом недоразумений и осложнений между Бухарой и Афганистаном» [3, с. 31]. Разумеется, к активности на северном направлении афганского эмира в немалой степени подталкивала Британия, но и самому афганскому правителю не чужды были внешнеполитические амбиции и желание расширить свои территории.

В связи со вторым афганским разграничением известен так называемый Пенденский инцидент, или же бой у Кушки, — кровопролитное вооруженное столкновение 30 марта (18 марта по ст. ст.) 1885 г. у моста Таш-Кепри подразделений русских и афганских войск, в результате которого афганцы понесли существенные людские потери и которое произошло вследствие занятия афганскими войсками этой территории и нежелания их ее покинуть (к чему афганцев подстрекали британцы), невзирая на обращения русских военных, в том числе и командующего войсками Закаспийской области генерал-лейтенанта А. В. Комарова. Итогом переговоров по второму афганскому разграничению стало признание за Россией населенного туркменами спорного Пенденского оазиса, в то время как к Афганистану отошел Зульфугарский проход [23, с. 264–266]. Афганское разграничение 1884–1885 гг. является, с одной стороны, показательным примером вовлечения Афганистана как объекта Большой игры в англо-русское соперничество, поскольку в переговорах по разграничению не принимали участия представители Афганистана, и афганская граница определялась, по сути, внешними акторами. Но, с другой стороны, афганский эмир проявлял свои политические амбиции, совершая определенные активные действия, в том числе и военные.

Несомненно, что британцы поддерживали Абдуррахман-хана в его территориальных притязаниях в отношении расположенных к северу от Афганистана земель, проявляемых в ходе переговоров по второму афганскому разграничению и особо ярко выразившихся в событиях Пенденского инцидента,

желая в том числе посредством этого отвлечь внимание эмира от северных территорий Британской Индии. Тем не менее, как представляется автору, имели место и личные амбиции Абдурахман-хана, желающего расширить свои владения и подобраться вплотную к русским землям в Центральной Азии и к вассальным в отношении России среднеазиатским ханствам: «Абдурахман-хан, используя англо-русские противоречия... стремился при дипломатической поддержке Англии удержать за собой возможно больше спорных районов во время разграничения» [13, с. 173]. В то же время афганский эмир отрицательно относился к возможности серьезно ухудшить отношения или тем более пойти на прямой военный конфликт с Россией: так, в 1881 г. Абдурахман-хан ответил отказом на предложение хивинского хана о союзе против России, а вскоре он же отказал одному из мервских ханов в просьбе о присоединении Мерва к Афганистану [13, с. 172]. Но благодаря двум афганским разграничениям, особенно второму из них, Афганистану все же удалось увеличить свои территории на севере.

Об активной политике Афганистана на северном направлении в последней четверти XIX в. свидетельствует еще один факт: в 1880–1890-х гг. на территории Туркестана довольно активно действовали афганские религиозные проповедники, которые сочетали пропаганду ислама с возбуждением в местном населении негативных чувств в отношении русского императора [21]. Им оказывалось противодействие со стороны русских военных. Об этом, в частности, подробно и с опорой на архивные документы пишет А. А. Салиев, исследовавший роль религии во внешней политике Афганистана во второй половине XIX в. Обратимся к самому автору: «одним из приближенных к эмиру представителей мусульманского “клира” в государстве был так называемый “Гуль-Падишах”, которого в Афганистане знали под именем Сахибзаде и очень уважали, поскольку он считался потомком “праведного” халифа Омара. Поэтому он имел огромный авторитет среди суннитов Афганистана и десятка тысяч мюридов (50–60 тыс.). Летом 1891 г. российским властям в Туркестане стало известно от российского генерального консула в Хорасане о том, что Гуль-Падишах намерен приехать в Закаспийскую область с целью пропаганды среди туркмен, после чего он намерен отправиться в Мекку по железной дороге до черноморских портов России, откуда морским путем намерен добираться до Джидды... Была отправлена соответствующая депеша в Азиатскую часть Главного штаба — орган, при помощи которого военное министерство руководило Туркестанским краем. 22 июня 1891 г. Азиатская часть Главного штаба предупредила начальника Закаспийской области, генерал-лейтенанта А. Н. Куропаткина о том, что, во вверенные ему пределы может прибыть известный афганский мусульманский теолог Гуль-Падишах, в связи с чем необходимо принять надлежащие меры... Позже, поскольку архив Закаспийской области был разграблен в годы гражданской войны и иностранной военной интервенции, то не осталось документальных сведений о подрывной

деятельности афганского клирика среди туркмен, казахов, каракалпаков и прочих мусульман в области» [19, с. 102]. Этот же исследователь, ссылаясь на архивные документы, датируемые соответствующим периодом времени, пишет о том, что в конце XIX в. среди мусульманского населения Средней Азии распространялись поступающие из Афганистана листовки, составленные на местных языках [19, с. 104].

Хотя Британия, о чем шла речь выше, и пыталась направить активность афганских правителей на север от Афганистана, афганский эмир соперничал за территории и политическое влияние в них непосредственно с самой Британией, что особенно ярко проявилось в конце XIX в. Речь пойдет о так называемой полосе независимых племен — населенных этническими пуштунами территориях между Афганистаном и владениями Британской Индии, которые по факту вплоть до конца XIX в. сохраняли политическую независимость, и о небольших княжествах Гиндукуша, также самостоятельных. В конце XIX в. в сферу политического влияния Британии вошли малые пригиндукушские княжества, соответственно утратив свою независимость (по большей части они были завоеваны силой британского оружия) [11]. На территории княжеств Гиндукуша выказывал претензии и Абдурахман-хан, но с сильной Британской империей соперничать в этом вопросе он не мог [13, с. 175]. Афганский эмир в указанный период времени также презентовал себя как глава мусульман не только Афганистана, но и «полосы независимых племен», рассчитывая посредством распространения своего религиозного влияния получить также и политическое [15, с. 294].

12 ноября 1893 г. представитель британской колониальной администрации М. Дюранд (секретарь по иностранным делам правительства Индии) и Абдурахман-хан подписали соглашение, в соответствии с которым была проведена так называемая линия Дюранда, отделившая Афганистан от владений Британской Индии, а афганский эмир официально отказывался от политических притязаний на «полосу племен», получив взамен увеличение выплачиваемой ему Британией финансовой субсидии. В результате проведения этой граничной линии ряд пуштунских племен или их часть оказались за пределами Афганистана, т. е. территории традиционного проживания некоторых племен оказались разделены. Вместе с тем отметим, что проблема Пуштунистана, остро вставшая после проведения линии Дюранда, уходит корнями еще в середину XIX в., когда Британия захватила исторически населенный пуштунами Пешавар, а также отторгла Пенджаб.

По всей видимости, афганский эмир воспринимал соглашение с М. Дюрандом как временную, вынужденную меру, поскольку на протяжении следующих лет он продолжал поддерживать антибританские восстания пуштунов, оказавшихся на индийской стороне линии Дюранда [13, с. 183–184], выдвигая при этом и религиозные лозунги священной войны против неверных. Впрочем, Британии удалось достичь успеха в подавлении антибританских пуштунских

выступлений [7, с. 58–61] — и в этом вопросе Афганистан не мог соперничать с сильной Британией, как и в случае обладания правами на гиндукушские княжества.

Вместе с тем в соответствии с вышеуказанным соглашением от 1893 г. в состав Афганистана был включен Кафиристан, бывший вплоть до конца XIX в. независимым. В 1895–1896 гг. афганский эмир покорил и присоединил Кафиристан, получивший новое название — Нуристан, — а его жители были обращены в ислам. После этого события афганский эмир получил титул «свет нации и религии», еще больше подняв свой авторитет как мусульманского правителя.

И, пожалуй, последнее, о чем следует упомянуть в связи с региональной внешнеполитической активностью Афганистана в XIX в. — это вопрос о принадлежности Памира [18]. В 1895 г. было подписано англо-русское разграничение по Восточному Памиру, в результате которого в состав Афганистана официально вошел Ваханский коридор, ставший буфером между русскими территориями в Центральной Азии и британскими владениями в Индии, а также Китае. Более того, войска афганского эмира были выведены из занятых им ранее Шугнана и Рушана, а основная часть Памира осталась за Россией [23, с. 284–286]. Здесь снова можно видеть пример того, как Афганистан стал объектом Большой игры Британии и России, поскольку документ по разграничению подписывали они; и в то же время он проявил себя как внешнеполитический региональный актер, увеличив свои территории на северо-востоке.

К концу XIX в. границы Афганистана, сохраняющиеся вплоть до настоящего времени, в целом были установлены. Афганским эмирам удалось не только объединить под своей властью большую часть территорий, входивших в состав Афганистана в период существования империи Дуррани, но и стать владельцами новых земель, получить территориальные приобретения (Ваханский коридор, Нуристан, Бадахшан и др.).

Заключение. К каким выводам можно прийти в результате этого исследования? Если говорить о глобальной геополитике и глобальной системе международных отношений, то Афганистан в XIX в., несомненно, выступал объектом соперничества двух великих европейских держав — Британии и Российской империи, — что, впрочем, неоднократно и подробно исследовано. Если же обратить внимание на региональный уровень, то можно убедиться в том, что Афганистан довольно активно действовал как самостоятельный субъект региональной подсистемы международных отношений, распространяя свое политическое, и не только, влияние на сопредельные территории или, по крайней мере, стремясь к этому (ханства Средней Азии, Нуристан, Афганский Туркестан, Памир, территории проживания туркменских племен, пригиндукушские княжества, север Британской Индии и т. д.).

Разумеется, тема внешнеполитической активности Афганистана и его роли как актора международных отношений в Центральной Азии в рассматриваемый автором период требует более глубокого анализа, но эта статья призвана обратить внимание на внешнюю политику Афганистана в XIX в. именно в контексте его активности, а также инициировать научную дискуссию по данной проблеме.

Список источников

1. Абдуллоев Р. Влияние этнического фактора на становление афганской государственности // Центральная Азия и Кавказ. 2014. Т. 17. № 1. С. 145–153.
2. Арунова М. Р., Лалетин Ю. П. Очерки средневековой и новой истории Афганистана. М.: Изд-во РУДН, 2010. 264 с.
3. Афганское разграничение. Переговоры между Россией и Великобританией 1872–1885 гг. СПб.: Типография А. С. Суворина, 1886. 381 с.
4. Бабаходжаев М. А. Английская агрессивная политика в Афганистане и борьбе афганского народа за независимость в 70-е годы XIX века // Независимый Афганистан (40 лет независимости) / отв. ред. Р. Т. Ахрамович. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 219–244.
5. Бабаходжаев М. А. Борьба Афганистана за независимость. 1838–1842. М.: Изд-во восточной литературы, 1960. 106 с.
6. Берзина А. А. Афганистан в политике Великобритании: вторая половина XIX – начало XX вв. // Историческая и социально-образовательная мысль. 2012. № 6. С. 25–27.
7. Богомолов С. А. Военно-полицейские операции на фронтире британской Индии (последняя треть XIX в.) // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2012. № 1. С. 51–62.
8. Васильев С. Д. Афганистан как эпицентр российско-британского соперничества на Среднем Востоке в середине XIX в. // Студенческая наука: современные реалии: сборник материалов Международной студенческой научно-практической конференции (Чебоксары, 27 апреля 2017 г.). Чебоксары: Интерактив плюс, 2017. С. 9–12.
9. Гелла Т. Н. Российские дипломаты об имперской политике Великобритании конца 60-х – 70-х гг. XIX века (на основе документов архива внешней политики российской империи) // Ученые записки Орловского государственного университета. 2014. № 5 (61). С. 26–34.
10. Данков А. Г. Цели и задачи британской политики на северо-западных рубежах Индии в работах британских историков конца XIX века // Вестник Томского государственного университета. 2013. № 372. С. 91–97.
11. Искандаров Б. И. Гиндукуш во второй половине XIX века. М.: Наука, 1968. 94 с.
12. Исламова И. П. Политика Великобритании в Афганистане в конце XIX века // Личность и общество в историческом процессе: сборник статей Междунар. науч.-практ. конф., 9–10 апреля 2020 года / под ред. И. М. Эрлихсон, Ю. В. Савосиной, Ю. И. Лосева. Рязань: ИП Коняхин А. В. (Book Jet), 2020. С. 54–62.
13. История Афганистана с древнейших времен до наших дней / отв. ред. Ю. В. Ганковский. М.: Мысль, 1982. 368 с.

14. Лисицына Н. Н. Закаспийский край в англо-русских отношениях (1880-е – 1907 гг.): автореф. дис. ... канд. ист. наук М., 2006. 30 с.
15. Массон В. М., Ромодин В. А. История Афганистана: в 2 т. Т. 2. Афганистан в Новое время. М.: Наука, 1965. 552 с.
16. Никонов О. А. Политика Российской империи на Среднем Востоке во второй половине XIX в. М.: Прометей, 2015. 144 с.
17. Плеханов А. Е. Англо-русская политика в отношении Афганистана в конце XIX – начале XX века // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2012. № 2 (35). С. 56–64.
18. Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке (монография в документах) / общ. ред. и предисл. академика В. С. Мясникова. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 416 с.
19. Салиев А. А. Религиозные аспекты во внутренней и внешней политике Афганистана конца XIX века // Казачество. 2018. № 36 (6). С. 101–108.
20. Салиев А. А. Религиозный фактор во внутренней и внешней политике Афганистана конца XIX века // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2016. Т. 16. № 12. С. 76–80.
21. Салиев А. А. Религия и геополитика: Россия в Центральной Азии (вторая половина XIX – начало XX в.): афганский «синдром» // Вестник Кыргызско-Российского Славянского университета. 2017. Т. 17. № 2. С. 173–177.
22. Сальникова А. В. Афганистан в политике Великобритании и России в конце XIX – начале XX века // Известия российского государственного педагогического университета имени А. И. Герцена. 2009. № 99. С. 53–58.
23. Сборник договоров России с другими государствами. 1856–1917 / под ред. Е. А. Адамова. М.: Госполитиздат, 1952. 463 с.
24. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско-британских отношений в Центральной и Восточной Азии. М.: Тов-во науч. изданий КМК, 2012. 454 с.
25. Смирнова Л. М. Англо-русское соперничество в Центральной Азии в 70–90-е годы XIX века: автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2004. 27 с.
26. Халфин Н. А. Английская экспансия в Афганистане и освободительная борьба афганского народа в первой половине XIX века // Независимый Афганистан (40 лет независимости) / отв. ред. Р. Т. Ахрамович. М.: Изд-во восточной литературы, 1958. С. 180–218.
27. Халфин Н. А. Провал британской агрессии в Афганистане (XIX в. – начало XX в.). М.: Соцэкгиз, 1959. 210 с.
28. Хоприн П. Большая игра против России: Азиатский синдром. М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. 266 с.
29. Фурсов К. А. Геополитика или экономика? Соотношение целей англо-русской экспансии в Центральной Азии в XIX в. // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2017. № 1. С. 6–28.
30. Юлдашбаева Ф. Х. Из истории английской колониальной политики в Афганистане и Средней Азии (70–80-е годы XIX в.). Ташкент: Госиздат УзССР, 1963. 191 с.
31. Kakar M. Hassan. A political and diplomatic history of Afghanistan, 1863–1901. Leiden; Boston: Brill, 2006. 259 p.
32. Meyer K. E., Brysac S. B. Tournament of Shadows: The Great Game and the race for empire in Central Asia. New York: Basic Books, 2006. 648 p.

References

1. Abdulloev R. Vliianie etnicheskogo faktora na stanovlenie afganskoj gosudarstvennosti [Influence of the ethnic factor on the formation of the Afghan statehood] // Tsentral'naia Aziia i Kavkaz. 2014. T. 17. № 1. S. 145–153. (In Russ.).
2. Arunova M. R., Laletin Iu. P. Ocherki srednevekovoi i novoi istorii Afganistana [Essays on the medieval and modern history of Afghanistan]. Moscow: Izd-vo RUDN, 2010. 264 s. (In Russ.).
3. Afganskoe razgranichenie. Peregovory mezhdru Rossiei i Velikobritaniei 1872–1885 gg. St. Petersburg: Tipografii A. S. Suvorina, 1886. 381 s. (In Russ.).
4. Babakhodzhaev M. A. Angliiskaia agressivnaia politika v Afganistane i bor'be afganskogo naroda za nezavisimost' v 70-e gody XIX veka [English aggressive policy in Afghanistan and the struggle of the Afghan people for independence in the 70s of the XIX century] // Nezavisimyi Afganistan (40 let nezavisimosti) / otv. red. R. T. Akhramovich. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1958. S. 219–244. (In Russ.).
5. Babakhodzhaev M. A. Bor'ba Afganistana za nezavisimost'. 1838–1842. [The struggle of Afghanistan for independence. 1838–1842]. Moscow: Izd-vo vostochnoi literatury, 1960. 106 s. (In Russ.).
6. Berzina A. A. Afganistan v politike Velikobritanii: vtoraiia polovina XIX – nachalo XX vv. [Afghanistan in British politics: the second half of the XIX – early XX centuries] // Istoricheskaia i sotsial'no-obrazovatel'naia mysl'. 2012. № 6. S. 25–27. (In Russ.).
7. Bogomolov S. A. Voенно-politseyskie operatsii na frontire britanskoi Indii (posledniaia tret' XIX v.) [Military police operations on the frontier of British India (last third of the 19th century)] // Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2012. № 1. S. 51–62. (In Russ.).
8. Vasil'ev S. D. Afganistan kak epitsentr rossiisko-britanskogo sopernichestva na Srednem Vostoke v seredine XIX v. [Afghanistan as the epicenter of Russian-British rivalry in the Middle East in the middle of the 19th century] // Studencheskaia nauka: sovremennye realii: sbornik materialov Mezhdunarodnoi studencheskoi nauchno-prakticheskoi konferentsii (Cheboksary, 27 apreliia 2017 g.). Cheboksary: Interaktiv plus, 2017. S. 9–12. (In Russ.).
9. Gella T. N. Rossiiskie diplomaty ob imperskoi politike Velikobritanii kontsa 60-kh – 70-kh gg. XIX veka (na osnove dokumentov arkhiva vneshnei politiki rossiiskoi imperii) [Russian diplomats on the imperial policy of Great Britain in the late 60s – 70s. XIX century (based on documents from the archive of the foreign policy of the Russian Empire)] // Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta. 2014. № 5 (61). S. 26–34. (In Russ.).
10. Dankov A. G. Tseli i zadachi britanskoi politiki na severo-zapadnykh rubezhakh Indii v rabotakh britanskikh istorikov kontsa XIX veka [Goals and objectives of British policy on the north-western borders of India in the works of British historians of the late 19th century] // Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. 2013. № 372. S. 91–97. (In Russ.).
11. Iskandarov B. I. Gindukush vo vtoroi polovine XX veka [Hindukush in the second half of the 19th century]. Moscow: Nauka, 1968. 94 s. (In Russ.).
12. Islamova I. P. Politika Velikobritanii v Afganistane v kontse XIX veka [British policy in Afghanistan in the 19th century] // Lichnost' i obshchestvo v istoricheskom protsesse: sbornik statei Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., 9–10 apreliia 2020 goda / pod red.

I. M. Erlikhson, Iu. V. Savosinoi, Iu. I. Loseva. Riazan': IP Koniakhin A. V. (Book Jet), 2020. S. 54–62. (In Russ.).

13. Istoriia Afganistana s drevneishikh vremen do nashikh dnei [History of Afghanistan from ancient times to the present day] / otv. red. Iu. V. Gankovskii. M.: Mysl', 1982. 368 s. (In Russ.).

14. Lisitsyna N. N. Zakaspiiskii krai v anglo-russkikh otnosheniakh (1880-e – 1907 gg.) [Transcaspian territory in Anglo-Russian relations (1880s – 1907)]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. Moscow, 2006. 30 s. (In Russ.).

15. Masson V. M., Romodin V. A. Istoriia Afganistana [History of Afghanistan]: v 2 t. T. 2. Afganistan v Novoe vremia. Moscow: Nauka, 1965. 552 s. (In Russ.).

16. Nikonov O. A. Politika Rossiiskoi imperii na Srednem Vostoke vo vtoroi polovine XIX v. [Policy of the Russian Empire in the Middle East in the second half of the XIX century]. Moscow: Prometei, 2015. 144 s. (In Russ.).

17. Plekhanov A. E. Anglo-russkaia politika v otnoshenii Afganistana v kontse XIX – nachale XX veka [Anglo-Russian policy towards Afghanistan in the late XIX – early XX century] // Vestnik Riazanskogo gosudarstvennogo universiteta imeni S. A. Esenina. 2012. № 2 (35). С. 56–64. (In Russ.).

18. Postnikov A. V. Skhvatka na «Kryshe Mira»: politiki, razvedchiki i geografy v bor'be za Pamir v XIX veke (monografiia v dokumentakh) [Fight on the “Roof of the World”: politicians, scouts and geographers in the struggle for the Pamir in the 19th century (Monograph in documents)] / obshch. red. i predisl. akademika V. S. Miasnikova. Moscow: Pamiatniki istoricheskoi mysli, 2001. 416 s. (In Russ.).

19. Saliev A. A. Religioznye aspekty vo vnutrennei i vneshnei politike Afganistana kontsa XIX veka [Religious aspects in the domestic and foreign policy of Afghanistan at the end of the 19th century] // Kazachestvo. 2018. № 36 (6). S. 101–108. (In Russ.).

20. Saliev A. A. Religiozni faktor vo vnutrennei i vneshnei politike Afganistana kontsa XIX veka [Religious factor in the domestic and foreign policy of Afghanistan at the end of the 19th century] // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta. 2016. T. 16. № 12. S. 76–80. (In Russ.).

21. Saliev A. A. Religii i geopolitika: Rossiia v Tsentral'noi Azii (vtoraia polovina XIX – nachalo XX v.): afganskii «sindrom» [Religion and geopolitics: Russia in Central Asia (second half of XIX – early XX century): Afghan “syndrome”] // Vestnik Kyrgyzsko-Rossiiskogo Slavianskogo universiteta. 2017. T. 17. № 2. S. 173–177. (In Russ.).

22. Sal'nikova A. V. Afganistan v politike Velikobritanii i Rossii v kontse XIX – nachale XX veka [Afghanistan in the policy of Great Britain and Russia in the late XIX – early XX century] // Izvestiia rossiiskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta imeni A. I. Gertsena. 2009. № 99. S. 53–58. (In Russ.).

23. Sbornik dogovorov Rossii s drugimi gosudarstvami. 1856–1917 / pod red. E. A. Adamova. Moscow: Gospolitizdat, 1952. 463 s. (In Russ.).

24. Sergeev E. Iu. Bol'shaia igra, 1856–1907: mify i realii rossiisko-britanskikh otnoshenii v Tsentral'noi i Vostochnoi Azii [Big Game, 1856–1907: myths and realities of Russian-British relations in Central and East Asia]. Moscow: Tov-vo nauch. izdaniia KMK, 2012. 454 s. (In Russ.).

25. Smirnova L. M. Anglo-russkoe sopernichestvo v Tsentral'noi Azii v 70 – 90-e gody XIX veka [Anglo-Russian rivalry in Central Asia in the 70s – 90s of the XIX century]: avtoref. dis. ... kand. ist. nauk. St. Petersburg, 2004. 27 s. (In Russ.).

26. Khalfin N. A. Angliiskaia ekspansiia v Afganistane i osvoboditel'naia bor'ba afganskogo naroda v pervoi polovine XIX veka [English expansion in Afghanistan and the liberation struggle of the Afghan people in the first half of the 19th century] // *Nezavisimyi Afganistan (40 let nezavisimosti) / otv. red. R. T. Akhramovich. M.: Izd-vo vostochnoi literatury, 1958. S. 180–218. (In Russ.)*.

27. Khalfin N. A. Proval britanskoi agressii v Afganistane (XIX v. – nachalo XX v.) [The failure of the British aggression in Afghanistan (XIX century – early XX century)]. Moscow: Sotsekgiz, 1959. 210 s. (In Russ.).

28. Khoprik P. Bol'shaia igra protiv Rossii: Aziatskii sindrom [The Great Game against Russia: Asian syndrome]. Moscow: RIPOL KLASSIK, 2004. 266 s. (In Russ.).

29. Fursov K. A. Geopolitika ili ekonomika? Sootnoshenie tselei anglo-russkoi ekspansii v Tsentral'noi Azii v XIX v. [Geopolitics or Economics? The ratio of the goals of the Anglo-Russian expansion in Central Asia in the 19th century] // *Vostok. Afro-aziatskie obshchestva: istoriia i sovremennost'. 2017. № 1. S. 6–28. (In Russ.)*.

30. Iuldashbaeva F. Kh. Iz istorii angliiskoi kolonial'noi politiki v Afganistane i Srednei Azii (70–80-e gody XIX v.) [From the history of the English colonial Politics in Afghanistan and Central Asia (70–80s of the XIX century)]. Tashkent: Gosizdat UzSSR, 1963. 191 s. (In Russ.).

31. Kakar M. Hassan. A political and diplomatic history of Afghanistan, 1863–1901. Leiden; Boston: Brill, 2006. 259 p.

32. Meyer K. E., Brysac S. B. Tournament of Shadows: The Great Game and the race for empire in Central Asia. New York: Basic Books, 2006. 648 p.

УДК 94 (470.57) «18»
DOI 10.25688/20-76-9105.2021.44.4.10

Кабытов Петр Серафимович

доктор исторических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ
Самарский национальный исследовательский университет
Самара, Россия
e-mail: don.kabytov2012@yandex.ru; orcid.org/0000-0002-2359-2155

Баринава Екатерина Петровна

доктор исторических наук, профессор
Самарский национальный исследовательский университет
Самара, Россия
e-mail: rfnz25@yandex.ru; orcid.org/0000-0002-2514-9421

РЕЦЕНЗИЯ НА:

Роднов М. И. Дворянская усадьба Уфимского уезда второй половины XIX в. Восток. Север / Уфимский научный центр РАН; Институт истории языка и литературы. Уфа: Б. и., 2017. 204 с.

В 2017 г. ведущий научный сотрудник Института истории, языка и литературы Уфимского научного центра РАН М. И. Роднов опубликовал новое исследование по истории уфимского дворянства второй половины XIX века. В качестве объекта исследования автор избрал дворянство Уфимского уезда, так как вокруг губернского города Уфы была высокая степень концентрации дворянских имений. Их владельцами были как потомки служилых людей, так и чиновники имперской администрации, в собственности которых находились крупные владения. В Уфимском уезде было представлено большое число мелкопоместного дворянства, среди которых преобладали «почти омужичившиеся» однодворцы (с. 10). Несомненно, интерес автора

к Уфимскому уезду обусловлен его географическим размещением, своеобразием социально-экономических и природно-географических условий. Учитывая эти факторы, а также огромный размер уезда, М. И. Роднов основное внимание уделил изучению дворянских усадеб, расположенных в восточной и северной полосах Уфимского уезда.

В предисловии к монографии автор говорит об актуальности исследуемой проблемы, правомерно подчеркивая, что судьбы той или иной страны зависят от уровня развития элит, их образования, культурных ориентиров и таких факторов, как организационные формы управления и восприятия элитами новаций, готовность поделиться своими властными полномочиями с представителями других социальных страт страны. Автор ставит вопрос о том, смогут ли страны второго и третьего эшелона догнать или хотя бы не отстать в своем развитии от хода цивилизации или они обречены на сценарий выступать в роли сырьевого придатка, что во многом, если не в решающей степени, «зависело и зависит от правящих элит» (с. 4). В этой связи нельзя не согласиться с тем, что научная разработка истории уфимского дворянства — составной и неотъемлемой части правящей социокультурной элиты Российской империи — представляет возможность проследить воздействие реформы 1861 г., реализация которой привела к массовому разорению мелкопоместного дворянства, утрате сословных привилегий и кризису дворянской идентичности.

В кратком историографическом обзоре дана оценка региональных исследований, позитивно оцениваются научные труды историков Урала, Поволжья, центральных регионов России и Крыма. Автор говорит о достижениях историков в изучении таких направлений, как персоналии, генеалогические сюжеты, история отдельных дворянских усадеб, социально-экономический строй помещичьих хозяйств в пореформенный период, социокультурные аспекты эволюции дворянско-помещичьего мира. Как подчеркивает автор, на современном этапе развития отечественной историографии судьба дворянских усадеб находится в центре исследовательских практик российских историков. В монографии анализируются работы уфимских историков [1–3] и краеведа П. В. Егорова. Анализ научных исследований предшественников позволил выявить пробелы в изучении исследуемой темы и определить корпус документальных источников и материалов. Отметим, что исследовательская практика М. И. Роднова базируется, как правило, на основе привлечения большого корпуса источников. Им проделан большой объем работы по выявлению и изучению в уставных грамотах исторической информации о дворянских семьях и усадьбах. Впервые привлечены материалы уфимской прессы, в которых публиковались официальные известия об уставных грамотах и выкупных сделках. Из этих источников историк извлекал сведения о границах барских усадеб, наличии разных строений. М. И. Роднов с сожалением констатирует, что данные о наличии садово-парковых ансамблей в этих материалах встречаются редко. Но вместе с тем исследователь, изучая эти документы, может реконструировать географическое размещение как поместья, так и усадьбы. Традиционно в состав корпуса

источников включены статистические исследования, которые проводились в Оренбургской губернии накануне Великих реформ. На основе этих материалов автор воссоздал полный перечень дворянских усадеб. Причем для определения местонахождения барской усадьбы в имении историк использовал такой показатель, как наличие дворовой прислуги, что является, по существу, новым приемом при изучении истории дворянских усадеб. Особое значение имело использование произведений художественной литературы, а также воспоминаний современников для реконструкции условий жизни и быта семьи помещика и прислуги. И, конечно, не обойдены вниманием генеалогические материалы. Источниковая база исследования была расширена благодаря материалам полевых изысканий уфимского краеведа П. В. Егорова, который записал воспоминания старожилов и воссоздал географическое расположение ряда исчезнувших в советское время усадебных комплексов (с. 9–10).

Исследование истории дворянских усадеб осуществлено М. И. Родновым с использованием многофакторного анализа и междисциплинарного подхода, что позволило существенно расширить представления об эволюции провинциального дворянства в пореформенный период и сформулировать новые концептуальные положения. Автор использует при анализе источников и литературы современный исследовательский инструментарий, в его арсенале методы экономической истории, новой социальной истории, повседневной истории, социальной психологии и исторической памяти.

Кроме предисловия в структуру монографии включен раздел «Интерлюдия. Неэффективные собственники». Конечно, термин «интерлюдия» предполагает, что автор представит читателю небольшую музыкальную пьесу. Но это не так, М. И. Роднов под интерлюдией подразумевает связующее построение между предисловием, главами монографии и заключением, в котором он анализирует факторы, оказавшие воздействие на эволюцию регионального помещичьего дворянства, которое в массе своей не могло приспособиться к новым условиям и вести эффективную хозяйственную деятельность. В монографии приведены сведения о том, что большая часть уфимских дворян, так же как и подавляющее большинство первенствующего сословия Российской империи, негативно отнеслось к ликвидации крепостничества. Далее автор перечисляет факторы, обусловившие обострение кризисных явлений в аграрной сфере экономики страны. К их числу он относит отсутствие ресурсов у дворян для экстенсивного ведения хозяйства. Так же как и в Великороссии, и в Поволжье, в изучаемом регионе был исчерпан фонд свободных земель для развития хозяйств, вырублены леса, распаханы покосы. И, как следствие, произошло падение доходов помещиков. Пожалуй, нельзя не согласиться с выводами М. И. Роднова, что вследствие экстенсивных методов ведения хозяйственной деятельности и аграрного перенаселения вольно или невольно был нарушен баланс природной среды. К тому же дворяне Уфимского уезда накануне Великих реформ не могли приобретать земли у башкир, казны и удела. Имели место

лишь переходы земельной собственности внутри дворянского сословия. Да у них и не было желания, агрономических знаний и финансовых средств, для того чтобы приступить к внедрению интенсивных методов ведения хозяйства.

Автор приводит сведения о том, что в 1861 г. в Уфимском уезде насчитывалось 309 имений, но лишь в 12 % от общего их количества в них жили владельцы (с. 14), которые непосредственно занимались ведением хозяйства. В остальных имениях эти обязанности по старинке исполняли приказчики, бурмистры и старосты. Основным источником бюджета для дворян являлась служба в имперской администрации. Многие имения, особенно вблизи города Уфы, использовались дворянами в качестве летней дачи. Накануне реформы 1861 г. лишь в 33 имениях велось товарное хозяйство.

В монографии представлен анализ ситуации, возникшей в связи с ликвидацией крепостных отношений. Более десяти лет между владельцами и бывшими крепостными шли споры о размерах выкупа, что порождало неопределенность отношений между ними и повлияло на процесс деградации и упадка многих хозяйств (с. 20). С другой стороны, эта неопределенность усугубила финансовое положение дворян. Как известно, основным источником дохода для дворян являлась служба в имперской администрации. Но большая часть дворян жила за счет доходов, получаемых от имения. В условиях реализации реформы 1861 г. многие помещики стали испытывать дефицит финансовых средств. К тому же они не могли продавать свои имения, так как из-за споров с крестьянами оформление прав на земельную собственность затянулось вплоть до 1870-х гг. М. И. Роднов приводит данные о реализации помещиками ценных бумаг и выкупных свидетельств, которые приобретались с дисконтом Уфимским попечительным о бедных комитетом. Дворяне могли вносить в качестве вкладов выкупные свидетельства в Уфимское отделение Государственного банка. Здесь же говорится о том, что дворяне получали от крестьян 20 % от выкупной ссуды прямых денежных поступлений, но эти суммы не покрывали прежних доходов помещиков.

Спустя десятилетие неопределенность отношений между дворянами и крестьянами была наконец-то преодолена, правовые вопросы были урегулированы и началась распродажа помещичьих имений и усадеб. Сформировался и стал функционировать региональный земельный рынок, на котором продавцами земли выступали дворяне, а покупателями были купцы, мещане, товарищества, общества и крестьяне. Впечатляют данные о продаже дворянами Уфимской губернии имений. В 1885 г. дворяне имели 774 906,9 дес. земли, а к 1917 г. в их распоряжении оставалось лишь 188 205,5 дес. (с. 27). О неэффективности хозяйственной деятельности дворян свидетельствуют данные переписи 1912–1913 гг., в которой зафиксировано, что дворянам принадлежало лишь 3,7 % посевных площадей Уфимской губернии. Несмотря на финансовую поддержку Государственного дворянского земельного банка, в общем объеме «аграрного производства удельный вес помещичьих хозяйств занимал ничтожную

величину» (с. 29). Эти данные убедительно свидетельствуют о том, что ликвидация крепостнических отношений для уфимских дворян стала смертельным ударом. Лишь немногие дворяне смогли трансформировать свои имения и вписаться в рыночные отношения. Как правило, это были агрофирмы, в которых велось многоотраслевое хозяйство.

В монографии большое внимание уделено изучению мира мелкопоместного дворянства. Доказано, что эта страта регионального дворянства с давних пор концентрировалась вокруг губернского города Уфы. Отмечено, что на территории усадеб мелкопоместных дворян располагались дома с мезонином, крылечком и садиком. Как правило, в усадьбах доминировали деревянные строения. Автор отмечает, что мелкопоместные дворяне имели скромное благосостояние. Приведены примеры размывания сословных границ: мелкопоместные дворяне вступали в брачные отношения с чиновниками, купцами, мещанами и даже крестьянами. Здесь же приведены примеры условий ликвидации обязательных отношений между дворянами и дворовой прислугой. М. И. Роднов установил, что только 85 % всей крепостной прислуги в течение двух лет продолжали служить помещикам. В контекст раздела органично вписан сюжет, заимствованный из очерка писателя М. Л. Михайлова, в котором представлена яркая панорама внутреннего мира и повседневной жизни мелкопоместных дворян (с. 35–39).

В первой главе «Восток, за рекой Уфимкой» реконструирована судьба дворянских усадеб, которые находились на территории Иглинской и Нагаевской волостей, в труднодоступной лесной полосе с малопродуктивными почвами было сложно. Ситуация с транспортным сообщением улучшилась в связи с сооружением железной дороги, которая протянулась до железнодорожных станций Иглино и Шакша. М. И. Роднов при изучении истории дворянских усадеб проанализировал не только уставные грамоты, но и привлек разнообразный документальный материал, который позволил ему реконструировать историю дворянских родов, а также проследить процесс перехода земельной собственности как внутри дворянских семей, так и за их пределами. Он приводит данные о продаже дворянами земли представителям других социальных страт. В монографии показаны взаимоотношения дворян с дворовыми и приводятся сведения об условиях их выкупа. Вместе с тем вполне доказанным является тезис о том, что мелкопоместные дворяне в условиях реализации реформы 1861 г. не смогли вписаться в рыночные условия. На материалах Иглинской волости М. И. Роднов представил географическое размещение усадеб мелкопоместных дворян. Установлено, что к 1861 г. в волости насчитывалось 38 дворянских усадеб, которые обслуживали более 20 дворовых крестьян. Кроме семейных среди них были и одинокие: как правило, повара и конюхи. М. И. Роднов считает, что в Иглинской волости было семь крупных усадебных комплексов — «в Базилевке и Иглино, Новой (два), Старой Березовке, Петровке и Покровке» (с. 86). Владельцами большинства усадеб были мелкопоместные

дворяне. Они жили в простых деревянных одноэтажных домах. Но были и исключения. Так, в центре села Иглино располагался большой деревянный дом уфимского губернского прокурора Н. Е. Веригина. Он сохранился вплоть до 1960-х гг. В нем в советское время была размещена больница. Помещик сдавал в аренду купцам базарную площадь (с. 55).

Автор приводит сведения о продаже имения П. В. Лузгиным, которые были размещены в уфимской прессе. Имение продавалось за 10 500 руб. Площадь его составляла чуть более 418 десятин земли. В усадьбе находился господский дом, флигель, четыре хлебных амбара, два погреба, каретник, пять хлевов, лабаз, рига, переправа с двумя паромами, три лодки, землянка, рыбные ловли в озерах и на реке, пристань (с. 74). Но таких усадеб были считанные единицы. В силу ряда факторов, и прежде всего неэффективности хозяйственной деятельности дворян, сложившейся в крепостную эпоху жилой и хозяйственный комплекс барских усадеб во второй половине XIX в. «завершал свою историю как социокультурное явление» (с. 86). По данным М. И. Роднова, крах помещичьих хозяйств произошел в первые два десятилетия пореформенного периода. В 1860-е гг. исчезли 17 усадеб из 38, в 1870-е гг. — 12, в 1880-е гг. — две (с. 87). Тем не менее он отмечает две тенденции, которые наметились в пореформенный период. Первая состояла в ликвидации имений, вторая проявилась в том, что при всей внешней слабости мира мелкопоместного дворянства некоторых его представителей отличала живучесть и упорное стремление продолжать хозяйственную деятельность (с. 64–65). И все же автор отмечает, что 80 % усадеб исчезли еще до строительства в 1888 г. железной дороги, наплыва переселенцев и роста цен на землю. Несомненно, эти факторы также повлияли на крах помещичьего хозяйства. Лишь две усадьбы Иглинской волости сохранились до начала XX в. А старинная усадьба Веригина завершила свое существование в 60-е гг. XX в.

Кроме вышеизложенного М. И. Роднов также предпринял реконструкцию истории дворянских усадеб, находившихся на территории Нагаевской волости, расположенной на юго-востоке по правому берегу реки Белой. Помимо географического размещения дворянских гнезд в этой части главы подробно анализируются отношения дворян с крестьянами в ходе реализации реформы 1861 г., раскрываются причины ликвидации дворянских усадеб. Автором установлено, что, как и в Иглинской волости, многие владельцы поместий разорились, лишь четыре владельца смогли сохранить усадьбы к началу XX в. (с. 123). Исследователь приходит к выводу о том, что процессы гибели дворянских усадеб были идентичными, но в то же время отмечает их более медленные темпы в Нагаевской волости, что объясняет близостью дворянских усадеб к губернскому городу. В монографии подчеркивается, что лишь единичные, состоятельные семьи или те, кто имел предприимчивых потомков, смогли сохранить родовые поместья. Автор говорит о трудностях ведения агробизнеса в лесной полосе Уфимской губернии. Как правило, дворяне могли получать доход от продажи леса

или от продажи (аренды) земли. В 1880-е гг. покупать землю или ее арендовать стали многочисленные переселенцы. В монографии отмечаются возникшие у дворян финансовые трудности, которые повлияли на сохранность старинных усадеб, использовавшихся владельцами в качестве летних дач. М. И. Роднов разделяет точку зрения мирового посредника В. А. Новикова, который в 1860 г. говорил о гуманности уфимских дворян, шедших при заключении уставных грамот и выкупных сделок на уступки своим бывшим крепостным крестьянам, и приводит многочисленные примеры таких случаев (с. 124). Важное значение имеет вывод автора о том, что многие дворяне осознавали бесперспективность своего будущего предпринимательства в аграрной сфере экономики страны, а потому ликвидировали свои поместья.

Во второй главе «Север, междуречье рек Белой и Уфы» содержится анализ истории дворянских поместий в непосредственной близости от Уфы — в Богородской волости, — где наблюдалась повышенная концентрация крупных усадеб. Почти в каждой третьей усадьбе имелся садово-парковый ансамбль. Выгодное географическое расположение имений предопределило их дальнейшую судьбу — они органично вписались в предместья губернского города и стали использоваться их владельцами в качестве дач. Автор показывает процесс включения дворянских усадеб в городскую среду, приходит к выводу, что близость к Уфе позволила помещикам содержать огромные усадебные комплексы. И все же 12 дворянских усадеб из 20 исчезли уже в первые два десятилетия второй половины XIX в. Смогли сохранить имения лишь те помещики, которые были новаторами, увлекались агрономией и благодаря внедрению интенсивных методов сумели повысить рентабельность своих хозяйств.

Как и прежде, М. И. Роднов анализирует семейные истории видных уфимских дворянских родов. В монографии представлены биографические очерки дворянских родов Новиковых, Глумилиных, Колокольцевых, Тимашевых, Веригиных, Гладышевых и др. Автором проанализированы внутрисемейные отношения и общественная деятельность представителей дворянских родов, их вклад в развитие Уфимской губернии. Украшением монографии является описание усадеб П. И. Сергеева и Благовещенского завода (с. 174–185). Весьма позитивно оцениваем включение в состав монографии приложений «Крупнейшие поместья Уфимского уезда в 1860 г.» и «Опись построек Благовещенского завода. 1906 г.». Несомненно, монографию М. И. Роднова можно отнести к числу новаторских региональных исследований, в которой представлены жизнь и судьбы как уфимских дворян, так и их поместий. Вполне доказанным является вывод о том, что региональное дворянство не смогло освоить социальные практики, позволявшие вписать их имения в рыночные отношения.

Список источников

1. Давлетбаев Б. С. Крестьянская реформа 1861 года в Башкирии. М.: Наука, 1983. 144 с.
2. Кречетович И. П. Крестьянская реформа в Оренбургском крае (по архивным данным). Т. 1. Подготовка реформы. М.: Синодальная типография, 1911. 627 с.
3. Уфимские помещики: типы источников, виды документации: монография / Ю. М. Абсалимов и др. Уфа: ДизайнПресс, 2013. 204 с.

References

1. Davletbaev B. S. Krest'ianskaia reforma 1861 goda v Bashkirii [Peasant reform of 1861 in Bashkiria]. Moscow: Nauka, 1983. 144 s.
2. Krechetovich I. P. Krest'ianskaia reforma v Orenburgskom krae (po arkhivnym dannym). T. 1. Podgotovka reformy. Moscow: Sinodal'naiia tipografiia, 1911. 627 s.
3. Ufimskie pomeshchiki: tipy istochnikov, vidy dokumentatsii [Ufa landowners: types of sources, types of documentation]: monografiia / Iu. M. Absaliamov i dr. Ufa: DizainPress, 2013. 204 s.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ ОРИГИНАЛОВ СТАТЕЙ

Уважаемые авторы!

Рецензируемый научный журнал «Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки» принимает к публикации оригинальные, не опубликованные ранее работы по конкретным историческим, историографическим и источниковедческим темам, содержание которых соответствует научным специальностям 5.6.1. Отечественная история и 5.6.2. Всеобщая история.

Оригинальность авторского текста должна составлять не менее 80 %.

Материалы для публикации научной статьи направляются по адресу: vestnik_hist@mgpu.ru

Объем и форматирование

Объем научной статьи — до 40 000 знаков с пробелами, включая рисунки, таблицы и графики, список литературы, без учета метаданных. Поля — по 20 мм справа, слева, сверху, снизу. Шрифт — Times New Roman, кегль — 14. Интервал — 1,5. Красные строки — 1,25 (выставляются автоматически).

Метаданные

Метаданные приводят до основного текста статьи на языке текста статьи и затем повторяют на английском языке.

Перед названием статьи указываются данные в обозначенной последовательности на разных строках без разделения запятыми:

Ф. И. О. автора (авторов)

ученая степень и ученое звание (при наличии)

место работы

город, страна

электронная почта; ORCID.

Ниже по центру размещается название статьи (не более 15 слов).

После названия научной статьи следуют аннотация (200–250 слов) и ключевые слова (7–10 слов).

Фамилия, имя, отчество на русском языке указываются полностью (Иванов Иван Иванович), на английском языке отчество сокращается до начальной буквы (Ivan I. Ivanov).

Индекс Универсальной десятичной классификации (УДК) указывается в верхнем левом углу до Ф. И. О. автора (www.teacode.com/online/udc/).

Разделы научной статьи

Во *введении* должна быть поставлена проблема; обозначена научная новизна и актуальность исследования; представлена историография вопроса и источниковая база исследования.

Ход и результаты исследования должны соответствовать его целям и задачам. Результаты исследования представляются в максимально доказательной форме (в том числе в виде таблиц, графиков, диаграмм и т. п.).

Заключение должно содержать выводы по результатам исследования в кратком систематизированном виде, по желанию автора раскрываются перспективы продолжения проведения исследований в данном направлении, даются рекомендации для практического применения результатов исследования.

Заголовки разделов научной статьи указываются перед текстом раздела научной статьи, отделяются точкой, выделяются полужирным шрифтом.

Рисунки, схемы, таблицы и графики выполняются в графических редакторах, поддерживающих векторные и растровые изображения (сканирование не допускается); нумеруются в порядке упоминания их в тексте. Не допускается использование цветных рисунков и графиков. Все изображения, представленные в статье, должны иметь подписи и ссылки на источник, если они выполнены не самим автором. Отдельно предоставляются рисунки в формате jpeg, не менее 300 dpi точек на дюйм.

Список источников / литературы

Список литературы должен составлять не менее 15 пунктов, в том числе опубликованных в зарубежных базах цитирования (Scopus, Web of Science) за последние 5 лет (по отечественной истории — не менее 1/4 от общего количества пунктов, по всеобщей истории — не менее 1/3), с указанием DOI или URL национального архива для всех источников (при наличии).

Все упомянутые в тексте статьи авторы должны быть представлены своими работами в списке литературы, а все включенные в список литературы работы — в тексте статьи в виде ссылок.

Ссылки на литературу оформляются в тексте научной статьи в квадратных скобках. Например: [15, с. 140], где первая цифра означает порядковый номер в списке литературы, вторая — номер страницы источника (если это цитата). Ссылки на архивные источники в тексте научной статьи оформляются так же, как и ссылки на литературу (например: [6, л. 11 об.]).

Перечень затекстовых библиографических ссылок (= Список источников / литературы) помещают после основного текста статьи. Список литературы на русском языке оформляется в соответствии с ГОСТ Р 7.05-2008 «Библиографическая ссылка» и формируется в алфавитном порядке. При наличии у публикации индекса DOI, он приводится в обязательном порядке.

В Список источников / литературы включаются все архивные дела, на листы которых делаются ссылки. Описание архивного дела начинается с наименования архива. Если дается библиографическое описание второго и последующих дел одного архивохранилища, наименование архива приводится в сокращенном виде.

References (список литературы на английском языке) оформляется в соответствии со стилем APA (apastyle.apa.org). В References необходимо полностью

повторить список литературы в русскоязычной части, независимо от наличия в нем иностранной литературы.

В References данные по каждому русскоязычному источнику предоставляются с транслитерацией фамилии автора, в соответствии с оригинальным переводом метаданных статьи на английский язык, с названием журнала, зарегистрированном на английском языке (при наличии). Если русскоязычный источник имеет зарегистрированные метаданные на английском языке, то они приводятся в References.

Также по каждому русскоязычному источнику предоставляется транслитерация наименования источника (www.translit.ru). Режим транслитерации следует выбрать LC (Library of Congress). После транслитерации русскоязычных источников в скобках указывается (in Russian).

Примеры:

Список литературы

Гроссул В. Я. О периодизации всемирной и отечественной истории // Российская история. 2007. № 3. С. 122–139.

Российский государственный архив экономики. Ф. Р-9538. Оп. 16. Д. 1114. Л. 80.

References

Grossul V. Ya. (2007). O periodizacii vseмирnoj i otechestvennoj istorii [On the Periodization of World and National History]. *Rossijskaya istoriya* [*Russian History*], (3), 122–139 (in Russian).

Rossiiskii gosudarstvennyi arkhiv ekonomiki [Russian State Archive of the Economy] (n. d.). F. R-9538. Op. 16. D. 1114. L. 80 (in Russian).

Низкое качество списка литературы и References (неполные, недостоверные и некорректные данные) является одной из причин отказа в приеме рукописи к публикации.

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научный журнал / Scientific Journal

Вестник МГПУ.

Серия «Исторические науки»

**MCU Journal
of Historical Studies**

2021, № 4 (44)

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер и дата принятия решения о регистрации:
серия ПИ № ФС77-82088 от 12 октября 2021 г.

Главный редактор:

доктор исторических наук, профессор, член-корреспондент РАО *В. В. Рябов*

Заместитель главного редактора:

доктор исторических наук, профессор *И. В. Омельянчук*

Главный редактор выпуска:

кандидат исторических наук, старший научный сотрудник *Т. П. Веденева*

Редактор:

И. Е. Посоха

Корректор:

К. М. Музамилова

Техническое редактирование и верстка:

О. Г. Арефьева

Научно-информационный издательский центр МГПУ
129226, Москва, 2-й Сельскохозяйственный проезд, д. 4, корп. 1.

Телефон: 8-499-181-50-36.

E-mail: niic@mgu.ru

Подписано в печать: 25.02.2022.

Формат 70 × 108 ¹/₁₆. Бумага офсетная.

Объем 9,25 печ. л. Тираж 1000 экз.